ИНДИЙСКИЙ „ДЕКАМЕРОН"

•

СЕМЬДЕСЯТ РАССКАЗОВ ПОПУГАЯ

•

Дандин

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ДЕСЯТИ ПРИНЦЕВ

Москва
НАУКА
Издательская фирма «Восточная литература»
1993

ББК 84.5 Ид
С30

Перевод с санскрита

Редактор издательства
Н. Б. КОНДЫРЕВА

И $\frac{4703020100-079}{013(02)-92}$ 113-93

ББК 84.5 Ид

ISBN 5-02-017618-4

© Издательская фирма
«Восточная литература»
ВО «Наука», 1993

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Под названием «Индийский Декамерон» объединены два знаменитых произведения индийской классики: роман Дандина «Приключения десяти принцев» (VI в.) и анонимная повесть «Семьдесят рассказов попугая» (XIII в.).

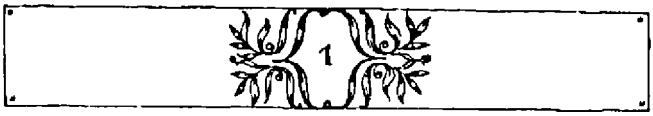
Оба эти произведения написаны на санскрите — праматери индийских языков — и представляют собой причудливое собрание красочных бытовых сценок, фантастических сказаний, романтических любовных приключений, скрепленных изящной сюжетной «рамкой», рассказом, который оправдывает, объясняет сведéние воедино столь разнообразных сюжетов и вместе с тем придает повествованию дополнительный интерес.

В «Семидесяти рассказах попугая» в качестве рассказчика выступает говорящий попугай, в соответствии с восточной традицией, птица мудрая и красноречивая. Хозяин попугая отправился в путешествие, оставив дома молодую жену. Своими беседами чудесная птица удерживает скучающую женщину от измены мужу: сказки попугая столь увлекательны, что красавица никак не может оторваться, уйти из дому на свидание с любовником, не дослушав очередной рассказ.

В «Приключениях десяти принцев» роль обрамления отведена истории царевича Раджаваханы, который после ряда приключений и испытаний, назначенных ему судьбой, встречается с друзьями-царевичами и обменивается с ними рассказами о пережитом. Похождения принцев очень экзотичны, но автор, повествуя о них, вкладывает в изложение и назидательный смысл.

Переводы с санскрита выполнены известными русскими индологами — академиком Ф. И. Щербатским и М. А. Ширяевым (обоих давно уже нет в живых) и печатаются по тексту изданий 1960 и 1964 гг. без существенных изменений.

СЕМЬДЕСЯТ РАССКАЗОВ ПОПУГАЯ



Слава Ганеше *!

Прославив богиню Шараду *, владеющую божественными знаниями, рассказываю избранные повести попугая, чтобы развлечь людей.

Есть город Чандрапура *. Там правил раджа Викрамасена. И жил в этом городе знатный купец Харидатта с женой Шрингарасундари и сыном Маданавинодой. Сын был женат на Прабхавати, дочери богатого купца Сомадатты. Маданавинода предавался чувственным удовольствиям, был дурным сыном и не слушал наставлений отца. Он чрезвычайно увлекался игрой в кости, охотой, гетерами, вином и прочим. Видя, что сын идет по дурному пути, Харидатта и его жена сильно горевали.

Сочувствуя горю Харидатты, скорбевшему о своем духовном сыне, друг его, брахман * Тривикрама, принес ему из своего дома попугая, искушенного в житейской мудрости, а также ворону-прорицательницу и сказал: «Друг Харидатта, береги, как сына, этого попугая и его супругу. Если будешь его беречь, то горе твое исчезнет». Харидатта, взяв попугая, передал его сыну, Маданавиноде. Маданавинода посадил попугая в золотую клетку, поставил ее в спальне и стал кормить эту птицу. Однажды попугай тайком сказал Мадане: «Друг!

Слезы твоих несчастных родителей, исторгнутые горем, падают на землю. От грехов своих ты, милый, пропадешь, как Девашарма».

Мадана спросил: «А что с ним было?» Попугай рассказал: «Есть город Панчапура. Жил в нем брахман Сатьяшарма. Имя его жены было Дхармашила, а сына — Девашарма. Пройдя обучение, сын, не спросясь родителей, ушел в чужую страну, к берегам реки Бхагиратхи *, намереваясь жить отшельником. Однажды этот подвижник уселся на берегу Ганги для чтения молитвы. В это время пролетавшая цапля уронила на него свой помет. И когда подвижник взглянул вверх гневным взором, то увидел, что цапля эта превратилась в пепел от огня его гнева и упала на землю. Спалив таким образом цаплю, он пошел к дому брахмана Нараяны за подаянием. Жена брахмана, поглощенная в это время услужением мужу, сказала рассерженному и обиженному ожиданием милостыни убийце невинной птицы: „Не сердись, я тебе не цапля“. Отшельник был испуган и удивлен тем, что она знает о его тайном преступлении, и спросил, как достигается знание сокрытого. Тогда жена брахмана послала его к охотнику Дхармавьядхе в город Варанаси *. Девашарма

увидел там этого охотника, занятого продажей мяса, с окровавленными руками, похожего на Яму *, и предстал пред ним. Охотник после приветствий привел его к себе домой, почтительно предложил пищу своим родителям, а потом и ему. После того Девашарма спросил охотника, как приобрела знание та женщина: „Как узнает обо всем она и как узнаешь ты?" Охотник сказал:

> „Кто старательно соблюдает закон, завещанный кастой, тот избегает высших, средних и мелких грехов.
> Тот настоящий хозяин дома, тот настоящий святой, праведник, подвижник и благочестивый, кто слушает родителей и всегда справедлив.

Вот мы — я и та женщина — владеем знанием, а ты, покинувший родителей, скитающийся, недостоин даже разговаривать с такими, как я. Говорю с тобой только потому, что считаю тебя гостем".

После того как это было сказано, брахман Девашарма еще порасспросил его смиренно. Тот сказал:

> „Не почитающие почтенных и не уважающие уважаемых живут, терпя порицания, и по смерти не попадают в рай".
> Вразумленный этим охотником, брахман пошел к себе на родину. И он был прославлен на этом свете и на том тоже стал вместилищем славы.

Поэтому помни о законах, приличествующих семье купца, и будь послушен родителям».

После того как попугай рассказал это, Маданавинода, поклонившись родителям, получив их позволение и попрощавшись с женой, сел на корабль и отправился в чужие страны. Тогда его жена, проведя несколько дней в скуке, пожелала, побуждаемая легкомысленными подругами, вступить в связь с неким мужчиной. Они говорили об этом так:

> «До тех пор отец, до тех пор родственник, пока человек жив. А как узнают, что умер, так любовь мгновенно исчезает.

Поэтому раз тебе муж теперь недоступен, то пользуйся недолго длящейся молодостью твоего тела и срывай плоды удовольствий, сойдясь с другим мужчиной».

И вот, когда Прабхавати, жена Маданы, согласившись на их уговоры, надела наряды и собралась идти, чтобы встретиться с чужим мужчиной, имя которого было Гуначандра, вещая ворона стала ее бранить, говоря: «Не ходи». Прабхавати хотела ее убить, открутив голову, но та вспорхнула и улетела. Женщина постояла с минуту, помянула про себя своего бога-хранителя, взяла бетелю *, но, когда пошла, попугай сказал: «В добрый час!» — и спросил: «Куда идешь?» Прабхавати, приняв эти слова попугая за добрый знак, усмехнулась и сказала: «О царь попугаев, я собралась отведать вкус чужого мужчины».

Попугай ответил: «Дело подходящее, хотя и опасное, и при-

стойными женщинами порицаемое. Что же? Следует идти, если в случае неприятности будешь умна. А не будешь умной — испытаешь унижение. Потому что:

> Когда случается несчастье, то дурные люди всегда ищут в нем чего-либо интересного для себя, как искала одна сводня, когда купеческий сын был схвачен за волосы».
>
> Тогда Прабхавати вместе со своими подругами, любительницами мужчин, стала почтительно расспрашивать попугая. Она сказала с живостью: «Что это ты говоришь, попугай?»
>
> Тот отвечал: «Если ты, красивобровая, желаешь идти туда, куда тебя так манит, то иди, красавица.
>
> Этот замечательный рассказ тебе надо будет выслушать после, когда ты успокоишься».

И когда она, выслушав эти слова попугая и снедаемая любопытством, осталась дома, попугай начал рассказ:

«Есть город Чандравати *. В нем правил царь Бхима. И там некто Судхана, сын богатого купца Моханы, пожелал насладиться с Лакшми, женой тамошнего жителя Харидатты. Но она не соглашалась. Тогда он пошел к сводне по имени Пурна, дал ей много денег и, когда Харидатта уехал из города, послал ее в дом Лакшми для переговоров. Пурна льстивыми словами расположила к себе Лакшми. „Сделаю все, о чем попросишь",— сказала восхищенная Лакшми. Пурна ответила: „Так прими мужчину, которого я имею в виду". Та сказала: „Пристойным женщинам не подобает это дело, но раз я дала тебе обещание, то сделаю. Говорится ведь:

> Хорошим людям, когда они выполняют обещанное, все нипочем:
>
> Пусть им хоть голову отрубают, или запирают их куда угодно, или лишают всякого счастья.

А также:

> У хорошего человека узы взятого на себя долга крепче железных цепей и всяческих пут лошадиных.
>
> И по сей день ведь не выпускает из себя Хара * проглоченный им яд калакута *; и черепаха все еще носит на спине землю *.
>
> И океан носит в себе тяжкий огонь Вадавы *. Обещанное мудрые люди исполняют".

На это Пурна сказала с радостью: „Вот именно". И, подготовив таким образом Лакшми, вечером привела ее к себе домой, чтобы она встретилась с любовником. Но тот, занятый какими-то делами, не пришел в назначенное время. Тогда возбужденная желанием Лакшми сказала: „Приведи любого мужчину". И глупая Пурна привела к ней ее же мужа. Теперь скажи ты, Прабхавати, или твои приятельницы пусть скажут: как быть этой Лакшми, когда пришел ее муж, как ей попасть домой?»

Женщины сказали: «Не знаем, говори сам». Попугай отвечал:

«Если ты, Прабхавати, не пойдешь, то расскажу». Прабхавати отвечала: «Не пойду». Тогда попугай продолжал:

«Лакшми, видя, что пришел ее муж, схватила его за волосы и закричала: „Ах, обманщик, ты всегда болтал передо мною, что будто бы, кроме меня, у тебя нет другой возлюбленной. Теперь я тебя испытала и узнала". Так разгневалась Лакшми. Муж с трудом успокоил ее нежными словами и отвел домой».

Выслушав это рассказанное попугаем повествование, возбуждающее страх и удивление, возлюбленная купца улеглась спать вместе со своими ветреными подругами.

Таков первый рассказ из книги «Семьдесят рассказов попугая».

На другой день, вечером, Прабхавати и ее подруги простились с попугаем. Прабхавати хотела идти, но попугай сказал ей следующее:

«Иди куда хочешь, прекраснобедрая, если сумеешь найти выход из надвинувшейся беды, как Яшодеви избавилась от опасности».

Прабхавати спросила: «Какая Яшодеви? Когда, из какой опасности и какой выход она нашла?» Попугай отвечал: «Если стану рассказывать о том, что мешает любви, то ты в гневе убьешь меня». Та сказала: «От друзей надо выслушивать и приятное и неприятное». Ободренный этими словами, попугай заговорил:

«Есть город Нанданам. В нем правил раджа Нандана. И был у него сын Раджашекхара, женатый на Шашипрабхе. Эту Шашипрабху увидел некто Вира, сын Дханасены, и так возжелал ее, что заболел лихорадкой, не ел и не пил. Спрошенный матерью, которую звали Яшодеви, о причине недуга, он рассказал ей, запинаясь, все. Эту дочь раджи трудно заполучить. Как теперь жить ему на свете?»

Такой вопрос предложил попугай. Прабхавати сказала: «Отвечай сам». Попугай произнес: «Если сегодня не уйдешь, то отвечу». Та на эти слова промолвила: «Говори». И попугай рассказал:

«Эта Яшодеви приучила к себе кормом и прочим суку, надела на нее украшения, пришла с нею к Шашипрабхе и наедине сказала со слезами этой женщине: „Я, ты и эта собака были сестрами до того, как родились на земле. Я безбоязненно удовлетворяла свою склонность к чужим мужчинам, а ты с опаской. Эта же собака совсем этим не занималась. Поэтому, будучи столь скромной, она сохранила воспоминание лишь о своем прежнем бытии, а не об удовольствиях и родилась сукой. А ты, наслаждавшаяся несвободно,

ничего не помнишь о прежнем рождении. У меня же сохранилась память о прежнем рождении и о свободной жизни в нем, так как я без помех предавалась удовольствиям. Я, движимая состраданием, опасаясь, как бы ты в будущей жизни не родилась сукой, пришла рассказать тебе об этом, когда увидела эту сучку и тебя. Так что ты должна уступать желаниям тех, кто тебя о чем-либо просит. Кто щедр на дары, тот вместилище всего благого. Говорится ведь:

Собирающие подаяние не просят, а возвещают в каждом доме вот что: „Просящим всего нужно давать. Судьба недающего будет подобна нашей".

Тогда Шашипрабха с рыданием бросилась на шею Яшодеви, говоря: „Милая, сведи меня с чужим мужчиной". И Яшодеви, добившись своего, привела ее с ведома своего мужа к себе в дом и свела со своим сыном. Раджашекхара, муж Шашипрабхи, удовлетворившись тем, что ему дали денег, сказал: „Приходила подруга жены" — и не мешал.

Так, о госпожа, обманув царского сына и царскую дочь, многомудрая Яшодеви обделала свое дело.

Если у тебя столько же ума, то иди, красивобровая, к другому. А нет — так ложись спать, большеглазая, и не подвергай себя осмеянию».

Выслушав этот рассказ попугая, Прабхавати уснула.

Таков второй рассказ из книги «Семьдесят рассказов попугая».

На следующий день Прабхавати спросила попугая, идти ли ей. Попугай ответил:

«Что тут особенного? Иди, госпожа, куда тебя влечет, если умеешь спасать себя, как некий властитель».

Прабхавати спросила: «В чем дело?» Попугай рассказал. «Есть город Вишала, где правил раджа Сударшана. И жил там купец Вимала. Увидев двух его весьма красивых жен, некий плут по имени Кутила пожелал ими обладать и взмолился богине Амбике *, прося ее даровать ему внешность их мужа Вималы. Получив его наружность, он в отсутствие Вималы явился в его дом и разыграл из себя хозяина. Он покорил всех слуг обходительностью и щедростью, обеих жен привел в восхищение почтительным обращением, подарками и прочим и делал с ними что хотел. „Этот Вимала стал щедр, услышав, что богатство, как и все прочее, недолговечно",— думали все время слуги.

И вот, когда к двери дома подошел настоящий Вимала, то привратник задержал его по приказу Кутилы. Вимала стоял и кричал снаружи: „Я обманут каким-то мошенником!“

Когда он так кричал, сбежались его родственники, влекомые любопытством. Купец Вимала, только что покинувший рынок, пошел с ними и поднял крик перед начальниками стражи, взывая к правителю: „Раджа, меня морочит отъявленный пройдоха“. И раджа послал людей для расследования. Но плут деньгами и прочим склонил их на свою сторону. Видя в доме такого щедрого человека, люди вернулись и сказали: „Повелитель! Вимала находится дома, а тот, кто стоял у дверей,— отъявленный плут“. Тогда раджа велел привести обоих и поставить рядом. И никто не мог распознать, кто из них плут и кто не плут. Поднялся шум, отвлекший от дела всех. Люди стали ругать раджу — ведь, чтобы попасть в рай, цари должны наказывать злодеев и защищать просвещенных людей. Сказано ведь:

> Огонь, возникший от жара мучений народа, не погаснет, пока не сожжет семью, счастье и жизнь царя.

Поэтому раджа стал думать в уединении, как решить это дело. Скажи, Прабхавати, какое тут возможно решение?»

Прабхавати ничего не ответила попугаю, и попугай продолжал:

«Раджа нашел выход из затруднения, поставил отдельно каждую из жен Вималы и стал спрашивать: „Какие наряды и деньги дал вам муж в день свадьбы? Что говорил потом? Что происходило, когда впервые пришлось остаться наедине с мужем? Кто его отец и кто мать? Из какого он рода и кто по происхождению?“ Опрошенные так жены рассказали обо всем: что получали от мужа, что говорили, как спали, что когда происходило. Потом были опрошены оба спорящих мужа. И кто говорил то же, что и обе женщины, которых звали Рукмини и Сундари, тот был настоящий муж, а другой — плут, и раджа его прогнал. Настоящий же муж и его жены были обласканы раджей и пошли домой. Такова мудрость махараджи».

Выслушав этот рассказ, Прабхавати легла спать.

Таков третий рассказ из книги «Семьдесят рассказов попугая».

На следующий день Прабхавати снова спросила попугая, идти ли ей. Попугай ответил: «Не ходи. Ты совсем не считаешься со мной. Ведь хорошее слово надо выслушивать даже от ребенка.

Госпожа, в старое время некий брахман проявил презрение к словам старых людей, не послушался их и попал в беду, когда женился на Вишаканье».

Прабхавати спросила: «Как так? Расскажи!» Попугай стал рассказывать:

«Есть брахманское селение Сомапрабха; в нем проживал образованный, добропорядочный брахман Сомашарма. Его дочь, одаренная красотою и державшаяся с достоинством, была известна под именем Вишаканья, что значит „Дева с ядом". Ее боялись, и никто не брал ее замуж. Тогда Сомашарма стал обходить страну, ища жениха, и пришел в брахманское селение Джанастхана. Тут жил простоватый и бедный брахман по имени Говинда. Ему и была отдана дочь. Он, оставив без внимания увещания друзей, взял в жены эту чаровницу Вишаканью, наделенную красотой и всеми привлекательными качествами. Она была бойка, а Говинда глуп и стар, так что ей жаль было своей красоты, прелести и юности.

Глуповатый муж, добродетельный любовник у разбитной женщины, недостаток денег у добродетельных, щедрых людей — это плохо.

Отъезд в дождь, бедность в дни юности, разлука при первой любви — вот три больших горя.

Неуместные речи, пение песен, когда нет голоса, любовные утехи с той, которая говорит: „Нет, не надо",— это три большие неприятности.

Однажды Вишаканья сказал мужу: „Прошло уже много времени с тех пор, как я покинула отцовский дом. Поэтому я туда поеду и обязательно с тобой, не иначе". Муж добыл повозку и поехал с женой. По дороге попался им молодой, речистый, красивый и видный брахман по имени Вишну. У него и у Вишаканьи возникла склонность друг к другу. Сказано ведь:

Любовь начинается с созерцания предмета любви, потом является задумчивость вместе с игрой воображения, затем бессонница, отощание, нечистоплотность, отупение, потеря стыда, сумасшествие, обмороки, смерть. Эти десять стадий проходят люди.

Этими десятью цветочными стрелами и побеждает Мадана *, лучший из всех стрелков.

Путник по имени Вишну дал супругам сверток бетеля, так что придурковатый муж почувствовал к нему доверие, сошел с телеги и посадил на нее путника, боясь помешать его общению с Вишаканьей. И когда муж не был виден за деревьями, Вишну воспользовался прелестницей, овладел ею. Она сообщила ему, как ее зовут, из какого она рода и семьи. Когда муж подошел и хотел взобраться на телегу, ему воспрепятствовали. „Ты вор" — так ему было сказано. Вишну, заполучив его жену, напал на него. Они сцепились. Одолел Вишну с помощью Вишаканьи. Забрав женщину, Вишну поехал к себе домой.

Говинда пошел сзади, пришел в деревню, расположенную у дороги, и поднял шум: „Этот вор захватил мою жену. Освободите ее. О люди, вы мое прибежище!“ Деревенский староста задержал Вишну вместе с прелестницей. При допросе Вишну отвечал: „Эта женщина за мной замужем. Увидев дорогой мою жену, этот прохожий человек сошел с ума“. А Говинда, будучи спрошен, показал то же самое со своей стороны. Начальник, выслушав сходные ответы, стал спрашивать спорящих об их происхождении и прочем. И показания всех троих совпали. Как же решить это дело?» — так спросил попугай. И так как Прабхавати не знала и сама его об этом спросила, то он продолжал: «Начальник спросил: „Сколько времени вы все едете вместе?“ Те отвечали: „Сегодня утром после завтрака сошлись“. Тогда начальник спросил каждого из брахманов отдельно: „Что ела эта женщина за завтраком?“ И Говинда знал, что ею было съедено, а другой не знал, и начальник высмеял его. Говинде же он наставительно сказал: „Тьфу! Прогони немедля эту брахманку, которая и тут и там сеет беду. Сказано же:

> Мудро поступают те, кто отстраняет от себя врача-пьяницу, актера, плохо знающего свою роль, отшельника, оказавшегося глупцом, трусливого воина, старого волокиту, брахмана, не знающего молитв.
>
> Царство, в котором царь — мальчик и которое не имеет министра, друга, строящего козни, жену, гордую своей молодостью и сошедшуюся с другим“.
>
> Однако Говинда, влюбленный в свою прелестницу, принял ее опять к себе и поехал дальше. Хорошие люди его ругали, и по дороге он был убит из-за нее.
>
> Так что, госпожа, тот, кого старые люди учат, а он ими пренебрегает, находит себе погибель, как брахман Говинда *».

Выслушав эту историю, Прабхавати легла спать.

Таков четвертый рассказ из книги «Семьдесят рассказов попугая».

На другой день Прабхавати снова спросила попугая, идти ли ей. Попугай отвечал:

«Иди, госпожа, если сумеешь ответить так, как ответила, находясь в затруднении, Балапандита в собрании у царя».

На вопрос Прабхавати о том, как это произошло, попугай рассказал такую историю:

«Есть город Удджайини *. Там правил раджа Викрамадитья *. Его жена Камалила происходила из самой знатной семьи, и раджа чрезвычайно любил ее. Однажды царь, обедая с нею, приказал

дать ей несколько жареных карпов. Камалила сказала ему: „Господин, я не могу даже смотреть на этих рыб-мужчин, а не только прикасаться к ним". Услышав это, рыбы разразились таким громким смехом, что услыхали жители города. Царь стал спрашивать советников, астрологов и гадателей о причине смеха рыб. И когда оказалось, что никто из них этого не знает, раджа приказал главному брахману — пурохите *: „Говори ты, отчего рыбы смеялись. Если не скажешь, то отправишься в изгнание". Пурохита, услышав такую речь, попросил пять дней на размышление и ушел домой в подавленном состоянии духа. Этот пурохита будет изгнан, если не даст правильного ответа на вопрос раджи. Как ему быть? Вот вопрос». И попугай дал ответ: «Дочь опечаленного брахмана, которую звали Балапандита, сказала отцу: „Отец, почему у тебя такой угнетенный вид? Скажи причину печали. Ученым людям и в беде надо высоко держать голову. Сказано ведь:

> Кто не радуется счастью, не скорбит в беде и в борьбе тверд, тот — украшение трех миров. Матери редко рождают таких сыновей".

Брахман коротко рассказал обо всем и добавил: „По этой причине раджа и высылает меня их города. Известно ведь:

> Нет на свете ни дружбы, ни доверия к кому-либо, ни любви, ни родства, тем более с раджей коварным.

Сказано также:

> Где виданы и где слыханы склонность к чистой пище у ворона, честность у игрока, милосердие у змеи, удовлетворенность у женщин, мужество у евнуха, рассудительность у пьяницы, дружба с царем?

И еще:

> Нельзя доверять рекам, тварям с когтями и тварям с рогами, людям с оружием в руках, а также женщинам и людям царского рода.
>
> Цари подобны змеям: хищные, закованные в чешую панцирей, жестокие, не идущие прямо, такие, к которым не подступиться.
>
> Даже смеясь, царь убивает, даже оказывая тебе почтение, он — злодей. Слон убивает одним прикосновением, змея — простым обнюхиванием.

Этот раджа отнесся ко мне немилостиво, хотя я служу ему с детства, так что мне приходится идти на чужбину вместе с другими брахманами, иначе не быть мне в живых. Сказано же:

> Одного человека покидай ради семьи, семью покидай ради деревни, деревню покидай ради страны, а страну покидай ради себя самого".

Выслушав отца, дочь брахмана так ему сказала: „Отец, ты говоришь верно. Но человек без хозяина не в почете. Говорится ведь:

Последний становится первым, когда служит властителю. Первый становится последним, когда службу бросает.

Правитель любит того, кто около него, пусть тот будет хоть без всяких знаний, не благороден и не славен.

Цари, женщины и лианы обнимают чаще то, что находится рядом с ними.

Слуги и на царя иногда карабкаются, хоть он и пытается их стряхнуть; ходят около и знают, чем гнев его смягчить.

И далее:

Для ученых, для тех, у кого великие цели, для сильных в искусстве, для знающих, как надо служить, нет иного прибежища, кроме властителя.

Кто по рождению или как-нибудь иначе получил большую силу и не знается с властителем, тем суждено до самой смерти искупать это милостыней.

Разиня, на которого обрушились болезни, демоны и цари и который не знает ни лекарств, ни заклинаний, никаких уловок против них, стоит, конечно, нетвердой ногой в жизни, о отец!

Сказано также:

При виде змей, тигров, слонов, львов, укрощаемых разными уловками, каким пустяком кажутся раджи тем, кто разумен и трезв.

Кроме того:

Только к властителю обратившись, знающий человек добьется высокого положения. Сандал * растет только на Малае *, и больше нигде.

Белые зонтики, прекрасные скакуны и буйные слоны всегда доступны тому, к кому правитель милостив.

Поэтому, отец, нужно, чтобы раджа тебя уважал и был к тебе милостив. И тебе не следует падать духом в несчастье. Сказано ведь:

Когда к радже подступает демон и раджа находится в опасном раздумье, не зная, как поступить в том или другом деле, сомнения устраняют министры сомневающихся царей.

Мужайся, отец. Ответ радже по поводу смеха рыб представлю я. Сверши омовение и закуси".

Отец все это сделал, пошел к радже и сообщил ему о намерении дочери. Раджа обрадовался и призвал ее. Та, поклонившись радже, сказала:

„Раджа, не обижай брахманов понапрасну. Виданное и слыханное ли это дело, чтобы рыбы смеялись? Как не стыдно тебе спрашивать меня, слабую женщину? Ведь

Нет другого властителя, равного тебе, богоподобному. Ты поистине Викрамадитья, сжигающий врагов.

Сказано:

Тело раджи создается из силы Индры *, из жара Агни *, гнева Ямы, богатства Вайшраваны *, из правдивости и храбрости Рамы * и Джанарданы *.

Также говорится в „Махабхарате“:

Не попирай ногой, о Врикодара *, повелителя одиннадцати армий, который был также воспитателем пятерых *...

Господин, отчего же ты сам не поразмыслишь о рыбах? Ведь ты устранитель всяких сомнений. Если разгадку ты хочешь слышать от других, то слушай:

Эта целомудренная царица не прикасается к карпам потому, что их название мужского рода. Карпы и засмеялись, о царь. Это верно.

Думай всегда о смысле этих стихов, раджа. А если станешь спрашивать меня о большем, подозревая нехорошее, то тогда ты глуп.

Как можно подозревать в неверности царицу, о раджа, которая не смотрит даже на солнце, название которого не женского рода?

Мудрые разгадчики смысла стихов и изречений вместе с раджей не объяснили смеха рыб, хотя объяснение содержится в смысле стихов, в значении сравнений“.

Так, оставив собравшихся в дураках, Балапандита встала и ушла». Попугай сказал: «Этот рассказ я продолжу завтра». После этих слов попугая Прабхавати пошла спать.

Таков пятый рассказ из книги «Семьдесят рассказов попугая».

На другой день Прабхавати сказала попугаю: «Попугай, разобрался ли раджа в этом запутанном деле, касающемся смеха рыб?» Попугай отвечал: «Раджа не понял смысла стихов и не мог спать. Сказано ведь:

Какой может быть сон у тех, кого терзают долги, болезни, непокорные жены и у кого враги?

С трудом проведя бессонную ночь, раджа наутро призвал Балапандиту и сказал ей: „Девушка, я так и не разгадал стиха. Поэтому сообщи, отчего смеялись рыбы“. Та отвечала: „Не спрашивай меня, раджа, так как

Тут придется раскаиваться, как супруге купца, которая назойливо спрашивала мужа, откуда взялись рисовые хлебы.

Раджа спросил: „В чем тут дело?“» И попугай передал рассказ девушки: «„Есть в этих местах город Джаянти *. В нем жил купеческий сын Сумати с женой Падмини. Потеряв выгодные дела, он лишился богатства. Все его покинули: ведь люди — друзья денег. Говорится же:

У кого деньги, у того и приятели, у кого деньги, у того и родня. У кого деньги, тот и настоящий человек на свете, у кого деньги, тот и учен.

Сказано также в «Махабхарате»:

Мертвыми при жизни истинно считаются следующие пять, о бхарата *: бедный, больной, глупец, изгнанник, постоянный слуга.

И еще:

На этом свете и чужак — родной, если он из богатых. А если кто беден, тот, будь он хоть родной, сразу негодяем может показаться.

И вот этот разорившийся купец стал собирать траву, дрова и прочее и продавать в городе. Однажды в лесу он не нашел ни травы, ни дров — ничего. Попался только сделанный из твердого дерева Вигхнавинаяка *. Человек стал думать: „Что мне от него будет, если я и его пущу в дело? Говорится ведь:

Какого только греха не сделает голодный! Люди в нищете беспощадны. Они ведь действуют для того, чтобы жить. Что не принято у добрых людей, то у них принято“.

Но когда бедняк собрался разрубить этого Винаяку, тот ласково сказал: „Я буду каждый день давать тебе по пять хлебов, испеченных на масле и с сахаром. Приходи завтра в мой храм. Только никому не рассказывай об этой тайне. Если расскажешь, то из моего обещания ничего не выйдет“. И вот после того как это было сказано, разорившийся купец обещал хранить тайну и стал всякий раз добывать жене по пяти хлебов. Забирая эти пять божественных хлебов, сдобных и с сахаром, его жена кормила свою семью. Относила всегда этого хлеба и родственникам и своей приятельнице Мандодари посылала поесть. Однажды приятельница эта спросила ее, откуда берутся у нее хлебы. Но жена бедняка, Падмини, не знала откуда. Приятельница опять ей сказала с лукавством: „Подруга, ты не открываешь мне этой тайны; какая же может быть любовь между нами?

Давать кому-нибудь и брать у этого человека, рассказывать кому-нибудь тайны и самому его расспрашивать, есть у кого-нибудь и самому этого человека угощать — вот шесть признаков дружбы“.

Тогда Падмини сказала: „Мой муж никак не соглашается раскрыть мне эту тайну, хоть я сто раз у него спрашивала“. Подруга отвечала: „Ни к чему тогда тебе жизнь, и красота, и молодость — все, раз ты этого не можешь узнать“. И вот Падмини спросила мужа, откуда он достает хлеб. Муж ответил: „Получаю по милости судьбы. Говорится ведь:

> Кому судьба благоволит, тому она немедленно приносит желаемое — даже из других частей земли, из глубин океана, с конца света.

А также:

> В пасть змеи, свернувшейся в корзине, истощенной и отупевшей от голода, попала ночью мышь, которая прогрызла в корзине дыру.
>
> Насытясь ее мясом, змея быстро ушла тем же путем, через дыру. Держитесь твердо! Судьба чинит и погибель и утехи людям“.

Видя, что муж не рассказывает ничего, жена перестала есть. Муж проговорил: „Если я расскажу себе, откуда хлеб, то будет большая беда и придется раскаиваться“. Но жена, несмотря на все увещания, продолжала упорствовать в своем желании узнать тайну, и он, постигнутый роком, рассказал ей все.

Есть изречение:

> У человека, которому боги сулили погибель, они отнимают разум. Он не понимает, где его благо.

Вот он и разгласил тайну, утратив разум, о раджа. Кому в делах не везет, того и разум покидает. Ведь сказано:

> Рама не уразумел, кто был в образе золотой газели *, Нахуша * запрягал брахманов в повозку, у Арджуны * явилась мысль унести корову с теленком у владыки брахманов,
>
> Юдхиштхира * проиграл в азартной игре четырех братьев и жену. Часто и дельного человека в несчастье разум оставляет.

Жена, услышав из уст мужа то, что ей было нужно, передала слышанное приятельнице. А та послала своего мужа с топором к богу Винаяке. Муж Падмини утром тоже пошел туда. Винака связал их обоих сетями для ловли павлинов и сказал мужу Падмини: „Это зло ты сам на себя навлек. И вот ты наказан“. Тогда муж приятельницы попросил себе пять хлебов, и Ганеша дал их ему. Оба пошли к себе домой. Муж Падмини сказал жене: „Из-за тебя мы лишились тех пяти хлебов. Они отданы другому“. И он стал жалеть.

Так что и ты, о царь царей, меня не расспрашивай. Будешь раскаиваться. Сам поразмысли над теми стихами“. С этими словами Балапандита встала и пошла домой».

Выслушав этот рассказ, Прабхавати пошла спать.

Таков шестой рассказ из книги «Семьдесят рассказов попугая».

На другой день Прабхавати спросила попугая: «Попугай, узнал ли все-таки раджа причину смеха рыб или нет?» Попугай отвечал:

«Наутро раджа снова призвал Балапандиту и спросил у нее: „Чего смеялись те рыбы? Говори скорее, девушка“. Та сказала:

> Царь, не наставай. Будешь раскаиваться, как однажды некий брахман, сердечно привязавшийся к Стхагике.

Есть не земле город под названием Ватсона. Там жил раджа по имени Вира и брахман Кешава. Брахман однажды подумал: „Не буду я пользоваться отцовским наследством. Говорится ведь:

> Лучших людей славят за их собственные добродетели, средних — за отцовские, низших славят за их дядьев, а самых последних — за тестей.

И еще:

> Кто не пользуется наследством, которое нажил отец? Но редко рождают матери таких, которые сами наживают и сами дают другим пользоваться нажитым“.

Поразмыслив таким образом, он стал странствовать по миру в поисках денег, ходил по святым местам, по местам сожжения трупов, по городам. Однажды шел он, усталый, по безлюдной местности и увидел на месте сожжения трупов, во владении Каралы *, на достославном дворе Шивы, бурую черепаху. И тут же заметил он подвижника, сидевшего скрестив ноги. Брахман стал перед ним со сложенными руками. Подвижник, медленно выходя из состояния самоуглубления, наконец сказал ему:

> „Ах, кому и что дать в этом мире? Кого избавить от воли бытия? В такое время какому гостю надо достигнуть недостижимого?“

Тогда брахман, воздев руки, проговорил: „Я твой гость и хочу достигнуть богатства”. Подвижник, видя, что брахман просит суетного, омрачился.

Есть изречения:

> Видя благородных просителей, молящих о ничтожных вещах, сильно скорбят те, кому и с жизнью не жаль расстаться.

И еще:

> Хороший человек, даже подвергшись сам несчастью, помогает другому. Сандаловое дерево, даже изломанное на куски, устраняет мучения людей.

Великий подвижник дал брахману свинцового сурика и сказал: „Всякий раз, как ты к этому веществу прикоснешься, оно будет давать тебе пятьсот золотых монет. Только никому его не передавай и не говори о нем ничего, а то оно у тебя исчезнет и ко мне вернется“. И вот, когда наутро брахман прикоснулся к подарку, то получил пятьсот золотых. Брахман пошел в город Ратнавати. Там он стал жить с гетерой по имени Стхагика. Она не знала, откуда у него такое богатство. Сводня сказала ей: „Милая, этот брахман не занимается ни торговлей, ни чем другим. Откуда он берет для нас деньги, на какие средства роскошествует?“ Гетера стала брахмана расспрашивать, но он не говорил. Тогда она расположила его к себе, пустив в ход все свое искусство, всю нежность. И брахман ответил на ее расспросы, что деньги идут от сурика. Когда он спал, гетера и взяла себе его сурик. А когда у него не стало денег, сводня выгнала его из дома.

Есть изречение:

> Какая премудрость обмануть того, кто тебе доверился? Какое геройство убить спящего у тебя на груди?

Брахман, видя, что сурик исчез, поднял шум, пошел ко двору раджи и заявил, что его обокрали. Возник спор. Сводня сказала:

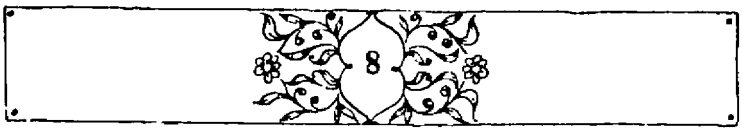
> „Это мошенник. Зарится на мою дочь, а сам без денег. Его обуял демон страсти. Нелепое это дело!
>
> То, что простые люди считают безнравственным, как может раджа одобрить?
>
> Сказанное мною — сущая правда, потому что сурик изводит деньги, и здесь сурик ни при чем.

Тогда народ, видя, что брахман — чужеземец, прогнал его, а сурик вернулся к подвижнику.

О раджа Викрамадитья, из-за того что брахман, увлеченный любовью к Стхагике, рассказал ей о сурике, у него не стало ни Стхагики, ни сурика. Так и тебе, раджа, не будет ни удовольствия, ни радости“. С этими словами Балапандита ушла домой».

Выслушав этот рассказ, Прабхавати легла спать.

Таков седьмой рассказ из книги «Семьдесят рассказов попугая».



На другой день Прабхавати спросила у попугая продолжение рассказа. Попугай отвечал:

«Госпожа, когда настал следующий день, Балапандита сказала радже: „Нехорошо упорствовать, так как

Радже не подобает упрямство ни в хорошем, ни в дурном; члены его тела — все живые существа, поэтому оно могуче.

Если тебе рассказать, будет с тобою, раджа, то же, что было с дочерью купца: не вышло у нее ничего ни дома, ни вне дома".

Царь спросил: „Как это?" Балапандита рассказала:

„Есть на земле местность под названием Трипура *, где правил раджа Тривикрама. Там жил купец по имени Сундара. Его жена Субхага была женщина весьма распутная, и муж всячески старался не пускать ее из дому. Но еще до того как муж перестал отпускать ее, с нею вступил в связь купец, живший у храма якши *. И теперь, когда муж стал ее держать дома, она сказала одной своей подруге: „Ты, подруга, сегодня приведи в храм якши того человека, я пойду туда и с ним позабавлюсь. После моего ухода ты подожги наш дом, чтобы домашние, занявшись домом, не заметили, что меня нет. А я, насладившись вволю, тем временем вернусь". По слову подруги мужчина пришел в назначенное место, и Субхага отправилась к нему. И когда она туда шла, ее подруга подожгла ее дом. Тот мужчина из любопытства пошел посмотреть на пожар и покинул раньше времени храм якши. И пока Субхага стояла в храме и потом, не достигнув своей цели, шла назад, дом сгорел.

Как у жены купца не вышло ничего ни в доме, ни вне дома, так, конечно, не выйдет ничего и у тебя, махараджа.

Если ты намерен узнать смысл стихов, то я сама сообщу его тебе завтра". Сказав это, Балапандита ушла домой».

Прабхавати, выслушав этот рассказ, легла спать.

Таков восьмой рассказ из книги «Семьдесят рассказов попугая».

На следующий день Прабхавати с любопытством спросила попугая: «Попугай, узнал ли раджа Викрамарка причину смеха рыб?» Попугай ответил:

«Госпожа, раджа сам ничего не узнал. Утром он призвал брахманскую дочь Балапандиту и сказал ей: „Ты вчера сказала, что я сам все могу разузнать. Но я так ничего и не разузнал". Балапандита проговорила: „Если ты, раджа, не понял ничего, несмотря даже на мои пояснения, то слушай. Главный министр по имени Пушпахаса заключен в тюрьму безвинно. За что он посажен?" Раджа отвечал: „Он поистине Пушпахаса — смеющийся цветами.

Когда он смеялся у меня на приеме, у него изо рта падало множество цветов. Весть об этом проникла в другие государства, и оттуда прислали людей, чтобы посмотреть на такое диво. Но когда послы прибыли, он перестал смеяться, и цветов больше не появлялось. За это он заключен в тюрьму". Балапандита сказала: „Какая-то должна быть причина того, что он не смеется. Раджа, ты узнал эту причину или нет?" Раджа отвечал: „Ничего я не узнавал". Балапандита проговорила: „Тогда как же? Разве ты никакого греха не совершил, применяя такое наказание? Есть изречение:

> Раджа должен получать царство по закону и по закону должен им править. Законно становится раджа прибежищем для всех и устранителем опасностей.

Так как ты настойчиво спрашиваешь меня, почему смеялись рыбы, то спроси также и этого министра о причине их смеха. Он скажет, почему он сам не смеется и почему смеются рыбы".

По ее слову раджа приказал выдать министру Пушпахасе одежду, усадил его на место, предназначенное для министров, и спросил о причине смеха рыб. Министр сказал: „Не следовало бы рассказывать о домашних неприятностях, так как есть изречение:

> О своих денежных потерях, о душевных страданиях, о домашних неприятностях, об обмане и унижениях разумному не следует говорить другим.

Однако приказание раджи — великое дело, ибо

> Владыка даже не бросит сверкающего от вожделения взгляда на зло; отчего же он должен давать приказание, одобряемое душою, исполненной чувства услужливости?
>
> Из силы справедливости состоит свет, исходящий от Индры; превосходя огонь солнца и прочее, именуемый царем, он неизменно побеждает.

Раджа, моя жена была влюблена в другого. Я об этом узнал и вследствие такого несчастья не мог смеяться". Услышав это, раджа ударил свою жену пучком цветов и посмотрел ей в лицо. Та разыграла притворный обморок, якобы приключившийся от этого удара. Пушпахаса, видя это, засмеялся и произвел груду цветов. Тогда раджа, успокоив дочь брахмана Балапандиту и посмотрев на ее лицо, гневно сказал министру: „Как ты смеешь смеяться над нашим несчастьем?" Министр в страхе сказал, сложив почтительно руки: „Раджа, ночью слуга бил твою царицу палкой, и она не упала в обморок, а сейчас упала. Это мне и смешно". Раджа в гневе спросил: „Министр, ты это сам видел или знаешь по слухам?" — „Я видел это, владыка,— ответил министр,— если ты, господин, не веришь, то пусть она снимет канчуку *, а ты

посмотри". Это было сделано, и раджа убедился в правильности слов министра. Посмотрев в лицо министру и дочери брахмана, раджа проговорил: „Что же это такое?" — „Господин,— сказал ему министр,— я открыл тебе то, что эта дочь брахмана иносказательно изобразила как причину смеха рыб".

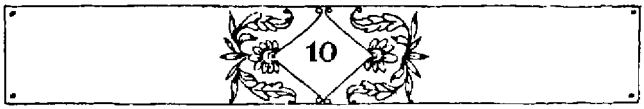
Как только это было сказано, раджа распустил собрание. Дочь брахмана и Пушпахаса пошли домой, не зная, тревожиться им или радоваться. А тот раджа нашел спрятавшегося в сундуке любовника жены и убил его. Жену же он изгнал из своей земли».

Попугай сказал Прабхавати:

> «Так и ты, красавица, не проявляй неуместного упрямства, потому что чересчур упрямого люди пристыжают, как Викрамарку».

Выслушав этот рассказ, Прабхавати уснула.

Таков девятый рассказ из книги «Семьдесят рассказов попугая».



На другой день Прабхавати, нарядившись, сказала попугаю:

> «Как мне быть сегодня, попугай? Скажи ты, умеющий говорить по-дружески».

Попугай ответил:

> «Иди, если у тебя есть подруга, которая может помочь, как подруга по имени Шрингари».

Прабхавати спросила: «В чем дело?» Попугай сказал:

«Есть местность Раджапура. Жил там семейный человек по имени Дева. У него было две жены: Шрингаравати и Субхага. Они уговорились защищать друг друга и строго соблюдали свой уговор. Были они падки до чужих мужчин и снискали известность своими любовными похождениями. Однажды, когда Субхага была в доме с любовником, снаружи к двери подошел муж с прутьями в руках. Спрашивается: как тут ей быть?» И попугай дал ответ: «Другая жена, Шрингаравати, взяла и выгнала Субхагу, голую, из дома. Муж спросил: „Что тут такое?" И Шрингара весьма почтительно ответила: „Ты принес эти ветки из рощи богини Дурги, поэтому Субхага взбесилась. Пойди и брось их туда, откуда взял, и она оправится". Когда глупый муж вышел сделать это, Шрингаравати удалила из дома любовника».

Выслушав этот рассказ, Прабхавати уснула.

Таков десятый рассказ из книги «Семьдесят рассказов попугая».

На другой день, вечером, одержимая любовью красавица ласково сказала попугаю: «Пойду, если позволишь». Попугай ответил:

> «Кто удержит сердце, стремящееся к любимому, и воду, стремящуюся в глубину? Конечно, тебе надо пойти, таково мое мнение.
>
> Но если пойдешь, то ты должна совершить нечто небывалое, как сделала Рамбхика для брахмана».

Прабхавати сказала: «Как это было?» Попугай рассказал:

«Есть деревня Дабхила. Там был старостой некто Вилочана. Его жена Рамбхика была охоча до чужих мужчин, но с нею никто не вступал в связь из страха перед ее мужем. Взяла она раз кувшин и пошла к пруду, как будто за водой. Там она увидела красивого прохожего певца и подала ему знак глазами, заигрывая. Певец умел понимать женские знаки глазами и угадал ее намерения. Сказано ведь:

> Смысл сказанного схватывают даже скоты. И лошади и слоны везут, когда их понукают. Но умный человек понимает и невысказанное. Чтобы понимать чужие знаки, нужен ум.

И еще:

> О юноша! Чего только не расскажет она тебе страстной речью, бросая взгляды, взволнованные любовью к тебе, потерянному для нее возлюбленному!
>
> Кто не видит душевного состояния, выраженного во взоре, с тем ничего не поделаешь, будь он хоть и разумен, ибо он не чувствует вовсе.

Прохожий подошел к ней и спросил: „ Ну, что будет, милая?“ Та отвечала: „Иди за мной в наш дом и приветствуй моего мужа. Все прочее устрою я. Ты говори только „да“. С этими словами она пошла домой. Он тоже пошел в ее дом и предстал перед ее мужем. Муж изумился. Но жена, поставив кувшин, подошла к мужу и сказала: „Господин, ты присмотрись к нему“. Муж проговорил: „Не знаю я его“. Тогда жена сказала: „Да это сын моей тетки по матери, я рассталась с ним, когда он был еще ребенком. Его зовут Дхавала, он пришел повидаться со мной. Я его обняла и расспросила обо всех семейных делах“. Гость-брахман подтвердил: „Да, да“. Тогда с позволения мужа она отвела гостя в кухню, дала ему поесть, наделила одеждой. Муж, довольный, сказал: „Милая, обходись хорошо со своим родственником“ — и лег спать. Рамбхика села на постель брахмана. Брахман проговорил: „Ты сказала мужу, что пришел твой двоюродный брат, признала себя моей сестрой. А что признано, то надо соблюдать. Говорится ведь:

Хорошим людям, когда они выполняют обещанное, все нипочем: пускай им хоть голову рубят, или запирают их куда угодно, или лишают всякого счастья.

Даже в смертельной опасности не делай, красавица, того, чего люди стыдятся и что пятнает твой род".

Рамбхика ответила: „Не говори так,

Потому что трудно найти красавицу, во всем отцу-матери преданную; возлюбленной завладевает мужчина, став для нее отцом-матерью.

И говорят, что

Мужчина, который не насладится той прекрасно-бедрой влюбленной, что сама к нему пришла, идет, конечно, в ад, убитый ее вздохами...

Известно, что измученная любовью Рукмини была когда-то похищена Кришной, хоть и была она женой его брата. Кто может избежать любви?

И сам Брахма, одержимый любовью, возжелал даже свою дочь. Его и теперь видно на небе в образе газели *.

Во время свадьбы у Хары при виде его возлюбленной Парвати * истекло семя, и от него тогда произошли валакхильи *".

Когда глупец, ободряемый женщиной, ею не воспользовался, она подняла крик: „Меня обокрали, обокрали! Спасите, спасите!"

На ее крик прибежали муж и родные, спрашивая: „Что случилось?" Так чем же кончилось дело? Тот брахман в страхе пал к ногам Рамбхики, говоря: „Госпожа, пощади мою жизнь. Сделаю то, чего ты хочешь". И вот Рамбхика разбросала по кухне еду, смешанную с молоком, зажгла тут же лампу и сказала подошедшему мужу: „Нашего гостя вырвало, я и закричала". И она, сказав это, указала на разлитую еду с молоком. Дурак-муж, посмотрев, ушел. И пока он спал, жена предавалась удовольствию как хотела. Гость под предлогом болезни прожил у них месяц, потом ушел».

Выслушав это, Прабхавати уснула.

Таков одиннадцатый рассказ из книги «Семьдесят рассказов попугая».

На другой день Прабхавати хотела идти. Попугай проговорил:

«Иди, если сумеешь дать ответ в затруднительном случае, как сумела дать Шобхика, когда ее любовник взобрался на акацию.

В деревне Налауда жил богатый горшечник. Его жена Шобхика была очень распутна, жадна до мужчин. Однажды, когда ее муж куда-то ушел, она дома забавлялась с любовником. И вот при таких обстоятельствах муж вернулся домой. Спрашивается: как тут ей быть?» И попугай продолжал: «Завидя приближающегося мужа, Шобхика сказала любовнику: „Лезь на акацию". Тот сейчас же сделал, что ему было сказано. Но когда он лез на дерево, с него упала одежда, и он вскарабкался голым. Видя его взобравшимся на дерево, муж спросил: „Что это такое?" Жена сказала: „Он от врагов своих залез на акацию, даже одежду уронил". Муж подошел, дал ему спуститься потихоньку с дерева и отправил его домой. Любовник и обманщица смеялись себе в кулак».

Выслушав эту историю, Прабхавати уснула.

Таков двенадцатый рассказ из книги «Семьдесят рассказов попугая».

На следующий день Прабхавати спросила попугая, можно ли ей идти. Попугай ответил:

> «Иди, госпожа, отведай счастья, если дашь такой же блестящий ответ, какой дала Раджика насчет пыли, когда ее муж был сыт наполовину.

Есть местность Нагапура *. Жил там некий купец. Его жена Раджика была хороша собой, но отличалась дурным поведением. Купец, однако, не знал, что она сближается с чужими мужчинами. Когда он однажды сел обедать, его жена увидела, что по дороге идет к ней по уговору ее любовник. „А у нас масла нет",— сказала она, взяла у мужа денег, вышла из дома как будто затем, чтобы принести масла, и долго пробыла с любовником. А муж сидел голодный и сердитый. Спрашивается: как теперь ей показаться там? Жена выпачкала руки, ноги и лицо пылью, перемешала деньги с пылью и пришла домой. „Что же это такое?" — сказал муж с красными от злобы глазами. И жена со вздохами, с плачем показала ему горсть пыли и проговорила: „Вот из-за того, что ты рассердился, твои деньги превратились в пыль. Провей их и возьми". После этих слов муж устыдился, вытер ей руки и ноги краем своего платья и успокоил разными ласками».

Выслушав этот рассказ, Прабхавати улеглась спать.

Таков тринадцатый рассказ из книги «Семьдесят рассказов попугая».

Прекраснобедрая на другой день опять приготовилась идти. Попугай сказал:

> «Хорошо, большеглазая, вволю позабавиться с другим, если с пришедшим мужем ты сумеешь поговорить так, как говорила Дханашри».

«Как это было?» — спросила Прабхавати. Попугай заговорил: «Есть город Падмавати *, в котором жил купец Дханапала. Его жена Дханашри была ему милее жизни. Эта чета предавалась радостям взаимной любви. Но однажды купец взял денег, товары, простился с женой и отправился в чужую страну. С его отъездом жена как будто омертвела, засела дома.

> Не мылась, не ела, не говорила с подругами, избегала всяких украшений и не обращала внимания даже на свое тело.
>
> Но с ветром Малаи *, со своим вестником — ароматом жасмина, под раскатистые трели кукушек * и приветственное жужжание пчел
>
> Пришла на землю весна, царица времен года, и сердца даже сдержанных людей взволновались.

Во время этого праздника весны жена купца, расположившись на крыше дома, увидела изящного красавца и стала проклинать свою молодость и красоту. Ее подруга, видя, что с нею происходит, сказала: „Милая, не губи свою красоту и юность.

> Слушай, стройнобедрая, весна разносит по земле песни кукушек, подобные звукам барабана Маданы.
>
> Пусть гордые оставят свою гордость и служат своим возлюбленным. Преходяща юность на земле, и жизнь тоже быстротечна.

Поэтому пользуйся молодостью“. Дханашри ответила на это: „Медлить больше не могу. Сделай скорее все, что можешь“. Подруга свела ее с чужим мужчиной. И когда любовник увидел, что она предалась ему вполне, он отрезал ей косу. В это время приехал муж из чужой страны. Как ей быть?» И попугай продолжал: «Когда муж подошел к двери дома, жена придумала ответ и сказала ему: „Господин, побудь у двери, пока все будет готово“. Тот согласился, а она пошла в комнату, совершила моление богине Бхаттарике * и положила перед ее изображением свою косу. Сделав это, она вышла наружу, ввела, танцуя и распевая, мужа, поставила его перед богиней и сказала ему: „Господин, помолись домашнему божеству“. Муж помолился, увидел косу и сказал: „Что это значит?“ Жена ответила: „Я молилась так: богиня, если мой муж вернется, я перед тобой отрежу себе косу. Сейчас я и сделала это“. Муж-глупец восславил богиню и жене оказал большие почести».

Выслушав это, Прабхавати легла спать.

Таков четырнадцатый рассказ из книги «Семьдесят рассказов попугая».

На следующий день Прабхавати снова собралась идти.

> Попугай со смехом проговорил: «Иди, если сумеешь отвечать так, как ответила раз Шриядеви, когда у нее сняли с ноги браслет.

Есть город Шалипура, в нем жил купец Шалига с женой Джаликой. У них был сын Гунакара, женатый на Шриядеви. А Шриядеви состояла в связи с купцом Субуддхи. Несмотря на то что об этом уже появился слух в народе, влюбленный в нее муж ничего слушать не хотел. Говорится ведь:

> Люди, расположенные к хорошему, видят только хорошее, дурные видят только плохое. Беспристрастные люди видят как дурное, так и хорошее.

А также:

> Даже разумные мужчины, влюбившись в женщину, о себе не заботятся. А для женщин иные мужчины как вода в руке.

Однажды свекор застал Шриядеви спящей с любовником. Она почувствовала, что свекор снял с ее ноги браслет. Тогда она отпустила любовника, привела мужа и легла спать с ним. Потом она разбудила мужа и сказала: „Твой отец снял у меня с ноги браслет и унес". Муж ответил: „Завтра сам у отца возьму его и верну!" Гунакара, ругаясь, потребовал у отца браслет. Отец сказал: „Я взял браслет потому, что увидал твою жену спящей с чужим мужчиной". Жена возразила: „Я спала с твоим сыном. Готова хоть Божьему суду подвергнуться. Там в северной части деревни есть изваяние якши. Я пройду между его ног. Известно, что, кто прав, тот может пройти между ног статуи". Свекор согласился.

Неверная жена еще до наступления дня отправилась к любовнику и сказала ему: „Милый, сегодня утром я по Божьему суду буду проходить между ног статуи якши. Ты приди к статуе, изобрази помешательство и бросься обнимать меня". Тот согласился, и она вернулась домой.

Утром она собрала весь народ, взяла цветов, невыколосившихся злаков и прочее, пошла к храму якши, совершила омовение в

ближайшей реке, и, когда пришла совершить моление, ее любовник по уговору, как одержимый бесом, охватил ее шею руками. „Ах, что же это такое?“ — вскричала она и пошла опять омываться. Люди схватили бесноватого за горло и удалили оттуда. Жена, омывшись, подошла к статуе якши, принесла в жертву цветы, благовония и прочее и сказала во всеуслышание: „О досточтимый якша! Если ко мне когда-нибудь прикасался какой-либо мужчина, кроме моего мужа и этого бесноватого, то пусть не пройду я между твоих ног“. С этими словами она на глазах всего народа прошла между ног якши. И якша стоял неподвижно, одобряя про себя такую сметливость. Все стали ее хвалить, говоря: „Вот верная жена“. И она пошла домой. Так что если ты, Прабхавати, сумеешь сделать так, как Шриядеви, то иди».

Выслушав это, Прабхавати уснула.

Таков пятнадцатый рассказ из книги «Семьдесят рассказов попугая».

На другой день она, собравшись уходить, сказала попугаю: «Попугай, иду к возлюбленному». Попугай ответил:

«Правильно ты сказала. Поступай по влечению ума. Ум заставляет ни на что не способных быть способными, как это случилось с Мудхикой».

Услышав это, Прабхавати сказала: «Как это было?» Попугай заговорил:

«Есть город Видиша *, жил в нем купец Джанаваллабха. Его жена Мудхика была женщина ветреная и своевольная. Она жестоко обманывала мужа, и он рассказал родным, что она спит с другими. Когда родные ей об этом стали говорить, она сказала: „Это он всегда спит с другими, оговаривает меня напрасно“. Тогда муж и жена сговорились считать виновным того из них, кто начиная с такого-то дня не будет спать дома. Однако, несмотря на уговор, жена однажды покинула спящего мужа и ушла из дома. Как только она вышла, муж запер дверь и опять улегся спать. Когда жена после своих забав вернулась, муж не открыл ей дверь. Тогда она бросила в колодец большой камень и стала у двери. Муж подумал: „Никак жена в колодец бросилась“, открыл дверь и вышел из дома. Жена заперла дверь и осталась внутри. А муж, стоя снаружи, начал громко плакать, говоря: „Ах, милая!“ Жена, боясь огласки, вышла и впустила мужа. Тогда они оба уговорились так: „Начиная с этого дня ни ты, ни я не будем заводить ссор“.

Выслушав шестнадцатый рассказ, Прабхавати уснула.

Таков шестнадцатый рассказ из книги «Семьдесят рассказов попугая».

На другой день Прабхавати, усмехаясь, спросила попугая, идти ли ей к возлюбленному. Попугай сказал: «Чего душа желает, то и надо делать. Ведь говорится:

> Шагая, следует ставить ногу на место осмотренное, чистое. Пить следует воду, процеженную через ткань, речь надо говорить, истиной очищенную, и делать надо все с сердцем чистым.
>
> Пусть, нежная, тот поступает по желанию сердца, кто может преодолеть надвинувшуюся беду и говорить так, как говорил брахман Гунадхья».

Прабхавати спросила: «В чем дело?» Попугай рассказал:

«Есть город Вишала, жил в нем брахман Яяджука. Его жена Пахини была красива, и он очень любил ее. Их сын постепенно усвоил от отца все науки. Однажды он, оставив родителей, уехал в чужую страну. Звали его Гунадхья. В городе Джаянти он вздумал пожить, пуская в ход хитрость. Он приучил ячменем, травой и прочим кормом быка, так что бык ходил за ним. Однажды оделся он носильщиком купца, пошел с быком, которого вел на веревке, к сводне гетеры Маданы и сказал ей: „Завтра прибудут наши быки с товарами. Я сегодня пришел добыть травы. Буду спать там, где поместится мой бык“. Сводня, обрадовавшись деньгам за постой быка, приютила брахмана. Привязав быка, брахман Гунадхья пошел к гетере. У нее он омылся, нарядился и ночью был с нею. На рассвете он встал первым, взял золотой пояс гетеры и ушел. После его ухода какая-то рано вставшая служанка, не видя на месте быка, сказала сводне: „Мать, что же это такое?“, но замолчала, вспомнив, что Гунадхья выходил из помещения гетеры. Есть изречение:

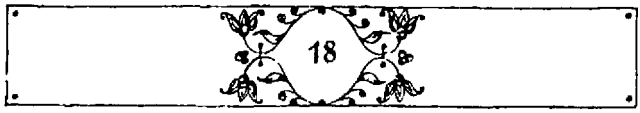
> О своих денежных потерях, о душевных страданиях, о домашних неприятностях, об обмане и униженьях разумный не должен говорить другим.

На следующий день гетера задержала Гунадхью, проигравшегося в кости и несшего в руке кусок мела. Гунадхья нашел выход из положения. Он стал кричать: „Сводня, сводня!“ И она, боясь раджи, отпустила его. Но когда она отошла, он пошел за нею следом, крича: „Сводня!“ Тогда она отвела его в уединенное место, успокоила и дала ему золотое украшение со своей руки.

Кто умеет с умом переносить и устранять несчастья и в то же время следовать влечениям сердца, того добрые люди никогда не порицают».

Выслушав этот рассказ, Прабхавати легла спать.

Таков семнадцатый рассказ из книги «Семьдесят рассказов попугая».



Когда она на другой день хотела идти, попугай сказал ей:

«Иди, госпожа, не будет тебе, идущей в чужой дом, беды, если в теле твоем такой ум, как у похитителя горчицы.

Есть город Шубхастхана. В нем жил купец Даридра. К этому купцу в дом забрался вор. Не найдя там ничего иного, он забрал горчицу, но, когда выходил, его схватили люди раджи. Спрашивается: как уйти с царского двора вору, которого тащили, привязав ему на шею краденое? Всякому, кто его спрашивал, он говорил: „Ах, от горчицы нет никакого толку!“ Раджа потребовал вора в собрание и сказал: „Не понимаю я смысла твоих слов“. Тот отвечал:

„В день Бали люди привязывают к руке амулет из пяти горчичных зерен. А сегодня это совсем ни к чему. Оттого что эти зерна у меня на шее привязаны, я сам связан“. Раджа рассмеялся и отпустил вора».

Выслушав это, Прабхавати уснула.

Таков восемнадцатый рассказ из книги «Семьдесят рассказов попугая».

На следующий день Прабхавати вновь собралась идти. Попугай сказал:

«Делай, что тебе нравится, робкая, если умеешь поступать так, как Сантика, освободившая мужа и Сваччханду.

Есть город Карахада *. Там правил царь, носивший по праву имя Гунаприя *. И жил там богатый купец Содхака. Его жена Сантика была верна мужу. Жена же другого купца, которую звали

Сваччханда, увлекалась мужчинами. Она добивалась любви Содхаки, но тот не следовал ее желаниям. Однажды он отправился молиться якше по имени Манорaтха. Сваччханда отправилась вслед за ним и вошла в храм. Там разными любовными приманками она добилась своего. Правильно говорят:

> Мужчина лишь до тех пор стоит на верном пути, до тех пор владеет своими чувствами, сохраняет стыд и держится скромно, пока в его сердце не попали разрушающие твердость стрелы из больших, простирающихся до висков глаз красавицы, оперенные черными ресницами, на луке бровей натянутые и выпущенные.

Заметив соединение этой пары, стража раджи окружила храм, чтобы связать обоих. Но об этом узнала Сантика. Под громкие звуки турьи * она ночью пошла к храму якши и сказала страже: „Я дала сегодня обет посмотреть на якшу и в уединенном месте положить еду. Вот вам деньги, впустите меня в храм". Те впустили ее. Сантика одела Сваччханду в свое платье, удалила ее вон, а сама осталась в храме. И утром стража была обескуражена, увидев жену вместе с мужем».

Выслушав эту историю, Прабхавати уснула.

Таков девятнадцатый рассказ из книги «Семьдесят рассказов попугая».

На следующий день Прабхавати спросила у попугая, идти ли ей. Попугай проговорил:

> «Иди, госпожа, куда тебя влечет, иди к любовнику,
> если умеешь так ловко обманывать мужа, как Келика.

На берегу реки Сабхрамати * есть местность Шанкхапура. Там жил богатый крестьянин Сура. Его жена Келика отличалась вероломством и распущенностью. Она была в связи с брахманом, жившим на другом берегу реки, в Сиддхешварапуре. Влюбленная в него, она с помощью своей соседки-посредницы по ночам переправлялась через реку и пробиралась к нему. Однажды муж узнал об этом и отправился посмотреть, зачем она уходит. Но когда он подходил к берегу, жена увидела его. Она наполнила водой кувшин, находившийся в лодке, украсила в доме соседки статую богини Бхаттарики, облила ее этой водой и сказала, возвращаясь к соседке, с которой заранее сговорилась: „Госпожа, ты недавно сказала, что, если я не омою эту статую Сиддхешвари *, мой муж через пять

дней скончается. Если эти твои слова верны, то пусть теперь мой муж долго живет". Соседка отвечала: „Да будет так". Услышав это, муж обрадовался и незаметно скрылся».

Выслушав этот рассказ, Прабхавати уснула.

Таков двадцатый рассказ из книги «Семьдесят рассказов попугая».

На другой день попугай, спрошенный Прабхавати, отвечал:

«Иди, госпожа, не будет ничего плохого идущим,
если им во всех делах сопутствует разум Мандодари».

Прабхавати сказала: «В чем дело?» Попугай начал:

«Есть город Пратиштхана *. В нем жили раджа Хемапрабха, министр Шруташила и купец Яшодхара с женой Мохини и дочерью Мандодари. Дочь отдали замуж за купца Шриватсу родом из Кантипури *. Молодые были сильно влюблены друг в друга. Однако Мандодари сошлась с сыном раджи, которого ей подослала некая соседская тетка, клыкастая сводня. Мандодари забеременела и по прихоти, возникающей у беременных, убила и съела любимого павлина раджи. А у раджи была привычка принимать пищу только тогда, когда при нем был павлин. И вот в тот день к обеду павлина не оказалось. Когда о пропаже павлина было возвещено барабанным боем, сводня прикоснулась к барабану, так как она знала, что павлина съела какая-нибудь беременная женщина из прихоти, свойственной беременным. Она пошла к Мандодари спросить насчет этого. Сводню приняли в доме с почетом. Говорится:

Изысканная учтивость в обращении с женщиной, любезная почтительность по отношению к людям уважаемым, мужество перед врагом, обходительность со старшими, уважение к обряду перед людьми праведными,

Уступчивость по отношению к знающим наши слабости, всякая почтительность перед гордыми, хитрость по отношению к негодяям — вот все восемь добродетелей мужчины.

Мандодари поведала ей всю историю с павлином, и сводня злоупотребила ее доверчивостью. Есть изречение:

Не доверяй тому, кто тебе не доверяет, не доверяй и тому, кто доверяет. Опасность, возникающая из-за доверчивости, подсекает людей под самый корень.

Кое-что мужу надо скрывать от жены, кое-что от родных и от детей. Мудрый пусть говорит с большой осторожностью, сперва обдумав, уместно или неуместно говорить.

И еще:

Следи здесь за вежливыми речами врагов. Олень идет на смерть, не зная смысла призывного крика охотника.

В поэме «Кирата» * сказано также:

Идут к погибели те глупцы, которые не хитрят с хитрецами. Таких плуты губят, как острые стрелы, проникающие в плохо защищенные тела.

Узнав обо всем, сводня рассказала узнанное министру, министр — радже. Раджа сказал:

„Не надо быть легковерным, не следует верить тому, чего не видел своими глазами. Даже если и видел своими глазами, то отличай ложное от неложного.

Такое дело не могла совершить жена этого первейшего купца города. Так как я ничего не видал, то нельзя подвергать его осмеянию".

Министр передал эти слова сводне. Тогда сводня поместила министра в шкаф и поставила этот шкаф в доме той женщины под видом вещи, отданной на хранение. А сама пошла и сказала ей: „Милая, хвалю тебя за то, что ты съела павлина. Говорится ведь:

Из всех родов мяса лучшее мясо — оленя, антилопы, козули, а также куропатки, перепела, павлина, барана, черепахи".

И она опять спросила, как было дело с павлином. Та стала рассказывать, а министр, которому сводня подавала знаки, постукивая по шкафу, слушал. Как теперь спастись этой жене купца, ее отцу и свекру? Есть изречение:

В обществе низких людей человек не увидит ничего хорошего. Злодей и перед лучшим другом показывает себя не таким, каков он есть.

Низкий человек умеет лишь портить, а не устраивать дела другим. Мышь сумеет только прогрызть корзину с едой, а поправить не сумеет.

Столкнувшись с дурным человеком, и боги лишаются тела. Гляди: сезамовое семя, попав в амбар, идет под пресс.

Когда сводня стукнула рукой по шкафу, дочь купца, догадываясь, в чем дело, сказала:

„Как только я это сделала, стало рассветать; я проснулась, мать моя, смотрю — нет ничего.

Вот какой сон, матушка, я видела. Расскажи, что он для меня означает?“ При этих словах министр выбил дверцу шкафа и вылез. Жене купца было оказано почтение, а ту сводню прогнали».

Выслушав этот рассказ, Прабхавати уснула.

Таков двадцать первый рассказ из книги «Семьдесят рассказов попугая».

Услышав опять вопрос Прабхавати, попугай сказал:

«По-моему, иди, госпожа, иди, если умеешь отвечать так, как ответила Мадхука».

Прабхавати спросила: «В чем дело?» Попугай рассказал:

«В деревне Дамбхила жил крестьянин Содхака. Его жену звали Мадхука. С нею предавался удовольствиям некто по имени Сурапала, когда она проходила по дороге, неся съестное. Однажды она поставила у дороги еду и осталась с этим любовником. Некий плут по имени Муладева положил в еду верблюжье мясо. И она понесла пищу, не вынув это мясо. Когда муж увидел верблюжатину, он сказал: „Что же это значит?“ Жена сейчас же придумала ответ: „Господин, нынче ночью мне приснилось, будто тебя ел верблюд. Дабы отвратить такую беду, я сделала так, чтобы было наоборот. Ешь спокойно, чтобы не было чего плохого“. Услышав это, муж, довольный, стал есть верблюжатину».

После этого рассказа Прабхавати легла спать.

Таков двадцать второй рассказ из книги «Семьдесят рассказов попугая».

На другой день подруги сказали Прабхавати, желая, чтобы она пошла к любовнику.

«Когда от капель пота, обильно текущих, стираются с лица сандаловые румяна, когда из-за отрывистых криков не слышно звенящих на ногах браслетов, когда все целиком направлено на любовь, тогда, подруги, я скажу, что это — любовное наслаждение, дающее усладу. Все другое — неинтересно.

И далее:

Несчастлива жизнь у того, кто ею не рискует ради любимого. Любовью называется то, из-за чего человек в величайшую беду попадает.

Здоровье — величайшее благо, твердость воли и могущество — тоже счастье. Но все это ничто, если не наслаждаешься возлюбленным.

Сказано также:

Смотря в овал зеркала на себя, сверкающую, глазами продолговатыми и неподвижными, она (т. е. Парвати) нетерпеливо ожидала прихода Шивы. Женщинам награда за украшения — взгляд возлюбленного».

Попугай сказал:

«Легко, о раджа, находить людей, всегда говорящих приятное. Но трудно сыскать умеющих говорить и слушать неприятную правду.

Поэтому что толку много говорить? Ты и твои подруги знают, что надо делать. Выслушай рассказ о том, что было со сводней, подумай о нем и немедля иди».

Прабхавати спросила: «В чем дело?» Попугай заговорил: «Есть город Падмавати. Там

На улицах, выложенных дорогими камнями, сверкает солнце множеством лучей, как мерцающая шея змея Шеши *, сошедшего на землю.

Правил там царь Сударшана.

К чему рассказывать о царе, защитнике подданных, совершенства которого, полученные в результате отвержения злой силы и обмана,

Не разрушаются от бледно-желтой луны или же от сильного, злого царя и при котором на свете не бывало зла, как тьмы при солнце?

У него была жена по имени Шрингарасундари. В ту пору, когда они занимались любовными забавами, наступила жара.

Когда солнце палит, долгий день невыносим и ветер зноен, о робкая, все это в жару тяжко.

Сандал и чистая одежда, вода чистая, холодная и очищенная патока — предмет наслаждения — превосходят все, не иначе.

У кого в полдень сандал, вечером купание, ночью прохлада от веера, для тех и зной слуга.

В эту самую жару вышел на крышу своего дома купец по имени Чандра вместе с женой Прабхавати. Своевольное солнце со своими руками-лучами пошло по берегу Западного океана. Люди говорят:

Когда судьба идет против человека, то обладание многими средствами спасения бесполезно. И тысяча рук-лучей не опора владыке дня — солнцу, когда ему предстоит закатиться.

Вон там солнце еще багряное, уронившее одежды, сияет, как коралловый сосуд, упавший из рук женщины-тьмы.

Тем временем, о большеглазая, месяц поднялся, окруженный лучами-воинами, чтобы стать на вершине горы Востока и поразить врага-тьму.

На востоке сияет месяц, стоящий на вершине горы Восхода, как светильник трех миров, покрытых тьмой.

Поднявшись на гору Восхода, сияет месяц перед лицом ночи на лоне возлюбленной-ночи, белый на черной вершине.

В такую ночь тот купец забавлялся со своей женой-игруньей. И у него родился сын которого назвали Рама. Отец обучил его всем наукам. Однажды мать сказала мужу Чандре: „У меня всего один сын. Этим я очень опечалена". Чандра проговорил: „Этот твой единственный сын достоин похвал. Ведь говорится:

Ловкий, любезный, уступчивый и серьезный, сведущий в искусствах, добродетельный — такой сын и один хорош.

И еще:

Что толку от того, что родилось много сыновей, доставляющих огорчения и муки? Лучше один сын, опора семьи, благодаря которому семья славу получает".

Сказав это, он призвал сводню Дхуртамаю и сказал ей: „Дам тебе тысячу золотых. Научи моего сына разбираться в женских хитростях и обманах". Та согласилась, сказав: „Хорошо". И купец перед свидетелями передал ей сына, говоря: „Если мой сын будет где-либо обманут гетерой, я возьму с тебя вдвое больше золотых". Сводня отвечала: „Пусть будет так". Договор был написан, и сына отправили в дом сводни. Там он стал изучать всякие хитрости, творимые гетерами, а именно:

Деланную речь гетер и ложные их клятвы, лукавство, лицемерие, притворный плач и притворный смех, умение беспричинно радоваться и печалиться, льстиво просить, казаться влюбленной или равнодушной,

Держаться ровно и в счастье и в несчастье, относиться одинаково и к справедливости и к несправедливости и щеголять перед любовником своим лукавством.

Говорится ведь:

У женщин сходны губы, руки, щеки, груди, пуп, зад, а сердце у каждой — свое.

Так изучал он все уловки гетер. Потом согласно договору он был передан отцу. И по приказу отца его послали торговать в Суварнадвипу *. А там жила гетера Калавати. Сын купца прожил с нею год. Когда она в обращении с ним применяла манеру гетер,

он говорил: „Скажи что-нибудь другое, это умеет и моя младшая сестра". Так, несмотря на всякие хитрости, она не могла вполне забрать его в свои руки. Тогда она рассказала обо всем своей матери. Мать отвечала: „Он, конечно, сын гетеры. Так его не возьмешь. Его надо взять обманом. Когда он захочет вернуться на родину и станет с тобою прощаться, ты скажи: „Я тоже туда поеду. А если меня с собою не возьмешь, то умру — и с этими словами бросайся в колодец. Тогда твой любезный все даст тебе". Дочь сказала: „Мать, что же толку в деньгах, раз меня не будет? Ведь говорится:

> Не стремись к тому, что дается ценой чрезвычайных мучений, нарушения законов и ценой пресмыкательства перед врагами".

Мать ответила: „Робкая, не говори так. Деньги дают и смерть и жизнь. Люди говорят:

> Не опираясь на смелость, человек не увидит счастья, смелый во всех делах — наилучший сосуд счастья.
>
> Не уколов другого в чувствительное место, не сделав злого дела, не убив, как убивают рыбу рыбаки, нельзя достичь большого счастья.
>
> Время творит равное и неравное; и бесчестье и почет творит время. Время делает человека то дающим, то просящим.

Я тут еще одну сеть раскину".

Выслушав эту речь сводни, гетера сделала так, как она посоветовала. И сын купца действительно дал ей все. Получив много миллионов денег, гетера выгнала его с позором. Люди говорят:

> Даже гетеры любят по-настоящему тех, кто им мил, но обманывают и их из жадности к деньгам. Хвала тем гетерам, которые и самих себя не любят.

Лишившись состояния и чести, сын купца сел на чужой корабль и вернулся домой. Увидев сына одного, без слуг и без денег, отец со слезами на глазах спросил, куда девались деньги. Тот, стыдясь рассказывать сам, сообщил все через домашнего жреца. Отец сказал: „Не отчаивайся, милый. Людей постигает и несчастье и счастье. Говорится:

> Что ходишь озабоченный, закрываешь глаза, вожак стада слонов, отбившийся от стада? Ешь хлеб и воду, что тебе принесли. И несчастье и счастье — все от судьбы.
>
> Для мудрых что особенного в этом быстро иссякающем богатстве? Ушло оно — они не печалятся, пришло — не радуются".

Утешив таким образом сына, он призвал Дхуртамаю и сказал ей: „Вот послушай, что за чудо тут произошло. Сын учился у

тебя, а пришел, потеряв все состояние". Та отвечала: „Да кого же не разоряли женщины? Люди говорят:

> Кто не гордился, разбогатев? Несчастья какого прожигателя жизни приходят к концу? На свете чье сердце не было разбито женщиной? Разве есть друзья у раджей? Кто не подвержен действию времени? Какой убогий достигал почета? Какой человек, попав в сети злодея, счастливо уходил?

Говорится также:

> В горном ущелье, напоминающем собою седалище, в густой чаще, словно ряду волос на животе, похититель сердец Мадана обманул даже Хари *, Хару и Нара-Говинду *.

Поэтому нагрузи опять корабль товарами и пошли меня с твоим сыном туда, где он был. Есть изречение:

> На добро отвечай добром, на зло — злом. Ты мне крылья отдавал, а я тебе — голову.

Я ведь говорила, что, если твоего сына обманет какая-либо женщина, виновата буду я. Люди говорят:

> Земля колеблется, несмотря на то что ее поддерживают слоны, черепаха, великие горы и царь змей. Но чистые люди не колеблются при выполнении обещанного, им и конец света тут нипочем.

И еще:

> Горы шатаются во время потопа, моря выступают из берегов. Но твердые люди не нарушают обещаний, даже попав в беду.
>
> Те люди тверды, которые соблюдают умеренность и в еде, и в речи. Нестерпима, о милая, невоздержанность в пище и в речи".

И купец немедля отправил своего сына вместе с Дхуртамаей в Суварнадвипу. Тамошние горожане сдружились с ним, и гетера Калавати пригласила его к себе, оказывая ему всяческое почтение. И она так им завладела, что он опять во всем стал ей покоряться. Она забрала его деньги. Спрашивается, как поступить теперь сводне Дхуртамае?»

Прабхавати отвечала: «Попугай, я не знаю. Говори сам». Попугай проговорил: «Если не пойдешь к любовнику, я расскажу». Та ответила: «Не пойду». И попугай продолжал:

«Когда у сына купца все было забрано, сводня Дхуртамая приняла облик чандалы * и несколько дней делала вид, будто искала кого-то. Однажды, когда сын купца взошел на ложе вместе с гетерой Калавати, сводня увидела его. Как только она показалась в дверях, он по уговору встал и приготовился бежать. Видя, что он поднялся, Калавати тоже встала и спросила: „В чем дело?" Сын купца Рама сказал ей: „Милая, это моя мать. Я унес у нее

деньги и давно уж не показываюсь ей на глаза". А Дхуртамая, как было условлено, стоя в дверях, с испугом стала его манить к себе рукой, говоря:

> ,,Долго тебя я не находила, а ты пребываешь в доме гетеры. Гетера эта — дрянная тварь: ты все у меня утащил".

Когда сводня в облике чандалы вышла, ругаясь, во двор, сын купца подошел и упал ей в ноги. Калавати со своей сводней, увидев это, ввела ее в дом и спросила: ,,Мать, кто он такой? Из какой касты? И кто ты?" Та отвечала: ,,Я певица матанги * у раджи Сударшаны из города Падмавати. А этот вот украл у меня деньги и ушел сюда. Деньги, как я узнала, забрала ты. Но теперь он должен уйти вместе со мной". Тогда Калавати упала к ее ногам вместе со своей сводней, говоря: ,,Возьми ты эти деньги". Дхуртамая отвечала: ,,Не буду брать я их тут в углу. Возьму их с ведома раджи". Мать гетеры в крайнем ужасе сказала этой матанги: ,,Пощади мою дочь, пощади! Бери все наши накопленные деньги, только не наказывай меня". Дхуртамая ответила: ,,Хорошо, возьму". Тут гетера и ее сводня с благодарностью схватили ее руки, стали обнимать ее ноги. Дхуртамая забрала у них все деньги — и присвоенные гетерой, и ее собственные, села вместе с Рамой на корабль и по прибытии домой устроила большой пир».

Выслушав этот рассказ, Прабхавати уснула.

Таков двадцать третий рассказ из книги «Семьдесят рассказов попугая».

На другой день Прабхавати опять стала отпрашиваться у попугая. Попугай сказал:

> «Иди, госпожа, если сможешь говорить так, как сказала когда-то мужу схваченная за волосы Садджана, сошедшаяся с любовником».

Прабхавати проговорила: «Как это было?» Попугай рассказал:

«Есть город Чандрапура; в нем жил зажиточный плотник Сурапала. Его жена Садджани очень увлекалась чужими мужчинами. К ней в дом ходил некто Девака. Плотник услышал об этом от людей, утром нарочно ушел из дома, незаметно вернулся в сумерках и залез под кровать. И вот как теперь спастись жене, когда она с любовником легла на кровать, а муж схватил ее за волосы? Жена, схваченная мужем, посмотрела на своего второго супруга и проговорила: „Я ведь тебе сказала, что плотника,

моего мужа, нет дома. Когда он вернется, то сделает все, что нужно. Пусть даже он опять взял у тебя деньги, ты все же успокойся. Вернется плотник, и я к тебе зайду или сведу вас обоих вместе. Сомневаться тут нечего“»...

Выслушав этот рассказ, Прабхавати уснула.

Таков двадцать четвертый рассказ из книги «Семьдесят рассказов попугая».

На следующий день Прабхавати спросила попугая, идти ли ей. Попугай проговорил:

«Делай что нравится, если сумеешь противодействовать так, как когда-то сумел шветамбара *, оказавшись в затруднительном положении.

Есть город Чандрапури *. В нем проживал всеми чтимый кшапанака * по имени Суддхасена. В этот же город пришел однажды другой великий праведник, одетый в белое. И этот праведник привлек к себе всех и нашел даже преданных учеников. Тот кшапанака не мог терпеть почета, воздаваемого пришельцу, послал в его убежище гетеру и пустил через людей слух, что шветамбара— поклонник гетер, а не праведник. Чтобы доказать это, он собрал людей и сказал: ,,Только кшапанаки, не носящие одежды, люди благочестивые, а шветамбары — еретики“. Но тот шветамбара сжег на огне свою одежду и, когда ночь подошла к концу, вышел голый, с гетерой под руку. И по людям пошла злая молва: это кшапанака был, а не шветамбара».

Выслушав этот рассказ, Прабхавати уснула.

Таков двадцать пятый рассказ из книги «Семьдесят рассказов попугая».

На другой день она собралась идти. Попугай сказал:

«Иди, госпожа, не будет плохого, если сумеешь сказать так, как сказала Ратнадеви, захваченная мужем с двумя любовниками.

Есть деревня Джалауда. В ней жил храбрый раджпут Кшемараджа с женою Ратнадеви. Старостой деревни был некто Дева.

Его сына звали Дхавала. Оба — и сын и отец — были в связи с Ратнадеви, не зная этого друг о друге. Однажды, когда они оба сидели у нее в доме, пришел раджпут. Что она могла ответить?» И попугай продолжал: «По ее знаку отец вышел из дома, грозя пальцем. Когда он отошел, муж в страхе спросил: ,,В чем дело?" Жена со смехом отвечала: ,,Да сын его к тебе в дом пришел, спасаясь от отца. Я не выдала его отцу, потому что

Тот считается кшатрием, кто может защищать добрых людей. Тот лук хорош, который упруг. Кто два имени носит, а цели не достигает, тот как бы неправильную речь употребляет.

Отец и ушел, рассердившись. Иди, выпусти сына". И муж выпустил».

Выслушав этот рассказ, Прабхавати уснула.

Таков двадцать шестой рассказ из книги «Семьдесят рассказов попугая».

На другой день Прабхавати спросила попугая, идти ли ей. Попугай отвечал:

«Иди, стройнобедрая, кто может помешать влюбленным? Иди, если сумеешь сообразить быстро, как Мохини.

Есть город Шанкхапура. Жил там купец Арья. Жену его звали Мохини. С нею забавлялся хитрец Кумукха. Муж узнал об этом. А муж был большой трус. Он запретил жене выходить из дома и сидел все время около нее. Жена все-таки дала знать хитрецу: ,,Приходи ко мне ночью, буду спать в постели мужа с краю" Тот пришел. Но когда лежали, муж схватил Кумукху за чувствительное место. Как уйти? Ответ: Схватив любовника, муж закричал жене: ,,Неси лампу, я вора поймал". Жена ответила: ,,Боюсь выйти. Я его подержу, а ты принеси лампу". Муж вышел, жена отпустила любовника, взяла за язык привязанного в доме теленка и легла по-прежнему. Муж подошел с лампой, с колом в руке и спросил: ,,Что это такое? Телячий язык? Как подошел сюда теленок?" Та ответила: ,,Да он голодный. Вот слюна, которая выпала у него изо рта". Оба заспорили, но муж сдался. ,,Проклятый, пропадешь ты с этим своим геройством",— сказала жена. Под ее ругань пристыженный муж заснул».

Выслушав этот рассказ, Прабхавати улеглась спать.

Таков двадцать седьмой рассказ из книги «Семьдесят рассказов попугая».

На следующий день Прабхавати стала отпрашиваться у попугая. Тот сказал:

> «Сегодня иди, статная, если умеешь говорить так, как говорила когда-то Девика, которую застали с любовником.

Есть село под названием Кухада. Там жил крестьянин Джараса, непроходимый глупец. Жена его Девика бегала за мужчинами. С нею в поле в укромном месте, у дерева вибхитака*, с удовольствием предавался любви брахман Прабхакара. Услышав от людей о таком дурном деле, муж сам пошел туда посмотреть. Он влез на дерево, увидел оттуда все, что было, и закричал с дерева: ,,Обманщица, долго я тебя ловил, но сегодня поймал!" Как теперь, после таких слов, жене показаться мужу?» — спросил попугай. Прабхавати отвечала: «Не знаю, говори сам» — «Скажу, если не пойдешь». Та пообещала не идти, и попугай продолжал:

«Жена услала любовника, и, когда муж, сойдя с дерева, подошел к ней и стал ее ругать, она сказала: ,,Что ты, милый? Ведь это такое дерево: кто на него взберется, тому пара кажется". Муж ответил: ,,Ну влезь сама, посмотри". Жена повиновалась. Взобравшись на дерево, она закричала: ,,Вот вижу, что ты уже давно ходишь к другой женщине". Дурак подумал: ,,А ведь верно!" Успокоил жену и отвел ее домой»

Выслушав этот рассказ, Прабхавати уснула.

Таков двадцать восьмой рассказ из книги «Семьдесят рассказов попугая».

На другой день Прабхавати стала отпрашиваться у попугая. Тот сказал:

> «Иди, госпожа моя, красавица, если умеешь так раскинуть умом, как Сундари, застигнутая с любовником в доме».

«Как это было?» — спросила Прабхавати. Попугай рассказал.

«Есть деревня Сихули. В этой деревне жил купец Махадхана с женой Сундари. К ней в дом всегда приходил любовник Мохана и забавлялся с нею. Однажды, когда она была с ним, пришел муж. Как ей быть? Ответ: Увидев приближающегося мужа, жена заставила

любовника раздеться и влезть в подвесную петлю*, а сама выбежала простоволосая из дома и издали закричала мужу: „У нас в доме бхут *, голый, залез и сидит на петле. Беги и позови заклинателей". Муж-глупец пошел. А она тем временем отправила домой любовника, взяла в руки головню и, когда муж вернулся, сказала: „А бхут от головни исчез"».

Выслушав этот рассказ, Прабхавати заснула.

Таков двадцать девятый рассказ из книги «Семьдесят рассказов попугая».

На следующий день Прабхавати стала отпрашиваться. Попугай сказал:

«Иди, госпожа, не думаю препятствовать твоему уходу, если только ты сумеешь в опасности дать такой ответ, какой дал Муладева.

Есть на земле место сожжения трупов, называемое Бхутаваса *. И жили там два бхута, Карала и Уттала. Жену одного из них звали Дхумапрабха, а другого — Мегхапрабха. Оба бхута все спорили, чья жена лучше. Однажды они, гуляя со своими женами, увидели человека по имени Муладева, схватили его за руку и спросили: „Какая из этих двух женщин прекраснее? Если скажешь неправду, убьем тебя". А обе бабы были безобразные ведьмы, страшные, старые. Если сказать мужьям правду, то сожрут. Как же ответить? Муладева сказал:

„Для всякого на свете прекрасна только его возлюбленная, и никакая другая". Когда царь хитрецов это сказал, его сейчас же отпустили».

Выслушав этот рассказ, Прабхавати уснула.

Таков тридцатый рассказ из книги «Семьдесят рассказов попугая».

Когда Прабхавати на другой день стала отпрашиваться, попугай сказал:

«Иди куда хочешь, прекрасная, статная, позабавься, если обладаешь спасительным разумом, как некий заяц.

В лесу, называемом Мадхура *, жил лев по имени Пингала. Он загрыз много животных, и, чтобы его укротить, звери, посовещавшись, установили правило: доставлять ему ежедневно по одному животному.

Дошла однажды очередь до зайца. Но он не пошел, хотя звери и сказали ему: ,,Иди, а то лев опять будет пожирать всех тварей".— ,,Начиная с этого дня животные не будут ходить ко льву",— проговорил заяц и стал нарочно оттягивать время. В полдень он надумал идти ко льву и пошел не торопясь. Схвачен он был сейчас же. Как ему спастись? Заяц сказал льву: ,,Господин, я шел сюда с четырьмя другими зайцами, но по дороге нас перехватил твой враг, оттого и вышло такое опоздание". Лев спросил: ,,Кто же этот враг?" Хитрый заяц привел льва к колодцу и указал на отражение этого же льва в воде. Глупый лев, увидев свое отражение, в ярости прыгнул в колодец и погиб.

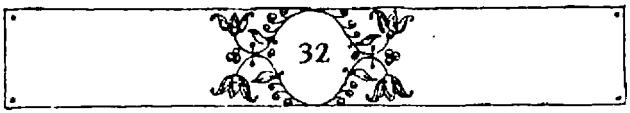
Боязливые сильны умом, а не мужеством. Ничтожный заяц погубил мужественного льва.

Люди говорят:

Стрела, выпущенная стрелком из лука, может быть, убьет кого-нибудь, а может, и не убьет, но министр, если захочет, погубит царя вместе с царством и народом».

Выслушав этот рассказ, Прабхавати уснула.

Таков тридцать первый рассказ из книги «Семьдесят рассказов попугая».



На следующий день Прабхавати приготовилась идти и спросила позволения у попугая. Попугай сказал:

«Иди, госпожа лотосоликая, куда душа стремится, если думаешь говорить так, как говорила Раджини, когда у нее пшеница превратилась в пыль.

Есть город Шантипура. В нем жил богатый купец Мадхава. Имя его жены было Мохини, а сына — Сохада. Жена сына, Раджини, была красива, ловка и увлекалась мужчинами. Однажды свекровь велела ей взять денег и принести с рынка пшеницы. Та пошла на рынок. Покупая пшеницу, она увидела своего любовника, подала ему знак, и он подошел. Уложив купленную пшеницу в корзину, Раджини оставила ее на рынке, а сама ушла с любовником. Торговец высыпал ее пшеницу, а вместо нее насыпал в корзину пыли. Раджини долго пробыла у любовника, вернувшись же, впопыхах не открыла корзину и пошла домой. Когда свекровь захотела взглянуть, какова пшеница, и открыла корзину, то увидела лишь сор. Как тут ответить?» И попугай продолжал: «,,Что тут такое?" — спросила свекровь. Раджини ответила: ,,Матушка, я на рынке

деньги наземь уронила. Потому и принесла пыль". Свекровь, не найдя больше денег, была недовольна».

Выслушав этот рассказ, Прабхавати уснула.

Таков тридцать второй рассказ из книги «Семьдесят рассказов попугая».

На следующий день Прабхавати, желая идти, спросила разрешения у попугая. Попугай проговорил:

«Что ж за беда? Иди, госпожа, если умеешь так поступать в опасности, как поступила плетельщица венков Рамбхика в присутствии мужа».

«В чем дело?» — спросила Прабхавати. Попугай рассказал:

«Есть город Шанкхапура. В нем проживал богатый плетельщик венков Шанкара. Его жена Рамбхика любила забавляться со многими мужчинами, отличалась изяществом и красотой и была женою многих. Однажды в доме Шанкары справляли праздник поминания предков. К этому дню ею были приглашены четыре любовника. Она приглашала их каждого отдельно на перекрестках, когда вышла продавать цветы: позвала деревенского старосту, сына купца, стражника и военачальника, и каждый из них думал, что приглашен он один. ,,Приходи завтра ко мне в дом",— говорила она. Когда на другой день муж ее ушел в сад, явился сын купца, чтобы, омывшись и поев, позабавиться любовью. Но не успел он омыться, как у двери дома показался староста. Не окончивший омовения купец очень испугался и был спрятан в измазанный маслянистым жмыхом амбар, плетенный из бамбука. Когда совершал омовение староста, на дворе появился стражник. При виде его староста был введен в тот же амбар; цветочница сказал ему: ,,Внизу там змея с детенышами, от нее надо укрыться". Не кончил и стражник омовения, как он был спрятан там же за горшками при появлении военачальника. И туда же Рамбхика втолкнула не успевшего омыться военачальника, когда показался муж, цветочник. Тогда этот плетельщик венков и его домочадцы стали вволю угощаться поминальной трапезой.

Затем жена дала вкуснейшую пищу четырем приглашенным, которые не видели друг друга,— каждому отдельно. Купец стал сильно сопеть за едой. Находившийся недалеко от него староста вообразил, что тут змея, и со страха испустил мочу. Купец же подумал, что это льется масло у него с блюда, поднял блюдо и толкнул им старосту в лицо. Тот перепугался. ,,Схватила меня, схватила!" — закричал он, выскакивая из амбара. Остальные трое, встревоженные криком ,,схватила", тоже выбежали из амбара,

измазанные масляной гущей. Увидев их, Шанкара и его гости пришли в изумление. Как быть жене? Ответ: Когда муж спросил у нее, что это такое, она сказала:

> „Ты нынче без веры поминал предков, милый,
> вот предки, не евши, и вышли, томимые голодом".

Тогда муж опять устроил поминание. По слову Рамбхики те уже не приходили».

Выслушав этот рассказ, Прабхавати уснула.

Таков тридцать третий рассказ из книги «Семьдесят рассказов попугая».

На следующий день Прабхавати спросила у попугая, можно ли идти. Попугай ответил:

> «Иди, госпожа, если ты умеешь так хитро говорить,
> как говорил когда-то Шамбху, отдав свою одежду
> девушке».

Прабхавати спросила: «Как это было?» Попугай рассказал:

«Жил когда-то в некоем городе брахман по имени Шамбху. Он бродил по разным странам, предаваясь азартным играм. Однажды, идя по дороге, он увидел красивую девушку, сторожившую поля, и, дав ей бетелю, сказал приветливо: „Сойдись здесь со мной, вот тебе моя одежда за это". Та доставила ему блаженство. И он сейчас же, как только это совершилось, захотел взять свое платье назад. Как он его получил? Ответ: Когда он попросил у девицы одежду, она пошла домой. Брахман сорвал пять колосьев и пошел за ней следом. Когда дошли до деревни, он стал кричать: „Эй, начальники, смотрите! Небывалое дело в этой деревне! Вот она отобрала у меня одежду за то, что я сорвал пять колосков". Крестьяне вернули ему одежду. А девица ничего не сказала, боясь позора».

Выслушав этот рассказ, Прабхавати уснула.

Таков тридцать четвертый рассказ из книги «Семьдесят рассказов попугая».

На другой день она, нарядившись, спросила у попугая, можно ли идти. Попугай ответил:

«Иди, госпожа, не будет тебе ничего плохого, если придешь туда и сумеешь обделать свое дело так, как скупщик сезама».

«Как это было?» — спросила Прабхавати. Попугай рассказал:

«Жил когда-то в некоей деревне купец по имени Шамбака, скупавший сезамовое семя. Он отправился в деревню Сара. Там он заехал к местному лавочнику, но не застал его. Дома была только его жена, весьма легкомысленная женщина. Купец ею воспользовался, дав ей перстень. После того купец пожелал отобрать его. Как же ему заполучить перстень, подаренный при таких обстоятельствах? Вот вопрос». И попугай продолжал: «Скупщик сезама, не получив своего перстня, сказал лавочнику на рынке:

„Ну давай мне сто мер сезама, как я договорился".

Лавочник на это возразил:

„Какого сезама? Кто ты такой? Что за договор?"

Купец проговорил: „Договор заключала твоя жена и взяла с меня только перстень, чтобы я имел барыш вдвое на каждую меру". Обиженный лавочник послал к жене сына, велев ему сказать ей: „От таких твоих сделок нашему дому погибель". Сын принес перстень и отдал его купцу. Тот поехал своей дорогой. Так что если и у тебя, Прабхавати, столько ума, то иди. Иначе не ходи».

Выслушав этот рассказ, Прабхавати уснула.

Таков тридцать пятый рассказ из книги «Семьдесят рассказов попугая».

На следующий день при наступлении ночи Прабхавати опять сказала попугаю: «О попугай, пойду вкусить давно желаемого счастья». Попугай отвечал:

«Конечно, красавица, счастьем на свете тебе надо пользоваться, если только ты умеешь отвечать так, как ответила Найини».

Прабхавати спросила:

«Как это было? Кто была Найини, о попугай? Где и какой ответ дала она? Расскажи прекрасную историю. Хочу узнать, как это происходило».

Попугай рассказал:

«В деревне Сарада был староста Шурапала. Его жену звали Найини. Она все время просила у своего мужа шелковое платье,

но тот говорил: „Мы, пахари, носим рубища из хлопка. У нас и слова такого никто не знает — шелк“. Однажды на деревенской сходке она сказала мужу: „Господин, пойди домой, поешь своей бурды“. Услышав такое слово, муж, когда пришел домой, спросил жену: „Зачем ты, милая, мне перед собранием сказала такое скверное, неприличное и мне неприятное слово?“ Та ответила: „А ты почему не сделал того, что я хочу?“ Староста проговорил: „Сегодня же будет у тебя платье, но сделай так, чтобы не было позора от сказанного тобою слова“. Жена сказала: „Сделаю это, когда дашь платье“. Платье было дано. Спрашивается, как же она поправила сказанное?» И попугай продолжал: «На другой день Найини сказала мужу: „Когда я, как всегда, буду провожать тебя домой после сходки, пусть другие из собрания придут с тобой к нам“. Тот это устроил. И дома жена предложила членам собрания великолепнейший ужин. Крестьяне стали говорить: „А богат этот Шурапала. Жена-то его про бурду говорила, чтобы не заноситься перед нами“. Вот как было устранено то слово».

Выслушав этот рассказ, Прабхавати уснула.

Таков тридцать шестой рассказ из книги «Семьдесят рассказов попугая».

На следующий день Прабхавати спросила попугая, идти ли ей. И попугай сказал:

> «Иди куда желаешь, красавица, не будет тебе никакого вреда, если умеешь давать такой ответ, какой дал некий работник».

«Как это было?» — спросила Прабхавати. Попугай рассказал:

«В деревне Сангама жил семьянин Шура и держал работника, которого звали Пурнапала. Работник смотрел за всем у своего хозяина: за домом, полем, за гумном. Когда он работал в поле, то всегда обед ему носила дочь Шуры, которую звали Субхага. Работник спал с нею в укромном месте поля, не боясь хозяина. „Нехорошее это дело“,— думали соседские работники и рассказали обо всем хозяину Шуре. Раз пошел этот Шура в поле, чтобы своими глазами увидеть, действительно ли работник связался с его дочерью. Он притаился около их убежища и увидел, чем забавлялась эта пара. Спрашивается: что мог ответить работник?»

И попугай продолжал:

«Окончив то, что делал, он встал и заметил хозяина. „Фу, ну и работа моя! — сказал он со вздохом. И за плугом ходи, и за этой расслабленной. Хоть бы в ад провалиться от этого и от другого. Я и за плугом хожу, и еще должен суставы расправлять этой девице. И чего ради тружусь я на этого Шуру? Ведь тут пропадешь“. При этих словах Шура подумал: „Нет, он не виноват“,— не придал значения словам людей и со стыдом отправился домой».

Прабхавати, выслушав рассказанную попугаем историю, улеглась спать.

Таков тридцать седьмой рассказ из книги «Семьдесят рассказов попугая».

На следующий день, вечером, Прабхавати стала отпрашиваться у попугая. Попугай сказал:

«Стройнотелая, для тех, кто хочет добиться желаемого, не бывает препятствий. Иди, если умеешь поступать так, как поступил брахман Приямвада».

Прабхавати спросила: «Как это было?» И попугай рассказал:

«Жил когда-то брахман Приямвада, бродивший всюду. Он однажды зашел с дороги в деревню Сударшана, в дом одного купца. А у купца была жена, которая увлекалась мужчинами. Увидя ее, брахман подумал: „В хорошее место я водворился“. Ночью он, чувствуя похоть, сделал ей любовное предложение. Он дал ей кольцо. Мужа не было — уехал на базар, и брахман поспал с нею. Наутро он стал у нее просить назад свое кольцо. Та не отдала. Спрашивается: как ему отобрать кольцо, отданное при таких обстоятельствах? Ответ: Когда та женщина, несмотря на просьбу, не вернула кольцо, брахман взял ножку от кровати, пошел к купцу, ее мужу, и стал кричать, показывая ножку кровати. Купец спросил: „Ой, брахман, что это такое?“ Тот сказал: „Вот эту вещь я сломал, и за нее твоя жена отобрала у меня кольцо“. Выслушав его, купец, вернувшись, сердито сказал жене: „Из-за твоего сумасбродства у нас ни один проезжий не остановится“. Говоря эти суровые слова, он снял с ее пальца кольцо и вручил его брахману. Тот пошел своей дорогой».

Выслушав этот рассказ, Прабхавати уснула.

Таков тридцать восьмой рассказ из книги «Семьдесят рассказов попугая».

39

На другой день, вечером, Прабхавати спросила попугая, можно ли ей идти к мужчине. «Попугай, я ухожу»,— сказал она. Попугай произнес:

> «Иди, госпожа, дело хорошее — побыть с красивым мужчиной. Иди, милая, если умеешь в опасности говорить так, как тот человек, который получил назад телегу».

Прабхавати спросила: «В чем дело?

> Кто получил, попугай, и откуда получил телегу? В какую опасность попал? Расскажи эту прекрасную историю».

«Есть город Кундина *. В нем жил купец Бхудхара, которого все покинули, так как он потерял состояние из-за недостатка прибыльных дел. Люди говорят:

> Богатый образован, богатый щедр, благочестив, добродетелен, всем друг, богатого почитают. А кто без денег — тот пропал.

Когда у него осталась только телега, он оставил ее во дворе другого купца и отправился на чужбину. Добыв там денег, он вернулся в свой город и потребовал эту телегу у того купца. Но телеги не получил. Купцу-дураку полюбилась эта телега, и он ответил так: „Твою телегу мыши съели". Бхудхара сдержался и спокойно выслушал эту весть. Однажды он пошел к этому купцу на обед и увидал, как играет его сын; тогда он тайком взял мальчика и отнес к себе домой. Отец и вся семья, пораженные горем, плакали. Сосед, видя их рыдающими, сказал: „Вашего сына взял Бхудхара". Купец пошел к Бхудхаре и стал просить у него своего сына. Бхудхара сказал: „Друг, твой сын ходил со мною на реку купаться, и там его унес ястреб". После этих слов купец пошел ко двору раджи и рассказал о похищении сына. Пришел и Бхудхара ко двору. Теперь скажи, как спастись этому похитителю мальчика? Вот вопрос». И попугай продолжал: «Когда министр в присутствии раджи стал допрашивать Бхудхару, тот сказал:

> „Господин, где мыши поедают железные телеги, там и ястребы слонов таскают. А мальчика им утащить не диво".

Выслушав его речь, министр сказал ему: „Ты отдашь мальчика тогда, когда этот мошенник отдаст тебе твою телегу. Не иначе" Присвоивший телегу вернул ее владельцу и был наказан. А тот отдал ему мальчика».

Выслушав этот рассказ, Прабхавати уснула.

Таков тридцать девятый рассказ из книги «Семьдесят рассказов попугая».

На следующий день Прабхавати спросила попугая, можно ли ей идти.

Попугай отвечал:

> «Ступай! Хорошо по земле идти тому, кто желает идти. Иди, если умеешь говорить о сделанном и несделанном так, как Субуддхи».

Прабхавати спросила: «В чем дело?» Попугай рассказал:

«В местечке Нагара жили два всем известных приятеля — Субуддхи и Кубуддхи. Однажды Субуддхи уехал в иное место, и Кубуддхи стал жить с его женой. Но вот Субуддхи вернулся из чужой земли, добыв там денег. Кубуддхи тогда притворился, будто любит его по-прежнему. Здороваясь с Субуддхи, он спросил его: „Ну, видел ли ты что-либо любопытное?“ Тот ответил: „В деревне Манорама, что на берегу реки Сарасвати *, видел я в колодце плод манго, плавающий там с незапамятных времен“. Кубуддхи сказал: „Это вранье“. Субуддхи возразил: „Нет, правда“.— „Если это правда,— сказал Кубуддхи,— тогда возьми из моего дома все, что можешь захватить обеими руками. А коли неправда, то я возьму что-либо из твоего дома“. Когда они так договорились, Кубуддхи ночью пошел и украл тот плод из колодца. Плода нет — Субуддхи проиграл. Кубуддхи, желая забрать себе его жену, стал требовать выполнения условий договора. К какому же способу прибег Субуддхи, чтобы уберечь жену? Вот вопрос». И попугай дал ответ: «Субуддхи, заподозрив дурное, взял и поместил все, что было в доме, и жену тоже, на чердак, а лестницу положил наземь. Явился Кубуддхи. „Ну бери из моего дома что хочешь“,— сказал Субуддхи. Тот, чтобы унести жену, взял обеими руками лестницу. Тогда Субуддхи проговорил: „Заранее было мною сказано: что захватишь обеими руками, то твое. И только“. Кубуддхи с позором удалился, и все над ним смеялись».

Выслушав этот рассказ, Прабхавати уснула.

Таков сороковой рассказ из книги «Семьдесят рассказов попугая».

На другой день жена купца сказала: «Попугай, если позволишь, я пойду». Попугай произнес:

«Стоит пойти, госпожа, если пойдешь и сумеешь в опасности сказать так, как сказал некий брахман».

Прабхавати проговорила: «Как это было?» Попугай рассказал: «Есть город Панчапура, в котором правил раджа Шатрумардана. У дочери раджи, которую звали Маданарекха, появился нарыв в горле. Врачи признали ее неизлечимо больной и отступились от нее. Тогда раджа приказал бить в барабан и объявить: „Кто избавит мою дочь от болезни, того я сделаю богатым". Это услышала жена некоего брахмана, пришедшая из другого селения. Она прикоснулась к барабану и сказала: „У меня муж заклинатель. Он вылечит дочь раджи". Тогда гонцы привели к радже этого брахмана. Когда его уводили туда, жена сказала ему: „Господин, иди в город. Когда вылечишь дочь раджи, тебе будет большая награда". Брахман вошел к радже, но не знал никаких заклинаний, ничего. Спрашивается: как ему быть?» И попугай дал ответ: «Брахман проделал то, что полагается делать заклинателям, и произнес такое заклинание:

„Разве я знаю, чем лечить тебя? Меня самого горе съело. Доверилась брахману — ну и получай счастье за доброе дело...

Лес здесь смеется, показывая красные цветы, словно зубы. Тут он украшен по опушкам манговыми деревьями,

Гнется под тяжестью сочных плодов кширамалика, там разубран деревьями тимбури и джамбу,

Тут свежие гроздья бутонов караванды, там аромат камфары и дерева канкола,

Там красуются девадару, приянгу, манго и жасмин, сандал и атигуру,

Здесь высятся деревья нага, пуннага, гранатовые деревья, варана, маурабори, изобилуют кавивихи, пилу,

Там качаются длинные стебли гханаваса и джали, кое-где бросаются в глаза красные...

В лесу закрывают небо высокие бетелевые пальмы, видава и гханакамма.

И еще:

Распустились цветы на красном олеандре, а в другом месте расцвели белые розы,

Тут расцвело дерево каранда, там распустилось дерево синдура,

Здесь — цветущее дерево мандара, намного превосходящее своим ароматом сильное благоухание цветка шириша,

Там расцвела куща деревьев синдурия, чарующая, восхитительная,

Тут истекающее соком растение кундака и распустившиеся большими гроздьями цветы жасмина..."

Во время этой речи брахмана дочь раджи засмеялась. От хохота нарыв в ее горле прорвался, и дочь раджи выздоровела. Брахман был награжден раджей и пошел домой».

Выслушав этот рассказ, Прабхавати уснула.

Таков сорок первый рассказ из книги «Семьдесят рассказов попугая».

На другой день Прабхавати спросила попугая, идти ли ей. Попугай ответил:

> «Хорошее дело — наслаждаться счастьем, красавица. Иди, если умеешь отвечать так, как отвечала вьягхрамари *».

Услышав это, Прабхавати сказала: «Наслаждение счастьем — это лучше всего на свете! Попугай, расскажи историю». И попугай рассказал:

«Есть деревня Деула; жил в ней раджпут по имени Раджасинха. Его жену люди звали Калахаприя *. Однажды, поссорившись с мужем, она забрала с собою обоих своих детей и пошла к отцу. Она прошла, охваченная злобой, много городов, много лесов и пришла в большой лес, расположенный на побережье Малая *. Какой он был?

> Заросший сандаловыми деревьями и семилистником, затененный ветвями прекрасных высоких сосен. Тут манговые деревья, на которых жужжат опьяневшие от нектара пчелы и порхают птицы.
>
> Там на опушке деревья шелу и пилу, увешанные плодами, сочные бадара, много тамариндов. Ветер доносил аромат померанцев и лесных яблок.

Зайдя в такие дебри, эта самая Калахаприя увидела тигра. Заметив ее и детей, он ударил хвостом по земле и стал подкрадываться. Как ей быть? Вот вопрос». И попугай продолжал: «Ответ такой: Видя, что тигр приближается, Калахаприя нашлепала ладонью обоих своих сыновей и сказала: „Чего ссоритесь? И одному и другому хочется съесть тигра? Разделите пока этого одного и съешьте, а потом, может быть, и другой где-нибудь попадется“. Услышав это, тигр подумал: „Это, должно быть, вьягхрамари“. И он в ужасе скрылся.

> Вот как, красавица, благодаря своему уму Калахаприя избавилась от тигра. Так на свете и всякий другой разумный человек избавится от большой опасности».

Выслушав этот рассказ, Прабхавати уснула.

Таков сорок второй рассказ из книги «Семьдесят рассказов попугая».

На следующий день влюбленная опять стала отпрашиваться. Попугай сказал:

«Иди, госпожа. Не будет ничего плохого, о ты, обладающая походкой слона *, если у тебя разум тверд, как у той вьягхрамари».

Прабхавати спросила: «В чем дело?

Расскажи теперь о том, как вьягхрамари еще раз проявила свой ум. Очень мне это хочется знать, о приятноговорящий».

Попугай рассказал:

«Увидев в лесу убегающего в страхе тигра, шакал со смехом произнес: „Что это тигр так испуганно бежит?"

Тигр ответил: „Беги, беги и ты, шакал, куда-нибудь в укромное место. Меня собралась убить та самая вьягхрамари, о которой говорится в шастре *, но я схватил свою жизнь в лапы и быстро убежал от нее". Шакал проговорил: „Тигр, ты поведал нечто удивительное. Испугался человека, простой груды мяса?"—„Я своими глазами видел,— ответил тигр,— как она отшлепала своих двух сыновей, ссорившихся из-за того, что каждому из них хотелось меня съесть". Шакал сказал: „Господин, пойдем туда, где находится эта обманщица. Когда, о тигр, ты подойдешь и она будет перед тобой, я вместо тебя на нее прыгну".—„А если ты, шакал, меня бросишь и убежишь? — спросил тигр.— Придется тогда прыгать не на нее, а от нее". На это шакал возразил: „Если боишься, что сбегу, то привяжи меня к своей шее и иди скорей". Тигр так и сделал, пошел в лес и разыскал ту вьягхрамари с ее сыновьями. Как же спастись ей от тигра теперь, когда его так ободрил шакал? Вот вопрос». И попугай продолжал: «Вьягхрамари сообразила, что тигра привел шакал, поэтому она стала ругать этого шакала и грозить ему пальцем, говоря:

„Ах ты обманщик! Раньше ты доставлял мне по три тигра. Говори, почему сегодня привел только одного?"

С этими словами ужасная вьягхрамари стремительно бросилась на тигра. Но тигр быстро исчез вместе с привязанным к его шее шакалом.

Опять благодаря своему уму спаслась она от тигра. Сильный ум, о нежная, всюду нужен, во всяком деле».

Выслушав этот рассказ, Прабхавати легла спать.

Таков сорок третий рассказ из книги «Семьдесят рассказов попугая».

На другой день, перед вечером, Прабхавати попросила у попугая разрешения идти. Попугай сказал:

«Иди, госпожа, если знаешь, как спасти себя от опасности, подобно спасшемуся от опасности шакалу.

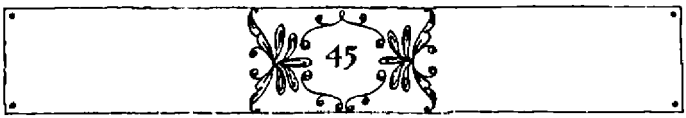
Итак, тигр, который из страха перед вьягхрамари хотел уйти в иное место, тащил шакала. Шакал, привязанный к его шее, стер себе лапы и спину, из шеи у него текла кровь, он был чуть жив. Как ему спастись от великой беды? Вот вопрос». И попугай дал ответ: «Тигр быстро мчался через реки, леса, вверх и вниз по горам. Шакалу очень хотелось спастись. Он смотрел, смотрел и вдруг, невзирая на мучения, громко засмеялся. Тигр сказал: „Как ты можешь смеяться?" Тот отвечал: „Господин, вижу, что эта плутовка действительно вьягхрамари. По твоей милости я теперь от нее далеко и остался жив. Но если эта негодница нападет на мой кровавый след и пойдет за нами по пятам, то нам несдобровать. Вот я и усмехнулся. Господин тигр, найди в себе мужество и подумай об этом". Тигру его слова пришлись по душе. „Ладно", — сказал он и, отвязав шакала, быстро скрылся. Шакал был рад-радешенек.

Нужен ум, о прекраснобедрая, тем, кто ищет богатства, почета, счастья У кого нет ума, те, о стройная, горе себе добывают.

Силой неумного пользуются другие, как телом слона, подобным вершине горы».

Выслушав этот рассказ и дивясь словам попугая, Прабхавати уснула.

Таков сорок четвертый рассказ из книги «Семьдесят рассказов попугая».



На следующий день, в сумерках, влюбленная стала отпрашиваться у попугая, говоря: «Я пойду». Попугай промолвил:

«Ныне, госпожа, как раз время тебе наслаждаться счастьем с возлюбленным, если только ты в случае обмана сумеешь поступить так, как поступил когда-то Вишну».

Прабхавати спросила: «В чем дело?» Попугай рассказал:

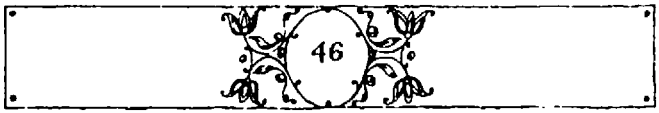
«Есть город Виласапура, в котором правил раджа Ариндама. И жил в нем брахман по имени Вишну, человек похотливый, которого покинула семья. В городе о нем было известно, что он по своему любострастию был невыносим для женщин. Его не могли укротить даже гетеры, что же говорить об обычных женщинах? В этом городе проживала ганика * по имени Ратиприя. (Есть много видов

ганик, как и прочих гетер. Но наиболее известны пять групп, в которые входят все они. Эти пять групп следующие: ганика, виласини *, рупаджива *, артхавриттика * и дарика *. Из них по положению выше всех ганика.) Она согласилась взять шестнадцать драмм * и принять у себя этого брахмана. Когда тот пришел, она повела с ним любезную речь. Но мысли брахмана были заняты только одним любострастием, и он стал наслаждаться с нею и состязаться в выносливости. Гетера состязалась много часов, желая одержать победу и сохранить деньги. Но ночью она, сойдя в нижний этаж дома, сказала сводне: „Этот брахман невыносим. Отдай ему деньги и удали его. Жива буду — завтра же всего много будет". Сводня ответила: „В нашем доме еще ни один посетитель не побеждал гетеру и не брал назад денег. Поэтому задержи его до тех пор, пока я не прогоню его обманом. Я возьму два веера, влезу на фиговое дерево и захлопаю ими как крыльями, издавая крик петуха. Ты тогда скажи брахману: „Уже утро" — и прогони его". Проговорив это, сводня велела ганике идти опять наверх. А сама сделала все, о чем говорила. И когда все было проделано, гетера сказала брахману: „Уже утро" — и выдворила его.

Но когда он был за дверью, то глянул на небо: стояла ночь. Как перенести среди людей позор поражения брахману, которого одолела сводня? Вот вопрос». И попугай продолжал: «Когда брахман посмотрел туда, откуда шел петушиный крик, то увидел сводню с двумя веерами в руках. Он сбил ее комком земли с дерева, она упала, и женщины над ней смеялись. Брахман этот взял тут денег вдвое больше своего заклада, ушел и стал высмеивать в городе гетеру».

Выслушав рассказ, Прабхавати легла спать.

Таков сорок пятый рассказ из книги «Семьдесят рассказов попугая».



На другой день Прабхавати стала отпрашиваться у попугая. Попугай проговорил:

«Иди, госпожа, покинь дом, если умеешь отвечать
так, как ответил муж Карагары, когда изгонял бхутов.

Есть, госпожа, город Ватсома. В нем жил мудрый бедный брахман. Его жена, носившая имя Карагара, поистине приводила в трепет всех, так что бхут, живший перед ее дверью на дереве, боясь ее, ушел в лес. Брахман тоже из страха перед нею отправился в чужую страну. По дороге его увидел тот самый бхут и сказал ему: „Ты устал идти, поэтому будь сегодня моим гостем". Брахман,

испугавшись, проговорил: „Ты хочешь чем-то угостить меня. Угощай скорее“. Бхут отвечал: „Да ты не бойся. Ты ведь мой хозяин. Я тот самый бхут, что жил у тебя на дворе, на дереве. Теперь я перебрался сюда, боясь Карагары. Я поэтому должен всячески помогать тебе, своему хозяину. Ты, брахман, ступай в столичный город Мригавати, где правит Маданабхупати. Там я вселюсь в дочь этого Маданабхупати, имя которой Мригалочана. Никакие заклинатели не помогут ей выздороветь. А ты придешь, и я от одного твоего взгляда ее покину. Но только никаких заклинаний не произноси“.

Сказав это, бхут пошел и вселился в дочь того раджи. Пришел в Мригавати и брахман. Когда о болезни царской дочери возвестили барабанным боем, брахман прикоснулся к барабану, показывая, что он может ее вылечить. Придя во дворец раджи, он взял и проделал все, что делают заклинатели, не послушался бхута. Как же ему надо было поступить, когда тот от его волшебных действий не покинул больную? Вот вопрос». И попугай продолжал: «Так как беснование девицы не прекращалось, брахман сказал:

> „Пришел муж Карагары, а ты, бхут-обманщик, сидишь на месте. Вспомни, что говорил. Как можно передо мною лгать?

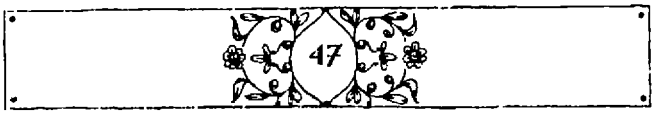
Говорится ведь:

> Люди из почтенного рода и особенно люди праведной жизни не лгут. А те, что произошли от богов, подавно“.

Тогда бхут, оставив девицу, исчез. „Она спасена“,— сказал раджа и отдал брахману свою дочь и полцарства. Брахман ушел, исполнив то, что хотел».

Выслушав этот рассказ, Прабхавати уснула.

Таков сорок шестой рассказ из книги «Семьдесят рассказов попугая».



Проведя день, Прабхавати стала отпрашиваться у попугая. Попугай проговорил:

> «Иди, госпожа, если сумеешь отвечать так, как отвечал муж Карагары, когда попал в беду из-за бхута.

Тот самый муж Карагары зажил по-царски, счастливо с дочерью раджи. Тем временем бхут отправился в Карнавати * и вселился в жену раджи, которую звали Сулочана. Это была сестра отца Маданы. Она мучилась чрезвычайно и была при смерти. Будучи

супругой раджи Шатругхны, она послала за заклинателем по имени Кешава, жившим в той стране, откуда была ее мать. Раджа отправил к заклинателю своих послов, но тот не пожелал прийти, хотя раджа обращался к нему почтительно. Тогда по желанию своей жены в путь двинулся муж Карагары. Прибыв на место, он был с почетом принят раджей Шатругхной и пошел в покои Сулочаны. При виде его, пришедшего туда, бхут сказал ему сурово и грозно: „Я уже в одном месте исполнил свое обещание. И теперь ты, брахман, сам берегись". Брахман не знал никаких заклинаний. Как ему быть? Вот вопрос». И попугай продолжал: «Брахман, узнав бхута, не тратя времени, сложил руки и сказал ему на ухо:

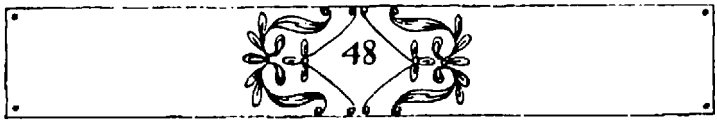
„Здесь Карагара, она гналась сегодня за мной по пятам. Я, ее муж, пришел сюда сказать об этом".

При этих словах испуганный бхут растерянно сказал: „Ухожу", оставил одержимую и исчез.

Одержимая выздоровела, раджа Шатругхна оказал брахману большие почести, и брахман отправился в город Мригавати».

Выслушав эту историю, Прабхавати легла спать.

Таков сорок седьмой рассказ из книги «Семьдесят рассказов попугая».



На другой день Прабхавати стала отпрашиваться у попугая. «Иду к любовнику»,— сказала она. Попугай отвечал:

«Иди, красавица, за счастьем любви, которое здесь выше всего, если в опасности сумеешь решить дело так, как Шакатала.

В городе Паталипура * правил раджа по имени Нанда *, владыка всей земли. У этого царя был главный министр Шакатала *. Побежденные силой ума Шакаталы, все другие властители стали данниками этого раджи. Есть изречение:

Что толку от того, кто тебе предан, но неумен и труслив? Однако и от умного и смелого какой толк, если он тебе неверен?

Слуга властителю тот, в ком соединились и ум, и мужество, и верность в счастье и несчастье — то, что нужно для благополучия. Все прочие — все равно что женщины.

И еще:

Что сделают столпившиеся кругом враги тому, чье тело защищено умом? Они дождь для человека, держащего в руке зонт.

Этот раджа начал творить беззакония, разорять землю. Министр останавливал его. Тогда дурак-раджа посадил министра в яму, и тот долго просидел в ней вместе с детьми. Пока главный министр Шакатала сидел в яме, пошел слух, что он умер. Чтобы проверить, так ли это, правитель Вангалы * послал к Нанде своих людей. При этом он дал им двух кобыл, сказав: „Вернетесь домой тогда, когда узнаете, какая из этих кобыл мать, какая дочь". А лошади, имевшие все счастливые признаки, была одинаковы с виду. Только знатоки лошадей могли в их признаках разобраться. И вот, когда в царстве Нанды никто не смог различить лошадей, раджа Нанда подумал: „Без Шакаталы я подвергнусь унижению. Есть изречение:

> Что хуже для властителя: потерять хорошую область или умного слугу? Потеря слуги — смерть для властителя. Легко вернуть потерянную землю, но не слугу".

Поразмыслив таким образом, раджа спросил того, кто заведовал у него наказанием преступников: „Остался ли кто-либо из семьи Шакаталы в яме или нет?" Тот ответил: „Кто-то есть, но кто — нельзя точно сказать. Кто-то из заключенных забирает пищу, которую им было приказано давать". Тогда Нанда приказал вытащить из ямы Шакаталу и оказал ему почести, говоря:

> „Чту тебя, ты друг мне и учитель, господин, распорядитель, всегда у тебя нахожу прибежище. Каких только достоинств нет у тебя, всегда свободного от грехов!

Сказано:

> Руководитель при бедствии с плохо выезженным слоном, наставник при обучении по книгам, сердце, которому поверяешь тайны, слуга, исполняющий поручения, убежище, когда грозит опасность, щедро дающий от земли, обвитой по горизонту поясом семи морей,— вот чем был для меня Карна *, лучший друг, друг во всех отношениях. Чем он только не был для меня!"

Министр сказал: „Государь, что надо делать? Приказывай". Раджа отвечал: „Какая из этих вот двух кобыл мать и какая дочь? Реши скорее этот вопрос, поставленный теми коварными посланцами". Спрашивается: как же вопрос был решен?» И попугай продолжал: «Министр приказал оседлать обеих кобыл и проехать на них по беговой дорожке, и, когда они устали, их расседлали и дали им стоять свободно. Тогда эта пара лошадей стала вести себя так, как ведут себя мать и детеныш: мать начала лизать дочь, и дочь была этим очень довольна. Так дельный министр открыл радже, чем отличалась мать от дочери. Так Шакатала снискал у раджи большую милость и приобрел славу».

Выслушав этот рассказ, Прабхавати легла спать.

Таков сорок восьмой рассказ из книги «Семьдесят рассказов попугая».

И вот на следующий день, покончив с дневными делами, Прабхавати стала отпрашиваться у попугая. Попугай проговорил:

> «Сегодня уж надо тебе, госпожа, вкусить счастье любви, если только ты в опасности бываешь ловка так, как когда-то Шакатала.

Правитель Вангалы, желая знать, жив ли Шакатала, послал, как и в тот раз, радже Нанде через тех же людей ровно обточенный симметричный жезл. Людям он приказал так: „Идите в царство раджи Нанды и узнайте, что считать головкой и что концом этого жезла, украшенного жемчугом, золотом и алмазами. Потом возвращайтесь". Люди, придя к Нанде и положив перед ним жезл, спросили, где в нем головная часть и где конец. Сановники, знатоки искусств, знатнейшие купцы, услышав о таком вопросе, взвешивали этот жезл, прочие знающие люди тоже осматривали его, но никто не определил, где начальная и где конечная часть его. Тогда раджа приказал Шакатале: „Определи, где начало и где конец жезла. Кроме тебя, никто этого не знает". Министр ответил: „Государь, твое высокое мнение обо мне будет не напрасно.

Сказано ведь:

> У прекрасного месяца, принадлежащего к высокому роду, есть пятно. А когда же у владыки-царя при затруднениях повеление бывало напрасным?"

Хоть и были все высокого мнения о министре, но как ему в этом деле разобраться? Вот вопрос».

И попугай продолжал:

«Мудрый этот министр бросил жезл в воду и увидел: конец, бывший ближе к корню, погрузился в воду ниже. Доложили радже, а тот сообщил об этом послам. Послы рассказали услышанное своему радже. И все раджи стали платить главному радже Нанде ранее установленную дань».

Выслушав эту историю, Прабхавати легла спать.

Таков сорок девятый рассказ из книги «Семьдесят рассказов попугая».

На другой день, вечером, Прабхавати, желая идти, попросила у попугая разрешения. Попугай ответил:

«Иди, госпожа, не вижу тут ничего греховного. Иди, если в трудном случае сумеешь найти выход, как Дхармабуддхи».

«В чем дело?» — спросила Прабхавати. Попугай рассказал:

«Есть, госпожа, на земле деревня под названием Джангала. В ней жили два приятеля — Дхармабуддхи и Душтабуддхи *. Однажды оба они отправились в чужую страну на заработки. Через некоторое время, заработав много денег и возвращаясь домой, они уговорились: зароем некоторую часть денег под фиговым деревом, а остальные возьмем домой, зарытые же деньги впоследствии поделим. Так они и сделали. Веселые и довольные, пошли они домой и стали жить в полное свое удовольствие. Слушай же, что сделал тем временем Душтабуддхи, хоть и не стоило бы об этом говорить, ибо

Нехорошо, госпожа, рассказывать о злодействах, мною виденных и слышанных, потому что уже один рассказ о них может принести зло.

Душтабуддхи вырыл из земли те деньги, взял и отнес их к себе домой. По прошествии некоторого времени оба приятеля пошли брать зарытое под фиговым деревом богатство. Посмотрели — а там нет ничего. Тогда Дхармабуддхи, пойдя к министру, поведал ему историю с деньгами, сказав, что деньги украл Душтабуддхи *. Привели Душтабуддхи, и он ответил: „Вношу тысячу золотых в залог, желаю подвергнуться Божьему суду". Когда Дхармабуддхи на это согласился, министр отпустил их на поруки, и они пошли каждый в свой дом. Тогда Душтабуддхи рассказал обо всем этом деле своему отцу и посадил его в дупло того фигового дерева. Наутро министр и оба тяжущихся вместе с толпой любопытных пошли к дереву. Душтабуддхи совершил омовение, сложил руки и, произнеся клятву, проговорил: „Поведай правду, о лучшее из деревьев! Если деньги украл я, то ты так и скажи: „Деньги украл вот этот". А если я не крал, то скажи: „Этот не крал". Слыша это, его отец громко сказал: „Нет, ты не крал". Как быть теперь тому Дхармабуддхи? Вот вопрос». И по приказанию Прабхавати попугай продолжал: «Дхармабуддхи, узнав голос отца своего противника, зажег дупло. При виде обгоревшего старика, с фырканьем выскочившего из дупла, министр наказал Душтабуддхи, а Дхармабуддхи обласкал».

Выслушав этот рассказ, Прабхавати уснула.

Таков пятидесятый рассказ из книги «Семьдесят рассказов попугая».

На следующий день молодая женщина стала отпрашиваться у попугая.

Попугай проговорил:

«Иди к тому мужчине наслаждаться любовью, госпожа моя влюбленная, если в опасности ты умеешь говорить так, как Гангила».

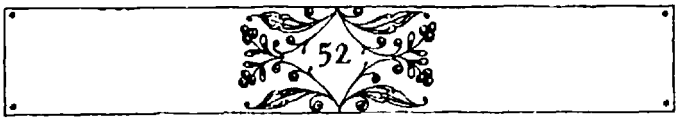
Прабхавати сказала: «А как? Я не знаю. Расскажи!»

Попугай начал: «Есть город Чаматкарапура *. Там жило много знатоков четырех вед *, представителей четырех каст * и четырех ступеней жизни *. И вот однажды проживающие там брахманы собрались на богомолье в город Валлабхи *. Поехали с детьми и женами в повозках и верхом, возбужденные, в полном достатке, снабдив себя всякими дорожными вещами и прочим, одетые в лучшие наряды. По дороге на них напали разбойники, и все они в страхе разбежались. Брахман по имени Гангила не мог бежать с другими брахманами, так как был хромой. Он остался в повозке, окруженный разбойниками. Как ему быть? Вот вопрос». И попугай продолжал: «Когда брахманы разбегались, Гангила из повозки смело крикнул своему бегущему брату: „Брат, сколько тут слонов и сколько лошадей? Скажи и дай скорее лук и колчан: я всех их сразу убью своим колдовским выстрелом“. Услышав это, все грабители скрылись.

Поэтому кто умеет так говорить о законе, богатстве или любви *, того кто же из людей сможет победить, о лотосоликая?»

Выслушав этот рассказ, Прабхавати уснула.

Таков пятьдесят первый рассказ из книги «Семьдесят рассказов попугая».



Проведя день, Прабхавати при наступлении ночи сказала птице, дважды рожденной *: «Ухожу». Попугай ответил:

«Иди, госпожа, к человеку, которого любишь, если, уйдя по своему делу, сумеешь обделать это дело себе на пользу, подобно Джаяшри».

«О чем речь?» — спросила Прабхавати. Попугай рассказал:

«Есть город Пратиштхана. В нем правил раджа Саттвашила. Его сына звали Дурдамана. Сын стал думать: „Мне надо жить своим трудом, а не отцовским“. Так поразмыслив, он покинул родной город и ушел на чужбину вместе со своими друзьями и единомышленниками: сыном брахмана, сыном плотника и сыном купца. Там все они сообща уговорились: „Совершим прежде всего служение морю, на дне которого жемчуг. Ведь говорится:

Для людей ученых, для знатных, для героев и богатых самое подходящее место — дворец властителя или что-либо лучшее.

И еще говорят:

Добрые добрых всегда из беды вызволяют, как слоны спасают других слонов, увязших в болоте".

Поразмыслив так, они, пропостившись три недели, почтили владыку вод *. Тогда удовлетворенный океан дал им четырем четыре жемчужины, обладающие свойством волшебных драгоценностей.

Получив эти четыре жемчужины, они, довольные, пошли домой, доверчиво передав их сыну купца.

Но сын купца, одержимый жадностью, зашил все четыре перла себе в ляжку. На другой день, идя по дороге, он отстал и издали стал кричать: „Меня ограбили!" Те спросили: „Как так?" Купец отвечал: „Когда я отстал, чтобы помочиться, вор унес все добро". Как только это было сообщено, его спутники сказали: „Смотри-ка, вот обманщик! Купец этот, несомненно, учинил мошенническую проделку". Так они думали, спорили друг с другом и наконец пришли в город Айравати *.

Здешнего правителя звали Нитисара, и у него был министр Буддхисара, человек всемирно известный. В своей земле и в чужих странах он славился тем, что тяжущиеся, бывало, скажут ему только слово, и он уже знает, как решить дело. Сын раджи и его обманутые спутники рассказали этому министру о том, что случилось с их жемчужинами. „Если разыщешь их, не прибегая к пыткам и арестам, то дай каждому по одной,— сказали они.— А если не разузнаешь, где эти жемчужины, и нам их не вручишь, то твоей славе будет конец на земле". Услышав это, Буддхисара крепко задумался. Как быть ему и радже Нитисаре? Вот вопрос». И попугай продолжал: «Не найдя жемчужин у этих путников, министр в отчаянии пришел домой. Тогда к нему вошла его младшая дочь, Джаяшри, которая, помолившись богине Парвати, хотела с ним поздороваться. Видя отца таким озабоченным, она спросила, в чем дело. Министр рассказал все, что произошло. „Не печалься, отец,— сказала она.— Я найду решение этому делу. Когда спорящие придут к тебе за решением, то пусть они войдут в дом: я узнаю, кто из них похититель жемчужин". Отец ответил: „Дочка, как же ты узнаешь, если я не узнал?" Та произнесла:

„Не говори так, отец. У людей всякие бывают способности. В мире так бывает: один знает что-либо одно, другой искусен в другом.

И еще:

Сколько голов — столько умов, сколько кружек — столько напитков, сколько клювов — столько голосов, сколько домов — столько жен.

Кому мудрость открыла глаза, от того бегут несчастья, как мрак бежит от тех, у кого в руке светильник.

Так что, отец, тут нечего беспокоиться. Чужестранцев надо послать ко мне, я у них выведаю тайну". Когда министр отправил к дочери тех пришельцев, она приказала их выкупать, накормить и положить спать каждого в отдельном помещении. Потом она, нарядившись, пришла сперва к сыну раджи, говоря: „Я хочу с тобой спать. Дай мне сто золотых и пользуйся мною". Тот отвечал: „Дам тебе и денег и царство, когда все это у меня будет. Сегодня у меня нет ничего". Видя, что он без денег, Джаяшри пошла к брахману. Ему она сказала то же самое. Брахман ответил: „У моего отца есть деньги и земля, полученная по дарственной записи. Отдам тебе все это". Видя, что и этот без денег, она, покинув его, пошла к плотнику. Плотник сказал: „Сейчас у меня ничего нет, но позже я дам тебе сто тысяч золотых". Оставив и этого безденежного человека, Джаяшри пошла к сыну купца и сказала ему то же, что и прочим. Он проговорил: „Госпожа, возьми четыре жемчужины и наслаждайся со мной". Вынув из ляжки жемчужины, он вручил их ей. Тогда она, соблюдая целомудрие, нашла предлог уйти и передала четыре жемчужины отцу. Министр позвал пришельцев и дал каждому из них по одной жемчужине. Они, радуясь тому, что получили свое, пошли каждый в свой дом».

Выслушав этот рассказ, Прабхавати уснула.

Таков пятьдесят второй рассказ из книги «Семьдесят рассказов попугая».

На следующий день Прабхавати опять стала отпрашиваться у попугая. Попугай проговорил:

«Иди, стройнобедрая, стоит пойти, если, находясь в опасности, ты сумеешь ответить так, как отвечала жена сапожника».

Прабхавати спросила: «В чем дело?» Попугай [поведал]:

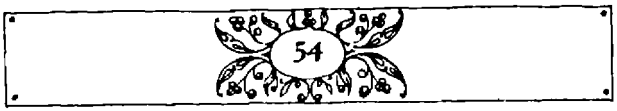
«На берегу реки Чарманвати * есть деревня Чармакута. В ней жил сапожник по имени Дохада. Его жена Девика была большая охотница до мужчин. Когда однажды этот сапожник ушел купить кожи, она привела в дом любовника. Но когда они вдвоем забавлялись, на дворе показался муж с кожами. Как быть любовнику и ей? Вот вопрос». Прабхавати спросила о дальнейшем, и попугай продолжал: «Заметив приближающегося мужа, она быстро выбежала вон, произнося бессмысленные слова:

„Рухам чучухунчукараунхнанааучалиханнавахан-
мадрам уваипа у чалияупхириякханглигаваха“.

Услышав такую речь, глупец-муж в страхе стал бегать по деревне, разыскивая заклинателя, а жена тем временем удалила любовника, и он пошел домой. Так что если и у тебя найдется ответ в случае опасности, то иди. А нет — так ложись спать».

Выслушав эту историю, Прабхавати уснула.

Таков пятьдесят третий рассказ из книги «Семьдесят рассказов попугая».



Так же и на следующий день Прабхавати, желая идти, попросила разрешения у попугая. Тот проговорил:

«Что ж тут плохого, госпожа? Иди, если умеешь говорить так, как говорил гонец властителю, оказавшись в опасности».

Прабхавати спросила: «Как это было?» Попугай рассказал:

«Есть город Шакравати. Там правил раджа Дхармадатта, отличавшийся справедливостью и другими добродетелями. У него был министр по имени Сушила. Сын Сушилы, Вишну, был ранее министром по делам войны и мира. Уйдя с этой должности и оставшись без денег, он, однако, думал, что унаследует должность министра от отца, и поэтому держался гордо и был суров. Однако раджа не говорил о нем ни слова. Однажды министр, его отец, сказал радже: „Господин, почему этот Вишну в немилости?“ Раджа, не любивший Вишну, ничего не ответил. Министр опять сказал: „Господин, этот Вишну человек верный и преданный тебе, он сведущ в делах посольских. Испытай его, государь, пошли куда-нибудь“. Тогда раджа, выслушав эту речь и будучи несогласен с нею, вручил Вишну запечатанную посылку, состоящую из золы, и велел отнести ее в подарок радже Шатрудамане в город Видиша. Тот пошел и, не зная, что подарок состоит из золы, положил запечатанную [посылку] перед раджей. Когда этот приносящий несчастье дар был развернут, раджа пришел в ярость. Как теперь обезопасить себя послу, принесшему такой подарок? Вот вопрос». И попугай дал ответ: «Вишну, видя, что раджа разгневался, умно сказал: „Господин, мой государь принес в жертву коня и в знак почтения к тебе передал мне для тебя священную золу из жертвенной ямы, происшедшую от трех огней, благотворную. Ведь говорится:

Есть слоны, есть кони, есть разное добро, но
трудно достать жертвенную золу для меня и для тебя“.

С этими словами он поспешно встал, взял золу и подал ее радже. Раджа, очень довольный его речью, оказал ему почет и отослал его повелителю ценный ответный подарок. Вишну был отпущен с почестями. Так что если и ты, госпожа, знаешь, как надо отвечать в случае опасности, то иди. А нет — оставайся дома».

Выслушав эту историю, Прабхавати легла спать.

Таков пятьдесят четвертый рассказ из книги «Семьдесят рассказов попугая».

На другой день, вечером, Прабхавати, желая идти, снова попросила позволения у попугая. Попугай произнес:

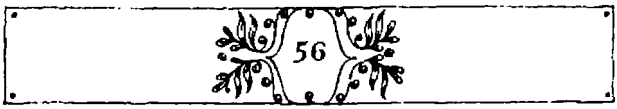
«Иди, стройнобедрая, стоит пойти, о обладающая походкой слона, если сумеешь дать такой ответ, какой дал брахман Шридхара».

Прабхавати спросила: «Как было дело?» Попугай заговорил:

«В деревне Чамакута жил брахман Шридхара. Там же проживал и сапожник Чандана. Шридхара заказал ему сандалии и получил их. Сапожник долго требовал с него деньги, но брахман только говорил: „Позже будешь удовлетворен“. Прошло много времени. Однажды сапожник схватил брахмана. Без денег как спастись брахману? Скажи-ка. Вот вопрос». И попугай дал ответ: «В доме правителя деревни тем временем родился сын. Коварный брахман сказал: „Сапожник, я тебе давно говорил, что ты будешь удовлетворен. Удовлетворен ли ты тем, что родился этот мальчик или нет?“ Если бы сапожник ответил: „Я не удовлетворен“, то правитель приказал бы его схватить. А если бы сказал: „Я удовлетворен“, то пропали бы деньги. И сапожник сказал: „Я удовлетворен“. Спасшись хитростью, брахман ушел. Так что если и ты, госпожа, так отвечать умеешь, то иди».

Выслушав эту историю, Прабхавати уснула.

Таков пятьдесят пятый рассказ из книги «Семьдесят рассказов попугая».



И на следующий день Прабхавати спросила попугая, идти ли ей. Попугай ответил:

«Иди, госпожа, если пойдешь и будешь отвечать в опасности так, как отвечал когда-то купеческий сын Сантака.

Есть тут деревня Трипатха. В ней жил торговец Сантака, очень богатый, но скупой и злонравный. Он любил ездить по другим деревням. Однажды он, получив с одной такой деревни выручку, ехал домой, и на дороге его захватили разбойники. Как ему, госпожа, избавиться от них? Вот вопрос». И попугай ответил: «Купец, видя, что его настигают разбойники, подбежал к стоящей вблизи статуе якши Галаграха, положил перед ней деньги и, взяв мел, сказал владыке-якше, записывая слова:

„Бог, эти деньги я для тебя отовсюду собрал. Вот сколько я получил. И еще много осталось собрать".

При виде такой записи разбойники подумали: „Это деньги якши". Поклонившись статуе, они удалились. А купец забрал потом деньги и спокойно пошел домой».

Выслушав эту историю, Прабхавати легла спать.

Таков пятьдесят шестой рассказ из книги «Семьдесят рассказов попугая».

На другой день, вечером, опять сказала юная женщина птице: «Иду сегодня отведать счастья, соединиться с любовником».

Попугай отвечал:

«Иди, госпожа, если ты сумеешь, когда тебя увидит муж, говорить так, как говорил когда-то мудрый Шубханкара, когда его узнал раджа.

В городе Аванти * правил раджа Викрамарка. У него была жена Чандралекха. Влюбленная в придворного пандита *, которого звали Шубханкара, она сходилась с ним при посредничестве рабыни. Она посещала его всегда у него на дому и забавлялась с ним сколько хотела. И вот пандит и жена раджи предавались так любви, а между тем настало время дождей.

С треском молний и с громом из туч, словно под звон литавр и пение, под крики павлинов, пришел со знаменем победы властитель-дождь.

Тут уж всегда дурная погода, ливень, лужи, полыхание молний. И капризы любви у женщин, бегающих к любовникам.

Люди говорят:

Когда душа твоя полна любви, когда ты живешь и любишь, зачем, дочь, ведущая хозяйство для другого, ты ходишь в дом плохого человека? Отчего же?..

В такую именно пору раджа Викрамарка, узнав, что ночью жена его отправилась к Шубханкаре в дом, пошел незаметно за ней следом с мечом в руке и в темной одежде, желая знать, что у них будет. Шубханкара же, увидев у двери жену раджи, сказал:

„Лотосоглазая, считаю притворной женскую робость, раз ты вышла из внутренних покоев властителя, которого враги боятся, как огня Вадавы в пучине [морской] *, и пришла в такую пору, когда густой мрак усилен гремящими тучами, когда исчез горизонт и слышны только раскатистые крики стражи, смотрителей и воинов".

Услышав такую речь, раджа вернулся к себе во дворец. А Шубханкара предложил его жене угощение и развлек ее приятной беседой. Люди говорят:

Женщинам нравятся лишь такие мужчины, которые не строят из себя повелителей, а как рабы ублажают их, когда они рассержены. Все иные им ненавистны.

Он лучший из любовников, а она лучшая из возлюбленных. К лучшему ложу ведет он, выбирая его из трех одинаковых.

Есть три вида любовников: лучшие, средние и низшие. Таким же образом надо различать и любовниц. И ложа у них тоже трех видов бывают.

Качества любовников таковы:

Кто любит нелюбящую, спаленный огнем Маданы, и терпит бесчисленные вспышки гнева, тот слывет любовником низшего разряда.

Кого всегда любят мучимые любовью женщины, а он не любит их, смиренных, тот средний любовник.

Кто постоянно любит преданную ему красавицу и любим ею, того называют любовником высшего разряда.

Есть три типа любовниц:

Та, что гневается не зря и, когда гнев пройдет, опять хороша с возлюбленным, тонко чувствует и искусна в делах, считается возлюбленной высшего разряда.

Та, что сердится некстати и неохотно мирится и бывает то горда, то доступна, считается возлюбленной среднего разряда.

Жадная, очень легкомысленная, в речах сухая, знающая, как причинить тебе зло, неблагодарная — это низший разряд.

Ложа у любовников и любовниц тоже троякого вида:

Ложе, края которого высокие и середина глубокая, лучшее для любовника.

Оно выдерживает сильный напор обоих тел людей, предавшихся страсти.

Среднего достоинства ложе плоское: ночь на нем не проходит в постоянных ласках.

А ложе с высокой серединой и покатыми краями врагу подобно: на нем и искусник не сумеет наслаждаться любовью беспрерывно.

Так и насладился пандит красавицей на невысоком ложе, отпустил ее, и она, удовлетворенная, когда настало утро, пошла домой.

Утром, покончив со всеми делами, раджа приказал позвать к себе жену и пандита. Пандита он посадил на трон и сказал с усмешкой, намекая на происшедшее: „Считаю притворной женскую робость". При этих словах пандит ужаснулся в душе своему греху. Раджа о нем все узнал. Как быть? Вот вопрос. Ибо

За грех наказывают даже в доме бедняка. Как же простить грех в доме властителя земли?»

И попугай продолжал: «Тогда пандит возвысил голос, считая, что раджа все о нем знает, и произнес:

„Твоя слава, о воплощение Маданы, переходит воды океана с его страшными акулами, стоит в небе, которому нет опоры, поднимается на вершины неприступных гор, нисходит одна в преисподнюю, полную ядовитых змей. Поэтому я и считаю притворной женскую робость".

Выслушав слова пандита, раджа посмотрел на него, мудрого, а потом на жену и подумал: „Трудно сыскать другого такого умницу. Женщин же найти легко". Так поразмыслив, он взял за руку жену и отдал ее пандиту, сказав: „Бери себе царицу". Обрадованный пандит воскликнул: „Велика твоя милость". Люди говорят:

Как может человек, не знающий ученых книг, отличать благо от греха? Разве есть у слепого умение распознавать, где красота и где грех?

Благодаря милости раджи пандит стал счастлив с этой женщиной. Если и ты, Прабхавати, умеешь так ко времени говорить, то иди. А нет — оставайся дома».

Выслушав эту историю, Прабхавати легла спать.

Таков пятьдесят седьмой рассказ из книги «Семьдесят рассказов попугая».

На другой день, вечером, Прабхавати, приготовившись идти, опять попросила разрешения у попугая. Попугай ответил:

«Сегодня, о ты, ищущая соединения, сойдись с любовником, если сумеешь в нужное время поступить так, как поступил муж Духшилы перед лицом бога Ганапати *».

Прабхавати спросила: «Как это было?» Попугай рассказал:

«Есть город Лохапури; жил в нем некий ничтожный человек по имени Раджада. Его жена Духшила увлекалась мужчинами. Пошла она однажды с приятельницами продавать пряжу в город Падмавати. У деревни женщины стали высказывать свои желания богу Ганапати, статуя которого здесь находилась. И эта Духшила, в тело которой вселился Мадана, пожелала себе поцелуев. Бог Ганапати послал всем большую удачу. Тогда на обратном пути каждая женщина стала наделять бога Ганешу тем, что получила за свою молитву. И Духшила, раздевшись догола, наделила статую поцелуем. Проказливый бог взял и накрепко присосал ее губы к своим губам. Так она и осталась там стоять, как курица. Подруги, хихикая, рассказали обо все случившемся ее мужу, с тем чтобы он освободил ее. Выслушав их, муж пошел к статуе. Когда он увидел жену в таком положении, то призадумался. Как освободить ее? Вот вопрос». И попугай продолжал: «Видя жену стоящую таким образом, муж, исполнившись страсти, стал забавляться, подражая ослу. При таком зрелище Ганапати рассмеялся. От смеха губы его разомкнулись. Освободившаяся Духшила поклонилась богу и пошла домой, браня мужа.

Он, госпожа, совершил такое дело в нужное время, его поступок освободил эту Духшилу от бога, устранителя препятствий.

Искусник, начинающий дело при подходящем случае, всегда будет иметь удачу. Того, кто знает свое время, хвалят».

Выслушав эту историю, Прабхавати уснула.

Таков пятьдесят восьмой рассказ из книги «Семьдесят рассказов попугая».

В конце следующего дня она снова спросила попугая, идти ли ей. Попугай отвечал:

«Иди, госпожа, исполни то необычайное, что ты замыслила, если только ты сумеешь, подобно Рукмини, обмануть своего гордого мужа».

Прабхавати сказала: «Как было дело?» Попугай рассказал:

«Есть деревня Санагама. Там жил сурового нрава раджпут по имени Рахада. Его жену звали Рукмини. Раз шел он вместе с

женою в религиозной процессии и заметил, как она исподтишка переглянулась с чужим мужчиной, которого он тоже заметил. Глядя на эту пару, он подумал, что жена его влюблена в того человека. Сказано ведь:

> В деревне узнают обо всем: о любовнике такой-то, хотя она о нем и не говорит, о кормилице, на которую кто-то едва-едва посмотрел, даже о вздохе.

Видя такую перемену в жене, Рахада пришел домой, выругал Рукмини грубыми словами и оставил ее сидеть взаперти. Она и стала думать: „Мое рождение, жизнь и молодость будут иметь смысл тогда, когда я прямо на глазах мужа соединюсь с любовником". Мысль эта крепко засела у нее в голове. Как ей выполнить свой замысел? Вот вопрос». И попугай продолжал: «Она увидела однажды, как мимо их дома идет тот человек, который занял место в ее сердце. Она сказала ему: „Сегодня ночью ты ложись спать у нас на дворе под тамариндом в яме, сделанной по форме твоего тела..." Тот пообещал: „Хорошо" — и ночью лег, как требовалось. Тогда эта влюбленная, мастерица на все дела, подошла к нему и позвала мужа, указывая на низ дома. Потом, отойдя в тень тамаринда, легла на любовника и сказала мужу, который подошел с колчаном и луком:

> „Ты стрелок, ты главный, ты славы на свете добился. Прострели для меня луну сегодня — рассчитываю на твою удаль".

И этот глупец, выслушав ее слова, взял лук с наложенной стрелой и, прицелившись в луну, выстрелил. Но выпущенная им стрела, конечно, не попала во взошедший на небо месяц. Она упала, не достигнув цели. И когда мужа постигла такая неудача, жена, испытывая неудобство в таком положении, высмеяла его, хлопая в ладоши... Рахада, слушая ее, долго ходил, разыскивая стрелу. Поэтому жена забавлялась с любовником вволю.

Мужу она сказала наконец:

> „Вволю позабавилась я любовью сегодня перед тобой, дурак. Горе-герой ты. Ухожу". Так она ему сказала.

С этими словами села она на приведенного любовником коня и уехала. А Рахада, поглядев на нее, уезжающую, со стыдом скрылся. Кто не поддавался женщинам и кого они не обманывали?

> Танцевал когда-то Шамбху *, и Говинда * плясал танец роса *, Брахма * обратился в животное. Кого не надували женщины?
>
> Какое счастье приносят женщины? Они — корень дерева бытия, они — почва для ростков греха, они — цветы и плоды мучений.

Корень всего — майя *, а корень майи — женщины. Корень женщин — соитие: счастье бывает тогда, когда от него отказываются».

При этих словах попугая Прабхавати сказала:

«Нежная женщина — причина зарождения, и нежная бывает причиной благополучия, причина счастья — тоже нежная женщина. О попугай, как она может стать дурной?

Без женщин нет наслаждения, и нет счастья без них. Без них мужчины не считают себя достигшими цели.

И сказано:

Кем создана женщина, этот кубок нектара, рудник счастья, сосуд любовных радостей?

Только бы взор милой! Что толку от других взоров? Под ним даже страстная душа достигает нирваны *».

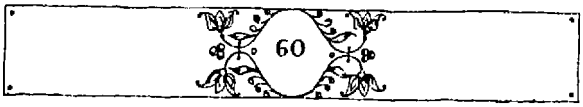
На эти ее слова попугай отвечал:

«Не одинаковы бывают лошади, слоны, металлы, деревья, камни, одежды, женщины, мужчины, воды.

Сказанное тобою относится только к женам, верным своим мужьям, но не к другим женщинам».

Выслушав эту историю, Прабхавати уснула.

Таков пятьдесят девятый рассказ из книги «Семьдесят рассказов попугая».



На другой день Прабхавати опять спросила попугая, идти ли ей. Попугай проговорил:

«Иди, госпожа, если знаешь, что надо делать в трудном случае, как знал посланный некоего правителя, находясь в зале дворца раджи Виры».

«В чем дело?» — спросила Прабхавати. Попугай рассказал:

«Госпожа, правитель местности Каччха * услыхал, что зала во дворце раджи Виры расписная, построена богами и украшена всякими драгоценными камнями.

Для ее осмотра быт отправлен посланец по имени Харидатта со множеством подарков, о робкая, с прекрасными драгоценностями, с конями.

Прибыв в город раджи и увидев раджу, он сказал: „Я послан моим господином для осмотра твоей расписной залы“. Раджа ответил: „Завтра покажу ее тебе“. На другой день раджа призвал посланца. Тот спешно явился и при виде той залы, усыпанной драгоценными камнями, не мог определить, из воды она построена или из твердого

вещества. Спрашивается: как ему быть?» И попугай продолжал: «Он бросил перед собой орех бетелевой пальмы, увидел, что стены залы из твердого материала, и отправился домой».

Выслушав эту историю, Прабхавати уснула.

Таков шестидесятый рассказ из книги «Семьдесят рассказов попугая».

На другой день Прабхавати опять стала отпрашиваться у попугая. Попугай проговорил:

> «Иди, госпожа, если пойдешь и сумеешь насладиться любовью с твоим милым, как насладилась когда-то Теджука со своим любовником, к которому давно стремилась».

Прабхавати спросила: «Как было дело?» Попугай рассказал:

«Есть деревня Кхорасама. Там жил молодой купец по имени Паршванага. Его жена Теджука была женщина красивая, похотливая, распутная. Однажды она с приятельницами пошла посмотреть религиозную процессию, увидела красивого мужчину и стала думать о том, как бы с ним сойтись. Ведь говорится:

> На свадьбах, во время процессий, в доме раджи, в опасности, в чужих домах и при ссорах, госпожа, женщинам погибель.

И еще сказано:

> В доме, в лесу и в храме, при жертвоприношениях, при хождении по святым местам, у прудов, на свадьбах и праздниках и в домах плетельщиц венков,
>
> Во время процессий, при скоплении женщин, там, где много народу, и там, где нет людей, и в городе, и в деревне своевольная женщина, с любопытством смотрящая на приход и уход раджи, стоит у дверей погибели.
>
> На гумне и в поле, на чужбине, в пути, в доме, на перекрестке,
>
> В соседском доме, в пустыне, в доме прачки и швеи, днем и ночью, в сумерках, в плохую погоду, на дворцовой площади и при несчастье с мужем своевольная женщина всегда погибает.

Увидев того мужчину, Теджука подозвала его к себе движением бровей и сказала: „Я в тебя влюбилась, но мой муж — несносный, жестокий человек, я не могу уходить из дома. Выберем день: я брошу скорпиона в кувшин, стоящий у двери нашего дома, и потом дам ему выскочить. Он будто бы укусит меня. А ты будь у двери

под видом лекаря". Уговорившись таким образом, они разошлись по своим домам. Мужчина так и сделал — пришел. А Теджука, бросив кувшин на подушку, закричала: „Меня укусил скорпион, сидевший в кувшине!" Мужчина появился за дверью под видом врача. „Ушибы лечу, животы растираю, колики прекращаю, яд удаляю",— забормотал он. Тогда Теджука сказала мужу:

„Готовь дрова для меня *, милый, я, конечно, умру. Или зови заклинателей, лекарей — лечи меня".

Муж позвал того человека, что стоял снаружи у дома. Врачеватель этот осмотрел женщину и сказал мужу: „Ее укусила черная змея. Счастлив ты будешь, если она выживет, да и я стану знаменит". Купец проговорил: „О лекарь, сделай милость, вылечи ее от яда". Тогда лекарь помазал губы своей возлюбленной каким-то горьким снадобьем и сказал ее мужу: „Ну, купец, сильнее всех ядов человеческий яд. Яд — средство против яда, знай это; оближи ей губы". Купец стал лизать, но так как губы жены были вымазаны горьким лекарством, то он сейчас же почувствовал во рту горечь. „Нет уж, облизывай ты",— сказал он лекарю, отступая. У купца возник страх перед ядом, и он ушел, а лекарь вволю позабавился с возлюбленною. Обманщица сейчас же после этого выздоровела. Купец тоже сразу оправился. Он осыпал врача любезностями, поклонился ему в ноги и сказал: „Я весь твой". Этот лжеврач потом постоянно ходил к его жене, когда мужа не было дома.

Так что если и ты умеешь так делать и говорить, то иди.

Проказница, умеющая так делать и говорить, пускай так делает, пусть идет добиваться счастья и наслаждаться им».

Выслушав эту историю, Прабхавати уснула.

Таков шестьдесят первый рассказ из книги «Семьдесят рассказов попугая».

На другой день эта Прабхавати снова стала отпрашиваться у попугая. Попугай произнес:

«Иди, госпожа, наслаждайся с возлюбленным, к которому стремишься, если в опасности ты сумеешь ответить так, как отвечали две жены Куханы.

Есть деревня Гамбхира. В ней жил раджпут Кухана, человек ревнивый, храбрый, но недалекий и охотник до женщин, трудновыносимый. У него было две жены, Шобхика и Теджика, обе красивые, похотливые, имевшие любовников. Чтобы их держать под охраной, муж построил дом за деревней, на берегу реки; тут

он стоял у дверей и караулил их. Однажды они сказали ему: „Надо бы позвать цирюльника". Муж послал к ним бродячего цирюльника, чтобы он из-за занавески обрезал им ногти. Цирюльник, стоя за занавеской, начал обмывать им ноги. Муж поместился недалеко от них, на дороге. Женщины тайком сказали цирюльнику, подавая ему золотое кольцо: „Возьми вот это и сведи нас с каким-нибудь мужчиной". Тот согласился, распростился с раджпутом и ушел. На другой день он нарядил в женское платье своего приятеля, молодого ловкого человека, у которого еще не было усов, пришел с ним к раджпуту и сказал: „Это моя жена. Я хочу поехать в деревню, и, кроме вашего дома, мне негде ее оставить. Ведь у вас в доме женщины должны находиться под охраной". Раджпут согласился. „Оставляй",— сказал он. Чандал оставил здесь приятеля, сходил к женщинам и сказал: „Считайте эту женщину своей собственностью".

Те узнали, кого привел чандал, и приняли приведенного с почетом. Этот юноша был днем женщиной, а ночью любовником и забавлялся с обеими женами раджпута по очереди. Но тот жадный до женщин раджпут пожелал с нею, то есть с ним, вступить в связь и все время приставал к этой мнимой женщине. А она говорила: „Нет, нет". Тогда у раджпута явилось сомнение: женщина ли это? Чтобы рассеять это подозрение, он сказал своим женам: „По приказанию богини завтра я должен устроить большое празднество. Вы все трое будете плясать раздетыми". Как плясать этой лжеженщине? Вот вопрос». И попугай дал ответ: «Мужчине перевязкой сделали подобие *кати-сандхи*, и, когда муж вошел, все трое, хлопая в ладоши, стали плясать и говорить стихи о маркати, т. е. обезьяне...

Раджпут спросил, каков смысл их речи. И женщины сказали, что маркати значит то же, что *кати-сандхи*, и пусть раджпут поищет себе другую женщину, так как у этой *кати-сандхи* ненормальная. Вот какой смысл. Глупый раджпут поддался такому убеждению и бросил свои приставания. А тот мужчина, пользуясь женской одеждой, стал по-прежнему забавляться любовью с обеими женщинами.

> Так что, о госпожа, кто в опасности знает, что надо делать и говорить, тот пусть идет туда, куда хочет, когда хочет и зачем ему угодно».

Выслушав эту историю, Прабхавати легла спать.

Таков шестьдесят второй рассказ из книги «Семьдесят рассказов попугая».

На следующий вечер Прабхавати опять сказала попугаю: «Иду». Попугай ответил:

«Иди, госпожа, нет в том греха, если сумеешь, когда случится горе, устранить это несчастье, как Шакатала.

Подобно тому как Шакатала, когда погибла его семья, избавился от страданий тем, что Чанакья вырезал род Нанда *, ты тоже...

Поэтому тебе не следует идти в чужой дом.

Сказано ведь:

Даже сияющий Месяц, сопровождаемый звездами, владыка целебных трав, тело которого — нектар, теряет свой вид, попав во владения Солнца. Кто не унижается, вступив в чужой дом?»

Выслушав эту историю, Прабхавати уснула.

Таков шестьдесят третий рассказ из книги «Семьдесят рассказов попугая».

На другой день Прабхавати снова попросила у попугая разрешения идти.

И тот ответил:

«Иди, стройная, если в опасности сумеешь сделать нечто такое, что сделала Девика для освобождения любовника подруги».

Прабхавати спросила: «Как это было?» Попугай рассказал: «Есть деревня, называемая Кутапура. В ней жил раджпут Сомараджа. Его жена Мандука была красива лицом и увлекалась мужчинами. По ночам с ней на дворе спал некий человек, который, приходя, по уговору давал о себе знать колокольчиком. Однажды ее муж, услышав звон колокольчика, выбежал с дубиной в руках, думая, что это ходит бык. Как быть любовнику, которого приняли за быка? Вот вопрос». И попугай продолжал: «Девика, подруга Мандуки, при виде ее мужа, идущего на звон, придержала рукой язычок колокольчика, что был в руке убегавшего любовника, и сказала мужу подруги: „Милый, бык убежал, его уже нет“. Раджпут вернулся и стал рассказывать жене о своем геройстве».

Выслушав эту историю, Прабхавати уснула.

Таков шестьдесят четвертый рассказ из книги «Семьдесят рассказов попугая».

На следующий день Прабхавати вновь стала отпрашиваться у попугая. Попугай отвечал:

> «Тебе стоит пойти туда, госпожа моя Прабхавати, если ты в опасности умеешь говорить так, как говорил попавший в беду ситавастра *.

Госпожа, есть местность, называемая Джанастхана *. Там правил раджа, по праву называемый Нандана *. И жил в этой местности монах Шриватса, усердно чтивший Махешвару *. Однажды он с учениками отправился в город Варанаси и по дороге послал одного из учеников принести мяса. Но это было замечено другими монахами. Как ему быть? Вот вопрос». И попугай продолжал: «Все монахи подошли, сели и стали хохотать. Но на их вопросы о мясе Шриватса сказал: „Ах этот ученик! Я ему сказал: *ман сам-вартата* (пойди ко мне), а он по глупости подумал, что речь идет о *манса* — о мясе»...

Выслушав эту историю, Прабхавати уснула.

Таков шестьдесят пятый рассказ из книги «Семьдесят рассказов попугая».

На другой день эта Прабхавати снова собралась идти и спросила позволения у попугая. Попугай ответил:

> «Иди, госпожа, в хорошем деле не надо медлить, если только ты в опасности умеешь поступать так, как поступил умный вожак гусей.
>
> Госпожа, есть на земле прекрасный лес, с сухой травой пара *, любимый птицами. Он простирается на десять йоджан *.

Там под фиговым деревом, находящимся на берегу пруда, в прохладной тени, простирающейся на целую гавьюти *, по вечерам отдыхал с семьей, нагулявшись по полю, вожак гусей по имени Шанкхадхавала. Однажды, когда эти гуси вылетели кормиться, охотник поставил сеть, и вечером на обратном пути все гуси в нее попали. Как им спастись? Вот вопрос». И попугай продолжал: «Видя свою семью в плену, Шанкхадхавала ночью сказал: „Эй, дети! Когда охотник утром взберется на дерево и увидит нас, вам

надо задержать дыхание и притвориться мертвыми. Когда он, думая, что вы мертвы, сбросит вас всех наземь, вы все поднимайтесь и улетайте". И вот утром охотник пришел. „Гуси околели",— подумал он и сбросил их на землю. Тогда они поднялись и полетели, куда им хотелось».

Выслушав эту историю, Прабхавати уснула.

Таков шестьдесят шестой рассказ из книги «Семьдесят рассказов попугая».

На другой день, собравшись уходить, Прабхавати опять попросила разрешения у попугая. Попугай проговорил:

«Если ты, заболев любовью, хочешь идти, то иди, робкая, коли умеешь говорить себе на пользу так, как говорила некая обезьяна.

Есть лес под названием Пушпакара *. В нем жила маленькая обезьяна по имени Ванаприя. Она однажды увидела, как в море у самого берега барахтается дельфин, и сказала ему: „Друг, что это ты сегодня лезешь на берег? Жить тебе, что ли, надоело?" Услышав эти слова, дельфин ответил:

„Душа каждого рада тому месту, которое ему указано, и той награде, которая ему дана. Так, а не иначе, о обезьяна!

И сказано:

Не нравится мне, о Лакшмана *, город Ланка *, весь золотой. Но радует Айодхья *, исхоженная ногами наших отцов, хоть и бедная.

Люди неохотно оставляют родину, общение с друзьями, жизнь, надежду на богатство, возлюбленных, которые спят отвернувшись.

Счастлив я, что родился и увидел тебя. Сказано ведь:

Благо, когда хорошие люди друг с другом встречаются. Хорошие люди как святая вода. Но святая вода помогает не сразу, а встреча с добрым человеком — сейчас же.

Поэтому счастливы земные твари там, где живут такие, как ты, говорящие по-дружески".

На это обезьяна сказала: „Дельфин, с этого дня ты мне друг, и друг дороже жизни. Ты произнес поистине слова приязни. Ведь сказано:

Мудрые говорят, что у хороших людей дружба возникает, едва они успеют пройти вместе семь шагов".

После этого обезьяна продолжала: „Друг, будь сегодня нашим гостем". С этими словами она дала дельфину спелых плодов, вкусом

подобных амрите *. И потом она каждый день давала ему бананов, а он угощал ими свою супругу. Супруга спрашивала мужа, откуда у него эти плоды, и дельфин рассказал, как было дело.

Она, будучи беременной, подумала: „Эта обезьяна всегда питается такими плодами, поэтому мясо ее груди, наверное, вкусно, как амрита". Подумав так, она сказала мужу: „Я беременна, и у меня прихоти, свойственные беременным. Хочу отведать сердца обезьяны. Если исполнишь мое желание, я буду жить, а если нет, то мне смерть — это несомненно". Выслушав эти слова своей возлюбленной, дельфин подчинился ее настоятельной просьбе, отправился к берегу моря и сказал обезьяне: „Друг, возлюбленная брата твоего зовет тебя в гости. Изведай гостеприимство в нашем доме". Сказав так и уговорив обезьяну, он посадил ее себе на спину и поплыл. По дороге обезьяна с беспокойством спросила у дельфина: „Что я буду делать у вас, когда приеду?" При этих словах дельфин подумал: „Скажу обезьяне правду. Я ее уже далеко отвез от берега, и ей не уйти". Подумав так, он все ей рассказал. Как быть теперь обезьяне? Вот вопрос». И попугай продолжал: «Обезьяна сказала: „Ну, дельфин, тогда ты напрасно везешь меня туда. Я без сердца. Сердца при мне нет". Дельфин спросил: „Где же ты его оставила?" — „Друг,— ответила обезьяна,— неужели ты не слыхал, что

Мое сердце находится всегда на дереве удумбара,
а душа на фиговом дереве. Я возьму сердце и опять
приду к воде".

Тогда глупый дельфин повернул к берегу. У берега обезьяна спрыгнула с его спины и, взобравшись на дерево, сказала: „Ступай! Ступай прочь! Тут уж меня не могут схватить такие, как ты.

У водных тварей, ходящих всегда путями водными,
нет крепкой дружбы с тварями, живущими на суше.
Так сказал один мудрец".

Так, обруганный обезьяной, дельфин отправился восвояси. Вот и говорится:

Кто не теряет разума в делах, требующих хитрости,
тот всегда уйдет от беды, как обезьяна ушла из воды».

Выслушав эту историю, Прабхавати уснула.

Таков шестьдесят седьмой рассказ из книги «Семьдесят рассказов попугая».

На следующий день Прабхавати опять обратилась к попугаю. Попугай сказал:

«Иди, госпожа, наслаждайся счастьем, если у тебя, о красавица, на случай опасности найдется такой друг, как Витарка.

Есть брахманская деревня под названием Видьястхана. В ней жил брахман Кешава. Пошел он однажды купаться и у пруда увидел прелестную купеческую дочь. Ему захотелось вступить с ней в связь. Однажды, когда он выходил из воды, она сказала ему: „Подними мне на голову второй кувшин". Он поднял и поцеловал ее в губы. А ее муж увидел это и повел его к радже. Как спастись брахману? Вот вопрос». И попугай дал ответ: «У брахмана был друг по имени Витарка. Этот Витарка подошел к нему и шепнул: „Друг, когда придешь во дворец раджи, все время чмокай губами и ничего не говори". Брахман так и поступил. Министр сказал: „Никакого преступления этот человек не совершил. Это у него от рождения привычка такая". Так и оправдался брахман перед людьми благодаря спасительной мудрости Витарки. Если и ты так сообразительна, то иди».

Выслушав эту историю, Прабхавати уснула.

Таков шестьдесят восьмой рассказ из книги «Семьдесят рассказов попугая».

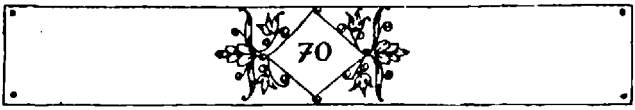
На другой день Прабхавати опять стала отпрашиваться у попугая. Попугай проговорил:

«Иди, развлекись с любовником, большеглазая, если умеешь отговариваться так, как отговорилась в старину Веджика, когда ее муж не успел выкупаться.

Есть местность под названием Каластхана. Там жил один молодой купец. Его жена Веджика часто влюблялась в мужчин. Однажды она помогала своему мужу мыться и увидела, что по дороге идет к ней любовник. Она сказала мужу, что не хватает воды, вышла из дома якобы за водой и долго пробыла с любовником. Мужа она оставила недомытым, а сама там задержалась. Как ей оправдаться? Вот вопрос». И попугай дал ответ: «После того как любовник насладился этой женщиной, она придумала, чем обмануть мужа: бросилась в колодец. Поднялась суматоха. Пронесся слух, что какая-то несчастная упала в колодец. Услышал об этом ее муж и подумал: „Упала в колодец, конечно, моя жена". Он быстро пошел, посмотрел. Вытащив из колодца жену, он отвел ее домой и оказал ей почести».

Выслушав эту историю, Прабхавати уснула.

Таков шестьдесят девятый рассказ из книги «Семьдесят рассказов попугая».



После того как попугай рассказал столько историй, приехал из чужой земли Мадана, муж Прабхавати. Когда он явился, Прабхавати по-прежнему была полна нежности к нему, попугай же тихонько запел:

> «Напрасно быть благосклонным к женщине, напрасно и высокомерие с нею. Я всегда с ней ласков, а она всегда неласкова со мной».

Но Мадана не слушал. Тогда попугай со смехом проговорил: «Кто выслушивает доброе слово и следует ему, тот счастлив бывает на этом свете и на том». Слыша поминутно это пение, Мадана спросил, в чем дело. Тогда Прабхавати сама рассказала обо всем, трепеща от страха. Сказано ведь:

> Люди чистые везде спокойны и горды в силу своих прекрасных дел. А творящие зло всегда прячутся от страха, наделав дурного.

«Милый,— сказала Прабхавати мужу,— ты достоин похвалы. Из той пары птиц, которую принес Тривикрама, попугай говорит поучения, нужные для всех, и здесь он особенно мне был полезен, заменяя родителей и близких». Чем больше она хвалила попугая, тем больше попугай смущался. Есть изречение:

> Когда цапля убивает рыбу, то громко кричит. А лев, убивая буйного слона, молча когти вонзает.

Мадана сказал в ответ на ее речь: «В чем же помог тебе твой попугай? Почему это он вдруг стал таким совершенством?» Та отвечала: «Господин, нельзя найти таких, которые говорили бы и выслушивали правду. И сказано:

> Легко сыскать, о раджа, таких, что всегда говорят приятное, и трудно найти такого, который умел бы говорить и выслушивать неприятное, но дельное.
>
> Господин, когда говорят, что женщины непостоянны, не способны любить, недобродетельны, предаются дурным мыслям, недалеки умом, то эта правда.
>
> Отвращаясь от мужа и от детей, женщина ни во что не ставит добродетель. Вначале любящая и нежная, она становится жестокой, сделав свое дело.

И еще сказано:

> Они до тех пор бывают любезны с мужчиной, пока не заметят, что он полюбил; увидев, что он завяз в сетях любви, они тащат его, как рыбу, проглотившую наживку.

Женщины по натуре подвижны, как морские волны, их любовь кратковременна, как алая полоска на вечернем облаке. Добьются своего — и мужчина им не нужен, бросают его застывать в тоске, подобно выпущенному соку.

Кружат головы, опьяняют, издеваются, угрожают, обольщают, повергают в отчаяние — чего только не творят эти большеглазые, проникнув в мягкое сердце мужчины!

Господин, ты был в отъезде, и некоторое время я переносила разлуку с тобой. Но потом я сошлась с плохими подругами. Мне вздумалось пойти к чужому мужчине; вещая ворона стала меня останавливать, и я ее побила. Попугай же целых семьдесят дней удерживал меня дома своей хитрой речью. Так что на деле я не согрешила, согрешила только в мыслях. С этого дня ты волен распоряжаться моей жизнью и смертью».

Выслушав это, Мадана опросил попугая. Попугай сказал:

«Мудрый, не зная причины чего-либо и даже зная ее, не должен говорить опрометчиво. Решения судьбы непостижимы.

От судьбы человек получает любовь, жизнь, хлеб: от нее — все речи добрых людей и порицания злых.

Господин, не стоило бы говорить, но все-таки слушай:

Люди благородные, терпеливые не принимают близко к сердцу, о господин, ни хороших дел, ни ошибок, совершаемых глупцами, пьяницами, женщинами, больными, измученными любовью,

Усталыми, разгневанными, опьяненными, сумасшедшими, трусами и особенно голодающими.

В „Махабхарате“ сказано также:

Следующие десять не признают законов, о Дхритараштра *, запомни их: пьяный, нерадивый, сумасшедший, усталый, гневный, голодный, а также торопливый, жадный, испуганный и влюбленный — эти вот десять.

Прабхавати надо простить. Вины ее тут нет. Все это от дурных подруг. Сказано ведь:

Хорошие люди меняются от общения с дурными. Бхишма * общался с Дурьйодханой * — и пошел красть коров.

Видьядхара * когда-то хитростью овладел дочерью раджи. Но ее муж счел ее невиновной, хотя тот насладился ею вволю».

Попугай рассказал Мадане такую историю: «Есть на земле гора под названием Малая. На ее вершине находится город гандхарвов *, называемый Манохара, и в нем жил гандхарва по имени Мадана. Его жену звали Ратнавали, а дочь — Маданаманджари. При виде совершенной красоты дочери и боги и данавы * падали ниц, лишаясь чувств. Не было жениха, достойного ее, не за кого было ее выдавать.

Однажды пришел Нарада *. При виде ее красоты он тоже влюбился и упал без чувств. Придя в сознание, мудрец проклял ее. Сказано ведь:

> Когда нежная, милая, страстью распаляющая, счастье дающая, когда эта прелестница, любовью опьяненная, в сердце водворится, то как с этим справиться?..

„Так как меня при виде ее красоты постигла любовная лихорадка, то ее доброе имя должно пострадать“ — так подумал мудрец. Тогда раджа с поклоном сказал ему: „Господин, смягчись и будь милосердным“. Нарада отвечал: „Слава о ней пойдет худая, но вины на ней не будет, и с мужем ей не придется разлучаться. На горе Меру * в городе Випула живет гандхарва по имени Канакапрабха. Он и будет женихом твоей дочери“. Сказав это, Нарада ушел. По его слову дочь раджи выдали за того гандхарву.

Однажды гандхарва оставил ее и пошел на гору Кайласа *.

Опечаленная разлукой с мужем, она валялась на каменной плите без одежды, и некий видьядхара, увидев ее замечательную красоту, стал просить ее сойтись с ним. Но она не пожелала. Тогда он принял обличье ее мужа и обладал ею. Через некоторое время домой вернулся муж. Заметив, что жена его сыта счастьем любви, он подумал: „Кто-то другой ею пользовался, она преступница, и, конечно, ее надо убить“. Так решив, он пошел с нею в храм Чандики *. Когда он хотел убить ее перед изображением богини, жена закричала: „Богиня, ты обещала даровать мне сына, который будет главой всех гандхарвов. Неужели я погибну, не увидев лица сына?“ Так она сетовала перед богиней, и богиня сказала, вступаясь за нее: „О гандхарва-герой! Она совсем не виновата. Ею обманом овладел некий видьядхара, принявший твой образ. Она этого не знала, и нет на ней вины. Кроме того, тут действовало еще и проклятие одного святого. Вот почему все это и случилось.— И она рассказала историю проклятия.— Благодаря слову святого она невиновна, и ты должен ее опять принять к себе“. Выслушав эту речь Гаури *, муж, не тревожась больше, пошел с женой домой и жил счастливо, как и прежде. Так что если, о купец, слово мое справедливо, то ты должен оказать снисхождение этой незлонравной женщине».

Послушавшись слов попугая, Мадана оставил Прабхавати у себя.

Его отец, Харидатта, обрадованный возвращением сына, устроил пышный пир. На этом пиру спустился на пирующих божественный венок. Увидев его, попугай, вещая ворона и Тривикрама освободились от тяготевшего над ними проклятия и ушли на небо. А Мадана стал жить счастливо со своей милой Прабхавати.

Конец книги «Семьдесят рассказов попугая».

Дандин

приключения десяти принцев

Глава первая
ПРИКЛЮЧЕНИЯ ЦАРЕВИЧА РАДЖАВАХАНЫ

Услышав от своего возлюбленного рассказы о всем том, как происходили на свете знаменитые случаи похищения жен, дивная женщина эта широко раскрыла от удивления глаза, улыбнулась и сказала: «Милый! Благодарю тебя! Наслушалась я от тебя сегодня о многом! Ты осветил сегодня мою душу светом знания, от которого исчезнет мой грех! Постой, я должна возблагодарить тебя, ибо назрел плод твоей ко мне любви. Но чем же я могу быть тебе полезна, чтоб достойным образом ответить на твое внимание? Ведь я вся твоя. У меня нет ничего такого, что бы уже не принадлежало тебе! Однако нет! Существует еще нечто такое, что от меня всецело зависит. Например, я могу поцеловать тебя! Конечно, эти твои губы только что использовала богиня красноречия *, но кое-что от них осталось, и если я не пожелаю, то я их и не поцелую! Богиня красоты *, восседающая на лотосе, прижималась своим крутым бюстом к твоей высокой груди, но никто не может помешать и мне тоже ее обнять».

При этих словах ее роскошные округлые груди прильнули и покрыли собою его грудь: так тяжелые весенние облака покрывают собою небосклон в дождливый день. Глаза ее заблистали глубокой страстью: так на роскошно растущей банановой пальме чернеется вверху раскрывающийся плод. Она страстно поцеловала розовые, как рубин, его губы. По лицу его рассыпались ее густые волосы, которые своим темным отливом и пестротою заплетенных в них букетиков напоминали расцветку павлиньих перьев. Подобно тому как розовый цветок кадамба *, над которым кружит рой черных пчел, светится через них своими раскрытыми сверкающими красными тычинками, так розовые губы его, как лучи рубина, блестели среди ее черных волос. Но стоило только начать! Любовь вспыхнула, и нельзя уже было ее остановить. Снова и снова возобновляли они сладостную длительность взаимного упоения после бесконечно разнообразных ухищрений любовной ласки. Наконец они устали наслаждаться друг другом и заснули. И вот им обоим приснился какой-то старый лебедь, лапы которого были, как веревками, связаны волокнами лотоса. Тогда они оба проснулись, и вот что им представилось! Ноги молодого царевича были обвиты серебряной цепочкой. Казалось, это луна, приняв его ступни с раздвинутыми пальцами за цветы лотоса с распущенными лепестками, сделала из своих белых лучей веревочки, чтобы связать их.

Как только царевна это заметила, она вскрикнула: «Что это

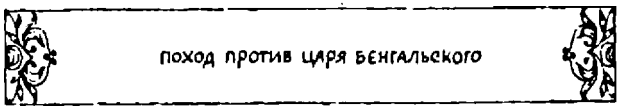
такое?» — и, вся дрожа от сильного страха, принялась кричать изо всех сил. Взволновался весь терем. Сенные девушки, спавшие рядом, задрожали от страха, как будто бы весь дом был объят пожаром или как будто на терем напали людоеды. Не разбирая, что следовало делать сейчас и что потом, забыв про уговор хранения тайн терема, они попадали на пол, били себя в грудь, рыданиями раздирали горло, а ручьи слез текли по их щекам. Услышав этот шум, служители терема, имевшие при таких обстоятельствах свободный вход в него и ночью, немедленно поднялись с криками: «Что, что такое?!» — вошли и увидели царевича в вышеописанном положении. Первое их желание было примерно наказать смельчака, но из почтения к его царскому величию они остановились и сразу, немедля доложили обо всем наместнику царя Чандаварману. Тот пришел, разгневанный. И когда он осмотрел всех присутствующих, в глазах его загорелся огонь, которым он, казалось, готов был всех сжечь.

Опомнившись и сообразив, что произошло, он стал браниться, говоря: «Как! Это тот самый друг купеческого сына Пушподбавы, иностранца, который так гордился своим богатством, мужа зловредной Балачандрики, из-за которой был убит мой младший брат. Он называет себя брамином *! Он просто преступник, умеющий скрыть свои злые намерения. Он невесть что воображает о своей красоте, гордится своими познаниями во всех искусствах, разными обманами и ловкими фокусами он привлек на свою сторону глупых горожан и заставил их верить в то, что он пользуется покровительством богов! Но это ложь и обман! Его волшебная кольчуга — миф. Как могла эта преступная Авантисундари полюбить такого человека?! Ведь она с презрением отвергала даже мне равных выдающихся людей. Она поступила нечестно! Она осквернила свой род! Пусть же не далее как сегодня ее любовник на ее же глазах будет посажен на кол».

Когда он произносил эти слова, вид его был ужасен, брови сдвинулись, и лоб был обезображен морщинами. Он стал похож на бога смерти *. Его грубые руки, крепкие, как железный жезл в руках бога смерти, схватили нежные, как лотос, руки царевича, и он насильно потащил его вон, не обращая внимания на знаки царского происхождения, колесо и лотос, которые были изображены на его руках. Царевич же хотя и обладал сверхъестественным мужеством, но, будучи умен и сдержан по природе, решил, что единственное средство в данном положении — терпение. В несчастье своем он увидел судьбу, которая наказывала его за насмешку над святыми отшельниками. На прощание он крикнул: «Помни, что я тебе рассказывал о лебеде, о ты, обладающая лебединой походкой *... Потерпи, дорогая, два месяца!» Этими словами он заронил надежду в душу той, которая полюбила его так, что готова была отдать за него жизнь, той, которая и для него была столь же дорога, как жизнь. Затем он предал себя в руки врага.

Когда весть о случившемся дошла до старых царя и царицы

Малавы *, они были очень опечалены. Догадываясь по намекам врага, что тот хочет казнить царевича, и сочувствуя ему, как будущему зятю и вследствие его необычайной красоты, они решили взять его под свою защиту. Однако совершенно выручить его из беды они не могли, так как их власть не простиралась столь далеко. Чандаварман же, отличаясь необузданностью характера, поступил таким образом: о всем случившемся он послал извещение царю Дарпасаре, который в то время был в отъезде на Гималаи, где он предавался религиозному подвижничеству. Затем он распорядился неожиданно отобрать имущество у всей семьи купца Пушподбавы и бросить их всех в тюрьму. Царевича же, как молодого царственного льва, он посадил, связанного, в деревянную клетку, лишив его пищи и питья. Однако благодаря чудодейственному талисману, спрятанному в его пышных волосах, тот не страдал ни от голода, ни от жажды, ни от других неудобств. Затем Чандаварман стал собираться в поход в Бенгал, чтобы наказать царя Бенгальского, который отверг его сватовство за его дочь и тем нанес ему оскорбление. Однако он не решался никому доверить охрану царевича и потому велел взять его с собой. От его могущественной армии задрожала земля, когда он, подойдя к столице Бенгала, осадил город Чампу *.

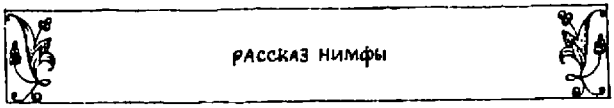


Со своей стороны, царь Бенгальский Синхаварман, настоящий лев по непреодолимому мужеству, вышел из городских стен и направился с большим войском навстречу врагу, не дождавшись быстро собиравшихся к нему на помощь союзных царей, которых сам же он призвал через многочисленных гонцов. Несмотря на то что они уже скоро должны были подойти, царь, как воочию явившаяся на землю воплощенная гордость, обуреваемый нетерпением, сам напал на вражеское войско. Произошло большое сражение. Синхаварман потерял все бывшее с ним войско и сам, после того как выдержал сотню неистовых ударов и кольчуга его была проколота, теряя под собою слона за слоном, был наконец взят в плен Чандаварманом, который также, со своей стороны, проявил сверхчеловеческую силу и мужество. Но он не убил его, так как питал сильнейшую страсть к Амбалике, его дочери, прозванной «сокровищем среди молодых женщин». После того как все стрелы были извлечены из тела Синхавармана и он поправился, Чандаварман старался помириться с ним, но не имел никакого успеха и потому посадил его в тюрьму. Затем он приказал штату придворных астрологов вычислить, что царевна Амбалика должна быть выдана замуж немедленно, на другой день рано утром.

И вот в то время, когда он уже стал одеваться в праздничные одежды, приготовляясь к свадьбе, вернулся из Гималая от царя Дарпасары гонец Энаджанга и привез такой ответ на донесение о том, что произошло между царевичем Раджавахаиой и царевной Авантисундари: «О глупый человек! Разве осквернитель девичьего ложа достоин сожаления? Стоило ли тебе обращать внимание на болтовню старого царя Малавийского? От старости он уже потерял и гордость и стыд. Только поэтому он и защищает дурное поведение своей дочери. Ничуть не медля, вели пытать и казнить влюбленного царевича. Пришли мне известие о том, что это исполнено. Обрадуй мой слух известием о его смерти! А царевну, которая так скверно себя ведет, вместе с ее младшим братом, Киртисарой, вели заковать в цепи и запереть в тюрьму».

Услышав это, Чандаварман приказал: «Завтра же рано утром должен быть доставлен к воротам дворца негодяй Раджавахана, осквернитель девичьей чести. Туда же должен быть доставлен и большой слон, называемый „Неистовый юнец“, и на него надеты все украшения. Я совершу обряд венчания, а затем сам сяду на этого слона и сделаю нечестивого царевича игрушкой под его ногами. Затем, не сходя со слона, поеду навстречу врагу и разобью войско, спешащее царевичу на помощь. Я возьму его в плен вместе с его казною и верховыми животными». Сказав это, он произвел смотр своему войску.

На следующий день, как только занялся на небе свет утренней зари, стражники вывели царевича на площадь перед дворцом; туда же был доставлен и слон, носящий кличку «Неистовый юнец», приведенный предварительно в бешенство, вследствие чего из висков у него потекли ручьи жидкости. И вот в этот самый момент ноги у царевича освободились от связывавшей их серебряной цепочки. Сама же цепочка обратилась в божественную нимфу, заблиставшую в воздухе, как серп молодой луны. В знак почтения к царевичу она обошла кругом него слева направо *, подняла вверх сложенные молитвенно ладони и почтительно доложила:



«Царь, сделай милость, подари мне минуту внимания и сочувствия. Я божественная нимфа по имени Суратаманджари, дочь Сомарашми *. Однажды, когда я летала по воздуху, к моему лицу приблизился лебедь, который принял висевшую у меня на плечах длинную жемчужную нить за белый стебель лотоса. Когда он жадно схватил ее, я отогнала его. При этом я рванула жемчужную нить, она разорвалась и совершенно случайно упала на голову

великому святому отшельнику Маркандее *, который в это время купался в озере на Гималае. Озеро было мелко, так что святой то погружался, то подымался из воды. Когда жемчужины упали ему на голову, седые его волосы, смешавшись с жемчугом, показались вдвойне белыми. Разгневанный, он изрек на меня ужасное проклятие: „Дрянь! Превратись в металл, лишись сознания!" Я стала умолять его о прощении. Тогда он определил, что в наказание я должна буду на два месяца превратиться в цепь и связывать собою твои лотосоподобные ноги. После этого мое несчастье минует и ко мне вновь вернутся все органы и чувства в прежней силе.

Таким образом, за великий грех я превратилась в серебряную цепочку. В этом виде меня нашел на горе Шанкара * некий гений * по имени Вирашекара, сын Манасавеги и внук царя Вегаванта из рода Икшвакуидов *. Он взял меня и присвоил себе. Он питал сильную вражду к властителю империи воздушных гениев Нараваханадатту, сыну царя Ватса *, за то, что тот враждовал с его отцом. Поэтому он вступил в союз с царем Дарпасаром в надежде, что этот царь благодаря силам, приобретенным путем подвижничества, будет в состоянии отомстить за обиды, нанесенные нынешним императором его отцу. Тогда Дарпасар обещал отдать ему как союзнику в замужество сестру свою Авантисундари. И вот однажды, как-то раз, когда луна блестела самым чистым своим светом, он, не будучи в состоянии сдержать своих чувств, пожелал взглянуть на Авантисундари, предмет самых страстных его желаний, и прилетел ночью ко дворцу царевны, который при лунном свете блистал, как дворец бога Индры *. Так как он обладал даром становиться невидимым, то никто не заметил, как он проник в спальню. Он же увидал обещанную ему невесту, отдыхающую от упоения твоею любовью, с головой, лежащей у тебя на груди, после того как ты путем восхитительных рассказов обратил на себя течение многоводного потока ее любви. Рассказы твои о создании, гибели и жизни в трех мирах * были столь восхитительны, что, слушая их, казалось, что пьешь амброзию *. Хотя он сильно разгневался при виде такой картины и решился было наложить на тебя другое наказание, а именно убить тебя, но все же не сделал этого. Таково было влияние твоей тайной силы. Судьба внушила ему другое решение: в то время как вы оба сладко спали, обняв друг друга, он связал лотосоподобные ноги твои посредством меня, которая была обращена в серебряную цепочку. Затем, вне себя от гнева, он удалился.

Теперь кончился срок моего наказания, окончился также и срок твоего плена. Будь милостив, скажи, что мне теперь для тебя сделать».

Рассказав это, она почтительно поклонилась царевичу.

«Расскажи о том, что здесь случилось, той, которую я люблю, как свою жизнь, и этим утешь ее!» — крикнул царевич и отпустил ее.

В этот самый момент раздался крик: «Убит, убит Чандаварман! Убит как раз тогда, когда он протянул свою сильную руку со страстным желанием коснуться руки Амбалики, дочери царя Синхавармана. Убит каким-то преступником, вором, который в этот момент крепко схватил его за руку и стремительно оттащил его от девушки. Теперь этот вор смело разгуливает по дворцу и уже наполнил его комнаты многими трупами».

Услышав это, царевич Раджавахана вскочил на того самого разъяренного слона, который был приготовлен для его казни, спихнул с него погонщика и сам погнал его с величайшею поспешностью к царскому дворцу. Быстрым движением слона он разогнал пеших воинов, и они открыли ему дорогу ко дворцу. Проникнув внутрь ограды, царевич голосом, который раздался, как сильный гром из густых облаков, крикнул: «Велик тот человек, который совершил этот подвиг: недоступно это простому человеку! Кто он такой, пусть он подойдет! Пусть вместе со мною сядет на этого слона! Я отвечаю за безопасность того, кто присоединится ко мне, даже если он будет воевать с богами и демонами!»

Когда раздался этот крик, из толпы вышел человек, который убил Чандавармана. Вне себя от радости, он поклонился царевичу, подняв вверх в знак почтения руки со сложенными ладонями. После того он сделал слону знак, по которому тот подогнул передние ноги. Тогда он быстро на него взобрался, но в тот самый момент, когда он садился, царевич вгляделся в него, глаза его широко раскрылись от радости, и он сказал: «О счастье! Это мой дорогой друг, Апахараварман!» Сев на слона сзади, тот просунул свои крепкие руки царевичу под мышки и, держась за него, стал прижимать его к себе, а царевич загнул свои руки назад и, в свою очередь, обнял его. Эти взаимные объятия продолжались один момент, так как наступали вражеские воины. Они вели сражение всякими способами, применяя луки, стрелы, диски, железные дротики, щиты, копья, палицы, железные штыки и прочее. Всех их, по мере того как они наступали, Апахараварман повергал на землю. Когда он так защищался, он вдруг увидел свое войско, которое спешило ему на помощь и имело при себе все рода оружия.

Вслед за тем к этому месту подъехал на слоне молодой воин. Он погонял слона изо всех сил, царапая его голову ниже ушей пальцами своих ног. В то же время он с необычайной ловкостью осыпал врагов целым дождем стрел. Цвет лица его был светлый, как цвет желтого ствола пальмы, темные же волосы его имели голубой отлив, напоминавший блеск сапфира. Ноги и руки его имели мягкие очертания, как стебли лотоса. Темные блестящие

зрачки его глаз находились на продолговатых, как бы до ушей достигающих, белых, как молоко, глазных яблоках. Кинжал, украшенный драгоценными каменьями, висел у него на боку. Живот его был подтянут, грудь же выдавалась вперед, одет он был в шелк. Приблизившись к царю Раджавахане, он сразу узнал его на основании всего того, что слышал о нем раньше. Подняв кверху сложенные ладони, он поклонился ему, затем, пристально смотря на Апахаравармана, он доложил: «По твоему приказанию я указанным тобою способом собрал и привел сюда это войско для оказания помощи царю Бенгальскому. Армия врага разбита и рассеяна. Она в таком положении, что должна сложить оружие даже перед женщинами. Не нужно ли сделать еще что-либо?»

Довольный Апахараварман сказал: «Царь! Сделай милость, подари свой взгляд этому человеку, он исполнит всякое твое приказание. Прошу на него смотреть, как на меня самого. Это я, только помещенный в другое тело и носящий имя Данамитр. Пусть он освободит царя Бенгальского из тюрьмы, пусть соберет вместе расхищенную его казну и разбежавшихся верховых животных. Пусть он находится наготове при тебе, о царь, с теми частями войск, которые перейдут на нашу сторону. Мы же, если ты против этого ничего не имеешь, выберем уединенное местечко и отдохнем там в свое удовольствие». Царь отвечал: «Как хочешь!» — и двинулся вон из города по указанной ему дороге. Она привела его на ровное место, где под тенью громадной смоковницы песок был белый как полотно, где веял прохладный ветер, проносясь по волнам Ганги-реки *. Тут он сошел со слона, Апахараварман же сошел еще раньше его, и, быстро выровняв своими руками местечко на песчаной отмели Ганги-реки, он насыпал холмик, формой похожий на слона. Царь расположился на нем с удобством. Как только он уселся, к тому же месту Данамитр привел друзей царевича: Упахаравармана, Артапала, Прамати, Митрагупта, Вишрута и кроме них еще Прахаравармана, царя Митилийского, Камапала, царя Бенаресского, Синхавармана, царя Бенгальского. Данамитр пал к ногам царя, который, сильно обрадовавшись, поднял его и спросил: «Каким образом собралось вместе все это общество друзей? Что это за счастливая случайность?» После того как ему были оказаны обычные почести, он крепко-накрепко обнял каждого из друзей, а правителя Бенаресского и царей Бенгальского и Митилийского, которые были представлены ему друзьями, он приветствовал, как родителей. Они, волнуясь, обнимали его, причем седые их головы тряслись от волнения. Царь же очень был тронут. Затем началась дружеская беседа. Царь рассказал о своей жизни и о приключениях Сомадатты и Пушподбавы. Это послужило поводом к тому, что каждый из друзей в свою очередь должен был рассказать о своей жизни, и царь приказал им это сделать. Первым из них начал свой рассказ Апахараварман.

4 Заказ № 2764

Глава вторая
РАССКАЗ АПАХАРАВАРМАНА

О царь! Когда ты, желая оказать помощь брамину, звавшему тебя в подземное царство, спустился вниз через отверстие в земле в область подземных существ *, тогда компания друзей твоих разбрелась в разные стороны в поисках тебя. Я также пустился странствовать по белу свету. И вот однажды от группы беседовавших между собой каких-то людей я узнал о существовании некоего старца, великого праведника по имени Маричи, жившего в Бенгале, на берегу реки Ганги, недалеко от города Чампы. Путем аскетической жизни он будто бы достиг сверхъестественной силы зрения, которая давала ему возможность видеть предметы самые удаленные. Желая от него узнать о твоей судьбе, я отправился в указанное место. Придя, я увидел отшельническую обитель. Среди нее, под молодым манговым деревцем, сидел в тени какой-то аскет с печальным выражением лица. Я был принят им, как гость, немного отдохнул у него и затем обратился к нему с таким вопросом: «Не знаешь ли, где находится известный владыка Маричи? Я желал бы узнать от него о судьбе случайно исчезнувшего друга моего. Мне говорили, что этот старец, великий праведник, обладает сверхъестественной силой знания».

Рассказ маричи

Тогда он испустил глубокий, протяжный вздох и сказал: Такой праведный старец действительно жил когда-то в этой обители, но вот что с ним случилось. Однажды прибегает к нему местная знаменитость, первейшая из гетер города Чампы, по имени Камаманьджари. Она была вся в слезах, и на груди ее блестели, как звездочки, капли слез, лившихся из глаз. Она подошла к нему с выражением отчаяния на лице, поклонилась ему в ноги, так что пышные ее волосы, рассыпавшись, покрыли землю у ног отшельника. В этот самый момент вслед за ней прибежала туда же ее мать с толпой ее родни. Маричи был сострадателен и стал мягким голосом утешать всю эту толпу. Затем он спросил у гетеры о причине ее горя. Она же отвечала, и в голосе ее послышались и стыд, и отчаяние, и благоговение перед святым: «Владыка! Мне не суждено

видеть счастье на земле. Я прибегаю за помощью к твоим стопам для достижения счастья на том свете. Ты известен своим состраданием к несчастным!» Тут ее мать протянула к нему руки со сложенными вместе ладонями, стала опять отвешивать поклоны, причем поседевшие волосы ее, следуя движениям ее тела, то, рассыпаясь, касались земли, то откидывались назад.

РАССКАЗ МАТЕРИ ГЕТЕРЫ

«Владыка! Эта стоящая перед тобою блудница пришла к тебе, чтобы обвинить меня в дурных поступках. Между тем все мои дурные поступки по отношению к ней заключаются в том, что я строго исполняла относительно ее свои обязанности. Действительно, ведь обязанности матери в нашей касте гетер заключаются в следующем. С самого дня рождения следует заботиться о физическом воспитании тела. Его нужно питать умеренной пищей, которая поддерживает равновесие в основах здоровья * и содействует укреплению блеска, силы, красок и ума. Начиная с пятого года будущая гетера не должна видеть мужчин, даже своего родного отца. В день рождения, если праздник, совершается на дому богослужение, после которого бывает парадный обед. Преподаются науки, имеющие то или иное отношение к любви, и все, что к ним относится. Основательно изучаются танцы, пение, игра на инструментах, театр, живопись, приготовление сладостей, духов и искусство составления букетов и гирлянд. Изучаются также основательно письмо и ловкость в разговоре. Науки: грамматика, логика и астрономия — изучаются поверхностно, лишь настолько, чтобы знать, о чем идет речь. Происходит основательное ознакомление со средствами к жизни, с игривой ловкостью разговоров, с искусством азартных игр. Что касается секретных искусств, то они изучаются практически под руководством лица, хорошо с ними знакомого. Но во время процессий, праздников и тому подобных случаев я старательно одеваю и украшаю свою дочь и выставляю ее напоказ, окруженную многочисленной толпой прислужниц. Если приходится ей выступать в концертах, то ей всегда обеспечен успех благодаря продажной клаке, которая заблаговременно бывает подобрана. Славу о ней я стараюсь распространить во все стороны через знатоков того или другого искусства. Через прорицателей я стараюсь поведать всем о счастливых признаках на ее теле. Золотая молодежь, танцоры, присяжные ухаживатели, весельчаки, сводни и тому подобные лица восхваляют в собраниях богатых людей ее красоту, характер, ловкость, образование, манеры и ласковость. Когда она таким образом

станет высшей целью желаний золотой молодежи, то мое дело — определить за нее самую высокую цену и отдать ее на содержание человеку самостоятельному, хорошего происхождения, красивому, богатому, здоровому, незапятнанному, щедрому, ловкому, любезному, образованному, приятного характера, причем он или сам ею увлечется, или она, со своей стороны, будет выказывать к нему чувство и тем самым сведет его с ума. Можно отдать дочь и за малую цену, когда имеется в виду получить впоследствии очень много, а человека хотя и не самостоятельного, но отличающегося особенными качествами, особенно выдающимся талантом. Или же можно устроить похищение дочери каким-нибудь несамостоятельным молодым человеком, с тем чтобы под этим предлогом взять с его родителей богатый выкуп. Если же в нем будет отказано, то требовать его судом, предварительно привлекши на свою сторону любовными ласками сердце судьи. По отношению к влюбленному в нее настаивать на том, чтобы дочь вела себя, как верная жена. Всякими способами вымогать у поклонников все деньги до последней копейки, требуя постоянное содержание и единовременные подарки. Если же содержатель настолько скуп, что будет в них отказывать, то поссориться с ним и бросить его или разжигать щедрость скупого поклонника посредством кокетничанья с его соперником. Если же появится поклонник бедный, то нужно его отваживать язвительными словами, публичной бранью, запрещением дочери принимать его, всякими придирками заставляя его стыдиться своего положения. Мать должна взвесить материальные вопросы, связанные с тем или другим кандидатом, и постоянно сводить свою дочь с богатыми, непорочными, щедрыми людьми, которые способны выручить ее из всякого несчастья. Гетера должна иметь по отношению к своему поклоннику только легкое чувство, но не действительную любовь. Если же она и действительно влюбилась бы, она тем не менее не должна выходить из послушания матери и воспитательницы. Моя дочь нарушила закон своей касты *, установленный богом, и провела целый месяц в любовной связи с откуда-то взявшимся молодым брамином, все средства которого состояли в его красоте. Она тратила на него свои собственные деньги. Многочисленным же и богатым поклонникам она отказывала и тем раздражала их, а семью свою оставила без средств и довела до отчаяния. Когда же я стала удерживать ее, говоря, что эта ее неудачная любовь не приведет к добру, она рассердилась и удалилась в лес с намерением жить отшельницей. Если ее решение бесповоротно, то весь этот люд, который сюда к тебе пришел, не имея других средств к существованию, должен будет умереть от голода».

С этими словами она зарыдала.

Тогда аскет обратился со словами сострадания к стоявшей перед ним блуднице: «Друг мой, ведь житье в лесу, ты знаешь, полно всяких лишений. Результат, к которому оно приводит, есть или нирвана, то есть окончательное освобождение от чувственного бытия,

или же переселение на небо. Первая цель, имей в виду, в большинстве случаев очень трудноосуществима, а вторая доступна каждому без исключения, если он исполняет закон своей касты. Поэтому я советую послушаться своей матери и не приниматься за дело, тебе, очевидно, недоступное». В ответ на это гетера пришла в исступление и сказала: «Если у ног святителя я не найду спасения, то пусть сам священный огонь избавит меня, бедную, от жизни».

Тогда старец углубился в раздумье и затем обратился к матери гетеры. «Ступай теперь домой, повремени несколько дней,— сказал он.— Тем временем лишения пустыннической жизни будут сильно раздражать твою дочь, так как она привыкла к наслаждениям и очень нежна по природе. Я же постоянно буду ее вразумлять и не сомневаюсь, что она вернется к прежнему образу жизни».

Мать согласилась и ушла домой вместе с людьми, ее окружавшими.

Продолжение рассказа отшельника Маричи

Гетера осталась и стала выказывать глубокое благоговение к отшельнику. Она оделась в белую одежду, перестала обращать внимание на украшение своего тела, занималась поливкой молодых деревьев в обители, старательно собирала с земли и с кустов цветы для принесения в дар божествам, а также занималась всякого рода другими приношениями. В честь бога Шивы * она составляла разные благовония, гирлянды цветов, поддерживала благовонные курения, исполняла танцы, пела гимны, играла на гитаре *. Этими и подобными действиями она выражала свое благоговение перед божеством, а затем, оставаясь наедине со старцем, она занимала его рассказами, в которых изображались три главные цели человека в жизни: богатство, любовь и религия *. Она также, насколько могла, затевала с ним споры о существовании души и в самое короткое время всем этим привлекла на свою сторону сердце старца.

Однажды, находясь с ним наедине и заметив, что он совершенно в нее влюблен, она проговорила: «Как глупы, однако, люди, что ставят в один уровень любовь и богатство, с одной стороны, и религию — с другой». И, сказав это, она слегка засмеялась. Тогда Маричи спросил: «Скажи, милая, чем же, по-твоему, религия выше богатства и любви?»

Гетера стыдливо и томно отвечала: «Как! От такой женщины, как я, владыка хочет узнать о значении трех целей человека в жизни! Но я понимаю: это еще новый знак благоволения ко мне, твоей рабыне. Пусть так, слушай! Разве богатство и любовь не существуют совершенно независимо от религии? Религия ведь стоит

совершенно особняком от них. Она ведет к блаженству нирваны *, что достигается исключительно погружением в сосредоточенное размышление. Эта цель не находится в зависимости от факторов внешнего мира, подобно богатству и любви. Религия укрепляется знанием истинной сущности вещей, ей не противоречат те или другие занятия, посвященные богатству и любви. Но даже если бы она и потерпела ущерб от таких занятий, то небольшим усилием можно поправить дело и, освободившись от греха, достигнуть значительной религиозной заслуги.

Разве сами бессмертные боги при разных обстоятельствах не совершали самых дьявольских преступлений? Но такова уж стала сила их мудрости, что от этого нисколько не страдает их значение в религии. Так, например, о высшем из божеств, Браме *, известно, что он был влюблен в небесную нимфу Тилоттаму *, а Шива, супруг богини Бавани *, обесчестил целую тысячу жен известных мудрецов. Владыка всех существ Праджапати * имел любовную связь с собственной своей дочерью, а бог Индра, хотя и был супругом богини Шачи *, был в то же время любовником Ахальи, супруги мудреца Гаутамы *. Бог Шашанка-месяц известен тем, что обесчестил ложе своего наставника, а бог солнца даже имел плотскую связь с кобылицей. Бог ветра имел сношение с супругою Кесари, обезьянообразного бога. Учитель богов Брихаспати * имел любовные свидания с женой своего старшего брата Утатни. Парашара * обесчестил дочь рыбака, а Вьяса * известен тем, что вступил в связь с женой своего брата. Святой ясновидец Атри * был в связи с самкой антилопы и так далее. Если душа очищена религией, то к ней не пристанет никакая грязь. Подобно тому как пыль никогда не пристанет к небу, так и грех не осквернит святого. Итак, я полагаю, что богатство и любовь совершенно не касаются даже одной сотой части религиозных заслуг!»

Услышав это, святой, в котором забушевало волнение страсти, сказал: «Так, так, красавица! Ты смотришь верно! У тех, кто знает истинную сущность вещей, религиозные заслуги не уменьшаются оттого, что они будут предаваться чувственным наслаждениям. Но что касается меня, я с самого своего рождения даже понаслышке ничего не знаю ни о богатстве, ни о любви. Поэтому научи меня, пожалуйста, тому, в чем состоит их сущность, в чем сопутствующие им обстоятельства и к какой конечной цели они приводят».

На это она отвечала: «Во-первых, что касается богатства, то сущность его состоит в приобретении, приумножении и сохранении. Сопутствующие обстоятельства состоят в земледелии, в скотоводстве, торговле, в мирных договорах, в войне и тому подобном. Конечный результат есть достижение знатности и всеобщего уважения. Что же касается любви, то сущность ее состоит в особом ощущении блаженства, выше которого ничего нет. Мысли мужчины и женщины при этом привязаны к наслаждениям жизни. Сопут-

ствующее ей обстоятельство состоит в том, что все кругом кажется радостным и блестящим. Результат ее есть наивысшая отрада, происходящая от взаимных объятий, одно воспоминание о которой сладостно и страшно подымает самочувствие. Это блаженство непосредственное, не заоблачное, такое, которое мы прямо ощущаем в своем сердце. Из-за этого именно наслаждения люди, занимающие самое выдающееся положение, осуществляют труднейшие подвиги, дают щедрые дары, вступают в страшные сражения и опасные предприятия, как, например, переправа через океан, совершенная Рамой для спасения своей возлюбленной».

Услышав эти слова, святой потому ли, что такова была сила его судьбы, или потому, что очень уж искусна была эта гетера, или же по слабости своей души забыл обо всех своих обетах и крепко ее полюбил. Когда же она увидела, что он от нее без ума,— привела его в свой дом. По городу они ехали в экипаже — по главной улице, которая отличалась особым великолепием.

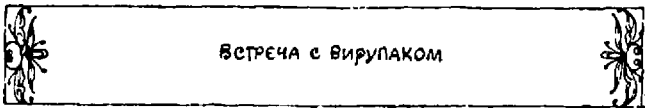
В это время глашатаи стали выкрикивать: «Завтра праздник в честь бога любви!» На следующий день она повела своего святого отшельника по великолепной главной улице туда, где было праздничное собрание. Он предварительно выкупался, умастил свое тело благовонной мазью, украсил себя красивыми цветами, вел себя во всем так, как ведут себя влюбленные молодые люди, совсем уж не желал вернуться к прежнему образу жизни, страшно тосковал, лишь только гетера на минуту от него удалялась. Там, на праздничном собрании, она увидела в одном месте царя в саду, окруженного толпою золотой молодежи.

Улыбнувшись, царь обратился к ней и сказал: «Дорогая моя, присядь сюда вместе со святителем». Получив такое приказание, она с поспешным кокетством улыбнулась, поклонилась и присела. Тогда одна из сидевших вокруг женщин, выдающаяся красавица, сложив ладони, подняла их вверх и сказала: «О царь! Она меня победила! Начиная с сегодняшнего дня я обязана стать ее рабыней!» С этими словами она отвесила царю низкий поклон. Среди окружавших царя приближенных поднялся шум, вызванный удивлением и радостным содроганием. Царь, будучи также возбужден, милостиво одарил гетеру драгоценными украшениями и большим количеством слуг и отпустил ее. Гетеры же высшего ранга, равно и городские нотабли, стали собираться кучками и прославляли ее как покорившую сердце святого.

Она же, не уходя еще с места, обратилась к нему с такими словами: «Владыка, благодарю тебя! Ты оказал высокую милость мне, твоей покорной слуге. Теперь ступай, занимайся своим делом!» Он же, как бы пораженный громом, зашатался от обуревавшей его страсти и сказал: «Милая моя, что же это такое? Откуда вдруг такое равнодушие? Куда девалось твое особое ко мне расположение?» Тогда она рассмеялась и сказала: «О владыка, та гетера, которая сегодня у дворца созналась в том, что она побеждена мною,— моя

соперница. Между ею и мною произошел спор, во время которого она меня упрекнула, сказав: „Ты хвастаешься так, как будто бы в тебя был влюблен сам святой Маричи". По этому поводу мы с ней побились об заклад, причем проигравшая должна была сделаться слугой у выигравшей. И вот по твоей милости я выиграла!»

Прогнанный таким образом, этот глупец, мучимый раскаянием, вернулся назад, как бы совершенно уничтоженный. И вот тот отшельник, с которым так поступила эта гетера, знай, о благородный,— это я сам! Та же самая негодница, которая своим искусством внушила мне страсть, она же ее и искоренила, внушив мне таким образом великое отвращение к жизни. Что же касается твоего дела — отыскания пропавшего царевича, то я в скором времени буду в состоянии тебя удовлетворить. А пока что ты поселись в этом самом городе Чампе, столице Бенгала».



Встреча с Вирупаком

Между тем солнце, как бы испугавшись соприкосновения с греховной темнотой, вырвавшейся из сердца святого, клонилось к западу, а пылающая страсть, от которой освободился отшельник, сверкнула на небосклоне в виде красной зари. Лотосовые поля закрыли свои лепестки, как будто бы они также прониклись отвращением к жизни под влиянием того, что они услышали. Святой предложил мне провести у него ночь. Я согласился. Вместе мы помолились вечерней заре, провели вечер в подобающих серьезных разговорах, когда же он лег спать, я последовал за ним, и мы провели там ночь. Когда же загорелся пожар на горе востока и показалось солнце, превосходившее своим сиянием блеск золотых ветвей райского дерева, я распрощался с отшельником и пошел в город. По пути я увидал в стороне, недалеко от дороги, небольшую обитель монахов джайнской секты * и за оградой, в уединенном месте, в рощице ашоковых деревьев * увидел одного монаха, сидящего, но вовсе не погруженного в сосредоточенное размышление, а изнемогающего от сильного горя, очень некрасивого, со страдальческим, бледным лицом. Ему на грудь падали капли слез с лица, покрытого массой размокшей грязи. Я подошел, присел недалеко от него и сказал: «Монах — и плачет! Если это не секрет, я бы желал узнать о причине твоих страданий».

Он отвечал: «Сын мой! Слушай! Я происхожу из этого самого города Чампы. Я старший сын купца Нидипалита, меня зовут Васупалита. Но вследствие моей некрасивой внешности мне дано было прозвище Вирупак, то есть „Безобразный". Был же тут и

другой молодой человек, по имени Сундарак, то есть ,,Красавец", и он действительно красив, талантлив и ловок во всех искусствах, но не особенно богат. Между нами развилось соперничество, которое раздувалось еще более городскими интриганами, старавшимися извлекать пользу из чужой вражды. Он гордился своей красотой, я — богатством. Раз как-то на праздничном собрании интриганы подстроили дело так, что мы обменялись колкостями, в которых звучало взаимное друг к другу презрение. Тогда они же сами бросились нас примирять, говоря: ,,Не красота и не богатство дает значение мужчине, но настоящий мужчина тот, чья молодость привлечет к себе сердце первейшей из гетер. Поэтому тот из вас, которого полюбит Камаманьджари, звезда среди гетер нашего города, тот пусть получит пальму первенства!" Так они решили, мы с этим согласились и послали к ней гонцов. Конечно, я, несчастный, оказался способным свести ее с ума от любви! Когда мы оба сидели рядом, она подошла ко мне и, бросая на меня один за другим страстные взоры, которые засияли, как ряд голубых лотосов, заставила моего соперника склонить от стыда голову.

Я возомнил себя счастливым и отдал в полное ее распоряжение мои деньги и мой дом, моих слуг, мое тело и мою жизнь. Она же обобрала меня так, что, кроме необходимого куска одежды, у меня ничего не осталось. Когда все, что я имел, было у меня взято, она меня бросила. Я стал мишенью для всеобщих насмешек. И вот, не будучи в состоянии дольше сносить упреки городских старейшин, я удалился из города сюда, в эту обитель джайнов. Здесь один святой отшельник наставил меня на путь спасения, он увеличил еще более во мне чувство отвращения к мирской жизни, часто повторяя: ,,Кто побывал в доме гетеры, тому легко остаться при одной последней тряпке", эти же слова имели и другое значение: ,,Кто решил бросить свой дом, тот легко может бросить и последний кусок одежды". Под его влиянием я перестал носить и последнюю тряпку, служившую мне одеждой, и сделался нищенствующим и нагим монахом. Но затем под влиянием покрывающей всего меня грязи, страшной боли от выдергивания из головы волос, сильнейших мучений от голода, жажды и других ограничений и раздраженный строгими правилами насчет того, когда и как стоять, сидеть, лежать, похожий на свежепойманного слона, укрощаемого крепчайшими веревками и мучениями, я стал призадумываться. «Ведь по происхождению я благородный ариец *,— думал я,— этот мой уклон в сторону еретического учения противоречит всем моим семейным традициям. Мои предки жили исключительно по тем правилам, которые предписаны священным писанием и священным преданием, а я не ношу никакой одежды, имею позорный внешний вид, переношу всяческие страдания, беспрестанно должен слушать, что ни Вишну *, ни Шива *, ни Брама *, ни прочие божества вовсе не существуют, и все это для того, чтобы после смерти или попасть

в ад, или вообще ничего не достигнуть. Эта религия — сущий обман. Меня до сих пор заставляли идти по пути безверия, как будто бы это была особая какая-то вера. Я смотрю на свой переход в чужую веру как на ошибку и, уединившись в этой рощице ашоковых деревьев, проливаю обильные слезы».

Знакомство с данамитром

Выслушав этот рассказ, я исполнился состраданием к рассказчику и сказал ему: «Друг! Потерпи еще некоторое время, поживи пока здесь, в этом самом городе. Я же постараюсь повернуть дело так, что гетера сама возвратит тебе твои деньги. На это есть особые средства!»

После того как я утешил его этими словами, он встал, и я, встав вслед за ним, пошел в город. Как только я очутился в городе, я из разговоров сразу понял, что город переполнен богачами, которые трясутся над своими деньгами. Я сообразил, что богатство не вечно, и тогда у меня родилась мысль пограбить их и тем привести их в более естественное состояние. Я решил пойти по пути, проложенному Карнисутом, автором научного трактата о воровстве. Не долго думая, я пошел в игорный притон и сошелся с профессиональными игроками-шулерами. Тут я стал наблюдать за их необычайным искусством во всех двадцати пяти приемах азартной игры — за их трудноуловимыми плутнями с фигурами, бросаемыми на поле, за устройством самого поля, за передергиванием руками и за другими способами. Вследствие этих плутней все время слышны были упреки, сопровождаемые оскорбительными выражениями. Некоторые выходили из себя и угрожали жизни шулеров. Тогда вмешивался содержатель притона, и, применяя то дипломатию, то силу, то решительность, ему удавалось достигать соглашения, по которому выигравший получал-таки обещанную ставку. Тут пускались в ход мирные средства по отношению к сильным, угроза по отношению к слабым, искусно составлялась партия, путем всякого рода обманов доказывалось, что ставка была не та, а другая. Тут же выказывалось великодушие в раздаче выигранных денег, и при этом сыпались громкие восклицания и непристойные слова. Я жадно следил за этим и многим другим, что тут творилось, и мое сердце игрока не могло вдоволь насытиться всем этим зрелищем! Но вот один из игроков случайно неверно сходил фигурой, и я невольно усмехнулся. Его противник, как бы желая сжечь меня своими покрасневшими от гнева глазами, посмотрел мне прямо в глаза и крикнул: «Ага! Разве я не вижу, почему ты смеешься? Ты учишь его, как следует играть! Но бог

с ним, этим неумелым игроком! Вот ты, видать, опытный, я сначала хочу поиграть с тобой!»

С разрешения наблюдавшего за игрою человека он переменил место. Я обыграл его на шестнадцать тысяч динариев *. Половину этой суммы я поделил между содержателем игорного дома и его слугами, а другую половину оставил себе и встал. Когда я прекратил игру и щедро рассчитался с хозяином, присутствующие игроки с интересом смотрели на меня и отзывались с одобрением. Снизойдя на усиленные просьбы хозяина, я тут же и в его доме устроил роскошный праздничный пир. А мой противник, который вовлек меня в игру и которого я обыграл, по имени Вимардак, сделался самым близким мне другом, как бы вторым моим сердцем. Из его уст я разузнал о богатстве, занятиях и порядках всего решительно города. Однажды темною ночью, когда тьма была настолько густою, что, казалось, видишь перед собою темно-синее горло бога Шивы *, я надел темную одежду, накинул на себя темного цвета плащ, опоясался острым мечом и, взяв с собою все инструменты для взлома и прочие принадлежности воровского искусства, вышел из дому. У меня были с собой и лопата, и свисток, и щипцы, и сделанная из дерева голова человека для отвлечения внимания при взломе, и магический порошок, и магическая лампа, при свете которой весь горизонт кажется наполненным ползущими змеями, и мерный шнур, и веревка с крюком, и коробка с мухами, летящими на свет, для незаметного тушения лампы, и многое другое. Проделав дыру в стене дома одного известного богача, я через маленькое отверстие, величиной с щель в оконной решетке, внимательно рассмотрел все, что происходило внутри дома. Затем безо всякого затруднения я вошел туда, как в свой дом, и, забрав оттуда весьма значительное богатство, вышел на улицу. Вдруг блеснул какой-то свет. Казалось, то молния сверкнула из тучи посреди главной улицы, густо наполненной жирною тьмою, как будто массой черных туч. Передо мною внезапно очутилась неизвестная молодая женщина, сверкнувшая своими драгоценными украшениями. Казалось, то богиня-покровительница города, разгневанная тем, что тут совершена кража, вышла на главную улицу в то время, когда на ней нет народа.

«Голубушка, кто ты? Куда направляешься?» — сказал я с сочувствием. Она дрожащим от волнения голосом отвечала: «О благородный! В этом городе живет один богатый купец, по имени Куберадатта, я его дочь. Как только я родилась, отец мой сразу же обещал отдать меня в жены некоему Данамитру, сыну здешнего же богатого человека. Он оказался очень великодушен и щедр. После смерти своих родителей он путем раздачи своих денег приобрел от бедняков их собственную бедность и сделался, таким образом, бедняком сам. За это благодарный народ дал ему второе славное прозвище — Ударак, то есть «Великодушный». Когда я подросла, он посватался за меня, но отец не отдает меня ему по

той причине, что он беден, и хочет теперь меня отдать какому-то другому богатому коммерсанту, по имени Артапати, то есть «Владелец богатств», что и соответствует действительности. Говорят, что эта несчастная для меня церемония должна состояться сегодня утром. Узнав об этом, я назначила свидание своему возлюбленному, обманула своих домашних и иду к нему в дом по пути, по которому идет молодость в сопровождении волнующего душу бога любви. Поэтому прошу, не задерживай меня, возьми себе вот эту вещь».

С этими словами она сняла с себя драгоценное украшение и подала его мне. Я пожалел ее и сказал: «Иди за мной, моя хорошая! Я сведу тебя в дом твоего возлюбленного». Мы пошли, но не успели сделать трех-четырех шагов, как наткнулись на значительный отряд городской стражи, вооруженной копьями и саблями. При этом густая тьма рассеялась от света их фонарей. Как только я их заметил, я сказал молодой девушке, которая задрожала от страха всем телом: «Не бойся, дорогая! В руке у меня меч, я бы мог сразиться с ними. Но из внимания к тебе я придумал другой, мирный исход. Я буду лежать на земле, изображая предсмертные корчи человека, ужаленного змеею, а ты им скажи: ,,Мы вошли ночью в этот город; это мой муж, змея ужалила его вот тут, около угла этого общественного здания. Не умеет ли кто из вас заговаривать от змеиного укуса? Пусть он пожалеет меня, вернет жизнь моему мужу и спасет также мою жизнь, иначе я останусь без супруга и должна буду погибнуть“».

Иного исхода не было. Молодая женщина прерывающимся от страха голосом, проливая потоки слез, дрожа всем телом, с большим усилием подошла к стражникам и сделала так, как я велел. Я же лежал, изображая человека, зараженного ядом. Тогда один из стражников, который воображал себя врачом, внимательно рассмотрел меня, стал действовать мистическими сложениями пальцев, магическими формулами, заговорами, молитвами и прочим, но, не добившись никакого результата, сказал: «С ним все кончено! Его ужалила смерть в образе змеи. Действительно, тело закоченело и почернело, взор погас, совершенно прекратилось дыхание. Полно горевать, голубушка! Завтра тело его будет сожжено. Никто не может избежать своей судьбы!» Сказав это, он вместе со всею стражей удалился.

Тогда я встал и отвел ее к Данамитру, ее великодушному жениху, и сказал: «Я простой вор! А она шла к тебе на свидание, причем единственной охраной служило ей сердце, в тебя влюбленное. Встретив ее по пути, я пожалел ее и привел ее к тебе. Вот ее украшение!» С этими словами я передал ему ту вещь, которую она мне дала, причем она рассекла окружавшую густую тьму лучами своего блеска.

Великодушный Данамитр принял ее и обратился ко мне с речью, в которой слышались и стыд, и восторг, и смятение: «О благород-

ный! — сказал он.— Не кто другой, как ты, даровал мне в эту ночь мою возлюбленную, но зато ты же отнял у меня дар слова. В самом деле, я не знаю, какими словами назвать то, что ты для меня сделал. Если я скажу, что ты сделал почти удивительное, то это будет неверно, так как не может тебе показаться удивительным то, что для тебя является совершенно естественным! Если я скажу, что этого никто еще никогда не делал, что этими словами ничего не будет сказано, так как ведь всякое дело имеет свое значение в себе самом, а не в сравнении с другими поступками: ведь не могут же у тебя быть чужие жадность и тому подобные качества — важно не сравнение твоего поступка с другими, а то, что он представляет сам по себе. Скажу ли я, что сегодня обнаружилось, какая в тебе была доброта, опять это не будет верно, так как это может быть несправедливым по отношению к прежним твоим великим подвигам! Скажу ли я, что теперь я наконец увидел непосредственно само великодушие,— опять я не могу этого сказать, так как, не зная твоих намерений, я не в состоянии решить, что ты сделал. Если я скажу, что этим благодеянием ты купил меня, твоего отныне раба, то это будет звучать упреком в недостатке сообразительности, так как выйдет, что ты малоценную вещь покупаешь за страшно дорогую цену. Если же я выражусь так: «За то, что ты подарил мне мою невесту, я отдаю тебе себя самого», то выйдет, что я готов одарить тебя тем, что также от тебя получил, так как, если бы я не получил своей невесты, я, наверное, умер бы, следовательно, ты также подарил мне и мою собственную жизнь. Но вот что будет совершенно верно — это то, что с сегодняшнего дня я становлюсь твоим слугой и отдаюсь под твое покровительство!» Закончив свою речь, он припал к моим ногам.

Подняв его, я прижал его к своей груди и сказал: «Друг! Что ты теперь будешь делать?» Он отвечал: «Не могу я без согласия ее родителей жениться на ней и жить здесь. Поэтому я думаю этой же ночью покинуть эту страну. Но что значит мое мнение? Как ты прикажешь, так я и поступлю».

Тогда я сказал: «Конечно, это так, своя ли родина или чужая сторона, не все ли это равно для человека ловкого! Однако вот в чем дело: невеста твоя очень нежное существо, путешествие же через пустынные местности утомительно и полно всяких опасностей. Кроме того, такое бегство без крайней необходимости представляется мне каким-то недостатком находчивости и смелости. Поэтому я полагаю: живите-ка вы оба с нею преспокойно здесь. Поди, отведи ее обратно к ней домой». Тот без колебаний согласился, и мы тотчас же отвели ее обратно домой. Тут она, кстати, послужила нам в качестве соглядатая: через нее мы узнали все, что находилось в доме, и обокрали его дочиста. Остались там одни лишь глиняные горшки. Выйдя оттуда, мы сначала спрятали все награбленное в укромном месте и затем пустились бежать, так как показалась

городская стража. В стороне у дороги оказался взбесившийся и лежавший связанным слон. Мы сбросили на землю сидевшего на нем погонщика и вскочили на слона. В то самое время, как я распутал веревку, привязывавшую обе передние его ноги к цепи на его шее, он, поднимаясь, ударил бивнем лежавшего в стороне на земле погонщика и попал ему в мощную его грудь, после чего громадные клыки слона оказались обвитыми кишками погонщика. При помощи этого слона мы рассеяли отряд городской стражи. По дороге мы воспользовались тем же бешеным слоном, чтобы повредить дом Артапати, второго жениха Кулапалики, дочери Куберадатты. Направив его затем в сторону, мы попали в какой-то запущенный сад и, подъехав к дереву, схватились за его сучья. Слон убежал, а мы спустились на землю. Затем мы вернулись домой, выкупались и улеглись спать.

Волшебный кошелек

Между тем из океана поднялся солнечный круг и засиял сначала красным светом, как корона из рубинов на величественной горе востока, а затем стал желтеть, как громадный букет золотых цветов райского дерева *. Мы встали, умыли наши лица, совершили все утренние обряды и пошли блуждать по городу, который оказался в большом возбуждении по поводу краж, нами совершенных; мы слышали, как шумели у себя дома жены богачей. Между тем Артапати возместил Куберадатте, которого мы обокрали, все, чего он лишился, и в благодарность за это тот назначил свадьбу своей дочери Кулапалики с ним через месяц.

Тогда я придумал другой план действий. Оставшись наедине с Данамитром, я стал наставлять его так: «Друг мой! Пойди-ка ты к царю Бенгальскому и покажи ему наедине этот вот волшебный кожаный мешок и скажи ему следующее: ,,Царь, ты, наверное, знаешь меня, Данамитра, единственного сына Васумитры, который имел капитал в несколько десятков миллионов. Я потерял весь этот капитал, почему даже беднота стала меня презирать. Пока росла Кулапалика, дочь Куберадатты, она предназначалась в жены именно мне. Но когда я обеднел, то это оказалось таким страшным недостатком, что Куберадатта не хочет теперь отдать мне дочь, а отдаст ее Артапати. В отчаянии я решил покончить с собой. С этой целью я удалился в запущенный пригородный парк и уже занес кинжал над горлом своим, когда меня остановил какой-то волосатый отшельник и спросил: ,,Что побуждает тебя к этому отчаянному шагу?“ Я отвечал: ,,Бедность и ее родная сестра обида“. Он, очевидно, пожалел меня и милостиво продолжал: ,,Родной

мой! Ты неразумен. Нет большего греха, чем самоубийство. Хорошие люди умеют выходить из затруднений, не нанося самим себе вреда. Много есть различных способов приобретения денег, но нет ни одного способа, которым можно было бы прирастить отрубленную от тела голову и вернуть себе жизнь. Какой смысл лишать себя жизни? Вот я обладаю волшебной силой заговоров. Благодаря ей я создал этот вот волшебный кожаный мешок. По его милости я немалое время прожил в Камарупе *, давая людям все, чего бы они ни пожелали. Когда же подошла завистливая старость, я пришел сюда с намерением в этой именно стране спуститься в подземный рай. Возьми мешок себе. Свойства его таковы: кроме меня он даст богатство только купцам и гетерам. Кроме того, тот, кто желает им пользоваться, должен возвратить все неправильно нажитое тем, от кого оно получено, а правильным путем нажитое раздать богам и браминам. После этого надо поместить мешок на чистом месте и молиться и почитать его как божество. Тогда он каждое утро окажется наполненным золотом. Вот закон его действия".

Я сложил ладони и поклонился ему, а он передал мне вот этот мешок и затем проник в какую-то щель между камнями и ушел под землю. Я решил, что не имею права пользоваться этим волшебным мешком без ведома правительства, и потому принес его сюда. Дальнейшее зависит от тебя, царь!" На это он, наверное, ответит так: „Друг мой, я очень рад, ступай и пользуйся своим мешком сколько хочешь". Тогда ты опять обратись к нему с просьбой сделать распоряжение, чтобы никто не смел украсть его. И на это он, несомненно, согласится. После этого ты вернись домой, раздай все свое имущество согласно указанному правилу, днем постоянно оказывай мешку всяческое почтение, ночью наполняй его украденными деньгами, а утром будешь показывать его народу. Тогда Куберадатта, жадный на деньги, ни во что не будет ставить Артапати и сам предложит тебе свою дочь Однако раздосадованный этим и гордый своим богатством Артапати начнет против тебя враждебные действия. Мы же в ответ сумеем всякими способами достичь того, что у него, кроме необходимого куска одежды, никакого имущества не останется. А наши грабежи благодаря этой именно уловке останутся покрытыми глубокой тайной». Данамитр был в восторге от этой выдумки и начал действовать так, как ему было сказано.

В этот самый день Вимардак, с которым я познакомился в игорном доме, по моему наущению поступил на службу к Артапати и стал, согласно моим указаниям, еще более разжигать вражду его к великодушному Данамитру. Жадный на деньги Куберадатта, отвернувшись от Артапати, очень охотно сам стремился отдать свою дочь замуж только за Данамитра. Артапати же стал всячески этому противодействовать.

В эти самые дни было объявлено, что младшая сестра Камаманьджари, по имени Рагаманьджари, выступает с пением и танцами в зале городских собраний. Узнав это, избранная городская публика с большим интересом собралась слушать ее; очутился и я там вместе с моим другом Данамитром. Когда же Рагаманьджари появилась на сцене и начала танцевать, то сердце мое обратилось во вторые подмостки, на которых она также заплясала. Кокетливые взоры ее черных глаз обратились для меня в поле голубых лотосов, под которыми, спрятавшись, притаился бог любви. Вооружившись всей массой чувств и настроений, он принялся меня терзать выше всякой меры. Она предстала передо мной как богиня-покровительница города, разгневанная на меня за все кражи, которые я только что произвел, и заковала меня за это в цепи, состоящие из вереницы ее страстных взглядов, которые она бросала во все стороны и которые появились, образуя как бы ряд темных лепестков голубого лотоса, походивших на черные звенья цепей.

Окончив танец, она вся заблистала от достигнутого успеха, и что тут случилось, я просто не знаю: не то от кокетства, не то от овладевшего ею чувства, не то неизвестно почему она незаметно для окружавших ее танцовщиц, направляя глаза в мою сторону и кокетливо приподняв тонкие линии бровей, несколько раз взглянула прямо на меня, затем, раскрыв рот и показывая ряд белых, как лунный свет, зубов, она, улыбнувшись, сделала мне знак и, провожаемая глазами и сердцами публики, удалилась со сцены. Я же вернулся к себе домой, поглощенный страстью, с которой я не мог бороться. Под предлогом сильной головной боли я уединился. Чувствуя усталость и слабость во всем теле, я прилег на постель и лежал неподвижно. Тогда Данамитр, который был глубоким знатоком в делах любви и теоретически изучил науку о ней, подошел ко мне и стал мне таинственно шептать: «Друг! Счастлива в самом деле эта молодая гетера! Счастлива тем, что твое сердце так к ней привязалось. Я хорошо заметил, куда влечет чувство. Пройдет немного времени, и бог любви заставит ее страдать на ложе из его стрел. Так как вы подходите друг к другу, то ваша взаимная любовь, направленная на достойные друг друга лица, легко разрешится тем, что вы сойдетесь. Но вот что я слышал и что нужно иметь в виду. Хотя Рагаманьджари и принадлежит к касте гетер, но она не во всем следует законам своей касты. Ее благородное сердце полно высоких намерений, и она объявила: „Я отдам себя не за деньги, а за достойного человека! Ему я отдам руку. Иначе, как путем замужества, никто не насладится моей молодостью!“ Ее старшая сестра, Камаманьджари, и мать Мадавасена много раз

старались удержать ее от такого решения, но, не достигнув никакого результата, решились в конце концов обратиться к царю, и, удерживая подступавшие к горлу слезы, они обе стали ему жаловаться: „О царь! Твоя верноподданная Рагаманьджари отличается всеми достоинствами: ее талант, ее характер, ее познания не уступают ее красоте, мы сильно надеялись, что благодаря ей все наши желания будут осуществлены. Эта надежда теперь в корне подрезана. Она, пренебрегая законами своей касты, отказывается от денег и желает отдать свою молодость только достойному человеку. Она непоколебимо желает следовать только примеру честных женщин. Если ты, царь, всемилостивейше распорядишься вернуть ее в прежнее состояние, то окажешь нам этим трогательное внимание".

Вследствие этой просьбы царь старался повлиять на Рагаманьджари, уговаривая ее подчиниться своей семье, но она осталась совершенно непреклонна. Тогда ее сестра и мать опять обратились к царю и, не переставая рыдать, сказали: „Если какой-нибудь ловелас помимо нашего согласия обманет и погубит нашу молодую красавицу, то пусть он будет осужден как за воровство и казнен". Царь на это согласился и такое распоряжение сделал. При таком положении дела семья ни за что не согласится отдать ее иначе, как за деньги, она же никогда не согласится связать себя с тем, кто за нее дает деньги! Следовательно, чтобы добиться успеха, нужно тут придумать какую-нибудь хитрость!» В ответ на эти слова Данамитра я сказал: «Чего тут думать! Ее мы увлечем своими достоинствами, а семью тайком удовлетворим деньгами!»

Тогда я завел дружбу с некоей Дармаракшитой, буддийской монахиней, которой Камаманьджари преимущественно пользовалась для посылок. Одарив ее одеждой, пищей и другими подарками, я привлек ее на свою сторону и через ее посредство заключил с этой жадной гетерой тайный торг: «Я обязуюсь украсть у Данамитра волшебный кошелек и отдам тебе, если в ответ на это получу Рагаманьджари». Она согласилась, и дело устроилось. Она получила волшебный кошелек, а Рагаманьджари, которой я сумел страшно понравиться, вышла за меня замуж.

И вот вечером, накануне той самой ночи, в которую по нашему соглашению я якобы должен был украсть кошелек у Данамитра, мой тайный агент Вимардак, который тем временем подружился с Артапати и выдавал себя за его домашнего друга, в присутствии старейшин города, собравшихся по другому поводу, но слышавших его слова, стал громко поносить Данамитра и угрожать ему. На это тот отвечал: «Друг мой! Тебе-то что за дело? Из-за чужого дела ты меня тоже ругаешь! Я не припомню, чтобы я когда бы то ни было сделал тебе хотя бы малейшую неприятность!» Но Вимардак, продолжая угрожать, сказал: «Вот это называется гордиться своим богатством! Чужую жену, за которую уже уплачен выкуп, ты, соблазнив ее родителей деньгами, хочешь взять себе! И еще спрашиваешь, сделал ли ты мне когда-либо неприятность!

Разве не всем известно, что Вимардак и коммерсант Артапати одно и то же? За него я отдам жизнь. Ради него не остановлюсь, если нужно будет, перед убийством брамина! Стоит мне не поспать одну ночь, и я сумею расправиться с твоим лихорадочным высокомерием, основанным на обладании волшебным кошельком!» Как только он произнес эти слова, городские старейшины, услышав их, гневно приказали ему замолчать и прогнали его прочь.

Об этом происшествии Данамитр доложил царю. Сначала он с притворным горем рассказал об исчезновении волшебного кошелька, а затем под этим предлогом намекнул на то, что Вимардак похвалялся украсть его, очевидно, для того, чтобы передать Артапати. Тогда царь пригласил к себе Артапати и стал его расспрашивать: «Скажи-ка! Есть у твоей милости какой-то друг, Вимардак по имени?» Он же, ничего не подозревая, ответил: «Есть, царь! Это мой лучший друг! Разве он тебе нужен?» На это царь сказал: «А можешь ли ты его призвать сюда?» — «Конечно, могу!» — ответил Артапати и пошел за ним. Но ни в своем дому, ни в квартале, населенном гетерами, ни в игорных домах, ни на базаре, нигде не мог его найти, несмотря на самые тщательные розыски. Да и как было найти этого прожженного человека? Я ведь в тот же день отправил его в Уджаини *, сообщив ему признаки, по которым он мог тебя, царь, узнать, и поручил ему тебя разыскивать. Артапати же, не найдя его и боясь, что совершенная им кража кошелька будет приписана ему самому, не то по глупости, не то из страха стал все отрицать и впал в противоречия. Когда же Данамитр установил, как все было, царь разгневался, приказал того схватить и заковать в цепи.

В эти самые дни Камаманьджари, намереваясь использовать волшебный кошелек тем способом, который был непременным правилом для его действия, секретно пришла к Вирупаку, которого она обобрала раньше и превратила в нищего. Она вернула ему все вещи и деньги, от него полученные, и весьма скромно, со многими извинениями, вернулась домой. Под моим влиянием он, хотя с большим трудом, освободил свою душу от дьявольского наваждения аскетических учений и, весьма довольный, вернулся в лоно своей собственной касты.

Между тем Камаманьджари в надежде воспользоваться чудодейственным кошельком в несколько дней раздала все свое имущество и осталась с одним лишь домашним очагом. Тогда Данамитр по моему поручению секретно донес царю следующее: «Царь! Гетера Камаманьджари, которую весь свет порицал за жадность, говоря, что ее нужно называть не Камаманьджари, то есть „Цветок любви“, а Лобаманьджари, то есть „Цветок жадности“, теперь без всякого сожаления раздает свое имущество и даже домашнюю утварь вплоть до ступки и ручных жерновов. Я подозреваю, что причина этого та, что в ее руки попал украденный у меня чудодейственный кошелек; ведь правило, которому подчинено его дей-

ствие, заключается в следующем: он действует только в пользу купцов и гетер, но не в пользу людей прочих каст. И это его свойство известно. Поэтому-то мое подозрение и падает на нее».

Тотчас же царь призвал ее к себе вместе с матерью. Я же, представившись побледневшим от испуга, тайком пробрался к ним и сказал: «Вот что, уважаемая! Очень уж ты открыто раздала все свое имущество. Наверное, на тебя падает подозрение в краже волшебного кошелька. Царь вызывает тебя для допросов по этому делу. И если он настойчиво и повторно будет у тебя выпытывать, дело, наверное, кончится тем, что ты выдашь меня и укажешь на меня как на источник, откуда ты получила волшебный кошелек. Затем я, несомненно, буду казнен. Если же я умру, то и сестра твоя меня не переживет, ты теперь останешься нищей, а волшебный кошелек перейдет в обладание Данамитра. Итак, это несчастье со всех сторон связано с дальнейшими превратностями. Нельзя ли придумать против него какое-нибудь средство?»

Тогда она и мать ее расплакались и сказали: «Правда, правда! По нашей глупости тайна наша почти совсем открыта. Царь будет допрашивать настойчиво. Два, три или четыре раза мы ответим отрицательно, но в конце концов, наверное, укажем на тебя как на источник украденного кошелька. А раз ты будешь выдан, все наше семейство будет разорено! Между тем сильное подозрение в совершении кражи уже лежит на Артапати, а связь этого дрянного человека с нами известна по всей столице бенгальской. Поэтому лучше сказать, что кошелек мы получили от него, и спасти себя таким путем от всех угрожающих нам бед».

Заставив меня согласиться, они вдвоем пошли во дворец. На вопрос царя они отвечали: «Царь, не принято, чтобы семья гетеры указывала на того, от кого она получает деньги. Ведь мужчины не тратят честным путем добытые деньги на продажных женщин!» Царь же несколько раз настойчиво требовал сознания, затем стал их пугать казнями, намекал на то, что им отрежут носы и уши. Тогда эти прожженные дряни указали на того же несчастного Артапати, и он был уличен в краже.

Разгневанный царь намеревался уже наказать его лишением жизни, но тот же Данамитр удержал его от этого. Представ перед ним со сложенными в знак просьбы ладонями, он сказал: «Владыка! Цари из династии Маурья * даровали эту привилегию купцам: за подобные преступления они не подвергаются смертной казни. Если ты разгневался, то лиши этого преступника всего его имущества и удали его в изгнание». Вследствие этого поступка слава о Данамитре, которого раньше называли Удараком, то есть «великодушным», сильно распространилась. Остался таким великодушием доволен и царь. Артапати же, столь гордившийся своим богатством, был изгнан из города перед лицом всех горожан почти голый, имея как остаток от всего своего имущества лишь только старую тряпку вместо одежды. Некоторая часть его имущества была милостиво

подарена царем по совету Данамитра несчастной Камаманьджари, которая под ложным обаянием волшебного кошелька лишилась всего своего имущества. Данамитр же, разделавшись таким образом со своим соперником и выждав счастливый день, обвенчался с Кулапаликой. Когда таким образом весь мой план увенчался успехом, я наполнил дом моей жены Рагаманьджари золотом и драгоценными каменьями.

И вот в этом городе дело окончилось тем, что вся богатая и жадная на деньги знать была мною до такой степени обокрадена, что должна была в конце концов стоять, прося милостыню, перед домами бедноты, превратившейся в богачей благодаря деньгам тех же самых прежних богачей, которые я у них отнял и раздал прежним беднякам.

Однако, видно, как бы ни был талантлив человек, он не в состоянии переступить через грань, предначертанную ему судьбою. Но вот это случилось. Однажды я должен был заняться успокоением ревности жены моей Рагаманьджари и любовно угощал ее вином. Она же, набирая полный рот вина, ласково переливала мне из губ в губы глоток за глотком, так что я почувствовал опьянение. И таково уж свойство как сумасшествия, так и опьянения, что люди в этом состоянии бросаются на те дела, к которым они привыкли, даже и тогда, когда это вовсе не уместно. В силу этого я в состоянии совершенного опьянения воскликнул: «В одну только ночь я превращу весь этот город в нищих и наполню твой дом богатством всего города!»

Не обращая внимания на сотни клятвенных заверений, просьб и поклонов перепугавшейся моей возлюбленной, как бешеный слон, в порыве порвавший цепи, сопровождаемый только одной старою мамкою по имени Шрингалика, без всякого особого снаряжения, вооруженный лишь одним мечом, я с величайшей поспешностью бросился вон из дому и сразу наскочил на отряд городской стражи, который шел прямо на меня. Без всякого страха я вступил с ними в борьбу. Они, подумав, что я вор, бросились на меня. Я же сравнительно спокойно, как бы играя, ранил двух или трех стражников, но затем меч выпал из моей ослабевшей от опьянения руки, и я, пораженный, вращая покрасневшими глазами, упал на землю. Тотчас же Шрингалика, испуская жалобные вопли, подошла ко мне. Тем временем враги мои меня связали. Несчастье изгоняет хмель, и я сразу пришел в себя. Моментально счастливая мысль осенила меня, и я стал рассуждать: «О горе! То, что случилось из-за моего безрассудства,— великое несчастье! Всем известна моя дружба с Данамитром и моя женитьба на Рагаманьджари. Моим преступлением и они будут задеты; завтра, несомненно, и они будут схвачены. Поэтому вот что мне приходит в голову. Если мой план удастся, то благодаря моим стараниям оба они будут спасены. Быть может, план этот приведет также и к моему спасению». Установив про себя определенный план действия, я вслух

сказал Шрингалике: «Убирайся прочь, старуха! Будь ты проклята! Это ты свела меня с жадной и прожженной гетерой Рагаманьджари через посредство Данамитра, притворившегося моим другом, в действительности же бывшего моим врагом! Он сходил с ума из-за желания обладать волшебным кошельком. Пусть меня казнят, но я с радостью расстанусь с жизнью, после того как я лишил преступного Данамитра волшебного кошелька и отобрал у твоей дочери все ее драгоценные украшения!»

Старуха была в высокой степени сообразительна и поняла сразу мой намек. Со слезами, прерывистым голосом, молитвенно сложив ладони, она с поклонами обратилась настойчиво к стражникам. Стараясь расположить их к себе, она при мне стала их упрашивать: «Дорогие мои! Подождите минутку, пока я расспрошу у него обо всем нашем имуществе, которое он украл». Получив от них разрешение, она снова подошла ко мне и сказала: «Милый! Прости Рагаманьджари, твою покорную слугу; это ведь одно-единственное ее преступление. Пусть Данамитр привлечет на себя весь твой гнев, он, конечно, обесчестил твою жену, но не забудь, как долго и верно тебе служила твоя верная раба Рагаманьджари. Она заслужила того, чтобы ты ее простил. Драгоценности ведь составляют весь капитал женщин, которые живут за счет своей красоты. Скажи поэтому, куда ты спрятал ее драгоценности!» При этих словах она упала к моим ногам. Сжалившись над ней, я сказал следующее: «Пусть будет так! Стоит ли мне преследовать ее своей злобой, когда мне грозит смерть!» И, делая вид, что я говорю ей, куда спрятаны драгоценности, я стал на ухо сообщать ей свой план спасения. Поступай так-то и так-то, говорил я. Она же, сделав вид, что достигла своей цели, воскликнула: «Живи дольше! Да будут боги к тебе милосердны! Но пусть его величество, царь Бенгала, который так ценит мужество, освободит тебя! Пусть и эти добрые люди пожалеют тебя». С этими словами она моментально удалилась. Я же по приказанию начальника отряда городской стражи был отведен в тюрьму.

ТЮРЬМА

На другой день меня посетил в тюрьме начальник полиции. Это был молодой человек по имени Кантак, только что занявший должность по наследству после смерти отца; не вполне еще созревший человек, с юношеским самомнением, считавший себя очень популярным и много мнивший о своей наружности. Войдя, он без видимой причины выругался, а затем обратился ко мне: «Если ты

не вернешь владельцу украденный у Данамитра волшебный кошелек или если ты не вернешь обитателям города украденные у них вещи, то ты познаешь все восемнадцать видов пытки, вплоть до самой последней, а затем увидишь лицо смерти».

Я же в ответ улыбнулся и сказал: «Если бы даже я вернул все то, что я с самого своего рождения наворовал, я все-таки не хотел бы осуществить надежду Данамитра, который под личиною друга был моим врагом и отнял жену у Артапати, на возвращение ему волшебного кошелька. Я ни за что его не отдам и готов скорее перенести тысячи пыток. Это мое весьма твердое решение». И затем в том же самом порядке происходил ежедневный мой допрос. То он меня уговаривал, то угрожал. Между тем я, получая соответствовавшие моему состоянию пищу и питье, в несколько дней вылечился от ран, и ко мне вернулось прежнее мое здоровье.

Затем как-то однажды, когда день склонялся уже к вечеру и блеск солнца побагровел, как верхняя одежда всесильного бога Вишну, посетила меня Шрингалика, с радостным лицом, в новой, красивой одежде. Оставив сопровождавших ее людей в отдалении, она подошла ко мне и сказала: „О благородный! Поздравляю! Твой план оказался хорошим, и он удался. Как ты мне приказал, так я и поступила: я обратилась к Данамитру и сказала ему следующее: „О благородный Данамитр! Вот в какую беду попал твой друг. Он велел тебе передать, что сегодня он под влиянием опьянения, до которого легко дойти, когда вращаешься в обществе гетеры, оказался заключенным в тюрьму. Ты же ничего не бойся, ступай прямо к царю и говори ему так: «О царь! По твоей милости я уже раз получил обратно волшебный кошелек, который Артапати у меня украл. Но вот какой-то опытный шулер, супруг гетеры Рагаманьджари, человек необыкновенно ловкий в разного рода искусствах, к тому же талантливый стихослагатель и знаток практической жизни, сумел ко мне подделаться и стал моим другом. Знакомство с ним повело к тому, что я стал ухаживать за его женой и ежедневно посылаю ей подарки, платья, драгоценности и тому подобное. И вот этот плут в низкой своей душе заподозрил мои намерения. Разгневавшись на меня, он похитил у меня волшебный кошелек и ящик с драгоценностями своей жены. Продолжая скитаться по городу в целях совершения краж, он был схвачен городской стражей. Когда он очутился в таком незавидном положении, то к нему со слезами на глазах подошла служанка Рагаманьджари. Под влиянием старого к ней расположения он выдал ей место, куда он запрятал ящик с драгоценностями Теперь я прошу тебя, о царь! Всемилостивейше распорядись поступить так, чтобы он путем искусной политики был вынужден вернуть мне волшебный мой кошелек». Если представить царю дело в таком виде, то он не лишит его жизни, а будет стараться путем уговоров заставить его вернуть тебе твое достояние. А это как раз то, что нам требуется!“

Как только он это услышал, то, доверяя твоему уму, он не особенно перепугался, а поступил так, как было ему сказано. Затем я, следуя указанному тобою пути, завела дружбу с некоей Мангаликой, бывшей нянькой царской дочери, которую зовут Амбаликой. От Рагаманьджари я на основании сообщенного тобою условного знака получала все, что хотела, и подносила эти вещи царской няньке. Пользуясь ею как посредницей, я добилась того, что между Рагаманьджари и царской дочерью Амбаликой завязалась тесная дружба. Принося ей ежедневно все новые и новые подарки, рассказывая ей о всяких происшествиях, а также рассказывая пленявшие ее воображение новости, я сделалась ее наперсницей.

Однажды произошла такая сцена. Царская дочь находилась на верхней террасе дворца. Я подошла к ней и поправила цветок лотоса, который она носила в виде украшения за ухом, хотя он и был совершенно на своем месте. При этом я сделала вид, что из-за моего неловкого движения цветок упал на пол. Я подняла его. В это самое время смотритель тюрьмы Кантак по какому-то делу находился во дворе дворца и подошел к стенам женской половины. Тогда я сделала вид, что хочу разогнать парочку голубей, которые занялись взаимною любовью, рассмеялась, бросила как бы в них цветком, но попала им как раз в тюремного начальника. Он почувствовал себя необычайно счастливым и поднял кверху свое улыбающееся лицо. Царская дочь рассмеялась моей шутке, а я незаметным образом ловко сделала ему такой знак, чтобы он мог вообразить, что движения царевны, которые действительно могли показаться очень кокетливыми, вызваны чувством, которое он ей внушал. Бог любви, в мечтах рожденный, натянул свой лук и ранил тюремщика стрелой с отравленным наконечником. Совершенно одураченный, он долго не мог уйти из дворца домой. В тот же день вечером я взяла корзиночку с вензелем царевны, положила в нее надушенные пакетики специй, завернутых в листья бетелевой пальмы *, два шелковых платка и кое-какие драгоценности, велела девочке нести ее за собой и пришла к дому Кантака, говоря, что эта корзина будто содержит подарки для Рагаманьджари от царевны. Он утонул в глубоком океане любви. Увидав во мне корабль спасения, он страшно обрадовался. Я стала ему расписывать страшное любовное томление царевны, и он, глупец, окончательно лишился ума, стал просить меня, чтобы я и ему принесла от царевны такие вещи, какие она посылает Рагаманьджари, и на следующий день я принесла ему красную помаду, состоявшую в действительности из остатков бетелевых пакетиков, которые я сама жевала, и цветы увядшие, и грязный шелковый платок. Его же ответные подарки я принимала якобы для того, чтобы передать их царевне, в действительности же бросала их, конечно, незаметно для него.

Когда этим путем он был доведен до такого состояния, что совершенно сгорал от любви, я, оставшись с ним наедине, стала его уговаривать: „О благородный! — говорила я.— Признаки кото-

рые я вижу на твоем теле, не могут никого обмануть. Дело в том, что один прорицатель, живущий по соседству со мною, сделал такое указание: «Царская власть в этой стране попадет в руки Кантака, таковы признаки на его теле». Вот согласно с этим и случилось то, что царская дочь в тебя влюбилась. У царя же, кроме нее, нет других детей. Когда он узнает о любовной ее связи с тобой, он, конечно, разгневается; но из боязни, что дочь его может умереть, он тебя не лишит жизни, а, напротив, сделает тебя своим наследником. И вот таким образом одна счастливая случайность будет иметь своим последствием другую. Скажи, дорогой мой, разве все это не чудесно? Если же ты не имеешь другого способа проникнуть в комнаты царевны, то ведь расстояние между стеною тюрьмы и стеною сада, примыкающей к женской половине, не превышает трех саженей. Ты можешь заставить какого-нибудь ловкого человека из числа служащих в тюрьме прокопать подземный ход. А раз ты попадешь в сад, то уж дальнейшая забота о твоей безопасности будет лежать на мне. Приближенные царевны очень ей преданы и ни за что не выдадут тайны».

На это он ответил: „Верно, дорогая! Я понял! Есть у меня в тюрьме один вор. В деле копания подземных ходов он равен любому из сыновей Сагары *. Если его заинтересовать в этом деле, то он моментально все устроит".— „Кто это такой? — спросила я.— Отчего же ты его не привлечешь на свою сторону?" — „Это тот самый вор, который украл известный волшебный кошелек у Данамитра".

Таким образом, он прямо указал на тебя. Если это тот,— сказала я,— то принимайся за дело, заключи с ним клятвенное условие, что ты, чего бы тебе это ни стоило, освободишь его, как только он исполнит порученное ему дело. А когда дело будет сделано, ты снова посадишь его в тюрьму и доложишь царю, что ты всякими способами старался уговорить вора указать местонахождение волшебного кошелька, но он страшно упрям и до такой степени сильно ненавидит Данамитра, что ни за что не хочет этого сделать. После того ты замучаешь его пытками и казнишь. Таким образом цель будет достигнута и тайна сохранена". Весьма обрадованный, он со мною согласился и мне же поручил переговорить с тобой, заинтересовать тебя в деле. Он стоит за дверьми. Что дальше делать, ты рассуди сам».

Я был весьма доволен всеми действиями Шрингалики и сказал: «Исключительно благодаря твоей ловкости достигнут столь значительный результат! Мои слова не много значат! Приведи его!» Она привела начальника тюрьмы, и тот клятвой подтвердил обещание освободить меня; я же поклялся никому не выдавать тайны. Я был освобожден от цепей, получил возможность вымыться, поесть и умастить свое тело мазью, после чего я принялся за работу и проделал лопатой подземный ход, начав его в том углу тюремной стены, который вечно был погружен во мрак.

Во время работы я размышлял так: «Он, конечно, поклялся

меня освободить, сам же замыслил меня убить. Поэтому если я его убью, то ко мне не пристанет грех ложной клятвы». И вот, когда я вышел обратно из проделанного мною подземного хода и когда он протянул руку, чтобы вновь надеть на меня цепи, я ногою ударил его в грудь и, когда он упал, выхватил у него его же меч и отрубил ему голову. Затем я стал расспрашивать Шрингалику: «Скажи, дорогая, как расположены комнаты терема? Я не хочу, чтобы весь мой труд под землей оказался напрасным. Я что-нибудь там утащу и вернусь!» Она рассказала мне, где расположена спальня царевны. Я проник туда, и вот что представилось моим взорам. Светильники из драгоценных камней бросали свой свет, кругом лежали, заснув, усталые после всякого рода забав подруги царевны; она же лежала на ложе, ножки которого были выточены из слоновой кости в виде спящих львов и украшены массивными драгоценными камнями. Постель была из лебяжьего пуха, по краям ее были разбросаны цветы. Царевна лежала на боку так, что правая нога была закинута на левую и подошва правой пятки касалась верхней поверхности левой ступни, ее нежные щиколотки были слегка повернуты друг к другу, ее икры взаимно переплетались, ее нежные колени были слегка согнуты, слегка изогнуты были также и обе верхние части ее ног, одна рука грациозно и свободно падала на ее тело, а другая, с распростертыми нежными пальчиками, была согнута и подложена под голову, ее округлые бедра были немного изогнуты, легкая шелковая нижняя одежда плотно примыкала к ее телу, ее небольшой живот едва выдавался, ее крепкие груди, как не распустившиеся еще цветочные почки, подымались от глубокого дыхания, большой рубин, прикрепленный к цепочке из чистейшего золота, виднелся на ее прелестной, немного согнутой шее, украшение, висевшее на ее нежном ухе, виднелось наполовину, так как оно было прикрыто прелестной формой самого уха, зато другое ее ухо, обращенное кверху, было в драгоценных украшениях, которые пучками своих лучей бросали красный отблеск на ее косички,— переплетаясь в беспорядке, они свободно ложились на ее голове. От ее лица исходил такой сильный блеск, что едва можно было различить розового цвета отверстие между верхней и нижней ее губой. Кожа не ее щеках была гладка, как зеркало. Пальцы руки, прижатой к нижней щеке, оставили на ней отпечаток, и казалось, что это отражение тех украшений, которые висели на ухе, а гладкая, как зеркало, поверхность щеки, обращенная кверху, была как бы разрисована арабесками, которые представляли собою отражение цветных занавесей, висевших над кроватью. Ее продолговатые, похожие по форме на лепесток лотоса глаза были сомкнуты, похожие на ленты линии бровей были неподвижны, значок, нарисованный на лбу сандаловой мазью, разошелся и потерял форму под влиянием капель пота, которые выступили на ее лице. Отдельные пряди ее вьющихся волос падали на ее лицо, по живительному блеску своему

походившее на луну. Она спала с полной невинностью на боку, наполовину утопая в совершенно белом верхнем покрове постели. Она напоминала молнию, которая после продолжительного мерцания, усталая, как бы легла на подушки, состоявшие из светлых осенних облаков.

В таком положении я увидал царскую дочь. Не успел я рассмотреть ее, как во мне вспыхнула страстная любовь к ней, я стал осторожен, всякое желание похитить у нее что-либо пропало у меня, прежде всего потому, что она сама успела похитить мое сердце. Не зная, что делать, я на минуту приостановился и подумал: «Если я не добьюсь любви этой замечательной красавицы, то бог любви, друг весны, не позволит мне долее оставаться в живых. Если же без предварительного ее согласия я обниму ее, то она, будучи очень молодой, испугается, подымет крик, и, ясное дело, все мои надежды будут разбиты, и сам я погибну». Но вот какой я придумал выход. Взяв дощечку из слоновой кости, на которую нанесен был слой смолистой пасты, и из лежавшей тут же драгоценной шкатулки — кисть, я написал ее портрет в той позе, как она лежала на постели, и прибавил свой собственный портрет, в позе человека, припавшего к ее ногам. Внизу я подписал такие стихи:

Простирая к тебе руки в мольбе,
Я, вот этот верный твой раб,
Прошу тебя:
Спи, дорогая, но не так, как теперь!
Спи, отдыхая в объятьях моих,
Спи, отдыхая от ласки любви!

Затем из золотой шкатулочки я взял надушенный бетелевый пакетик, кусочек камфары и немного душистого экстракта катеху; пожевав все это, я воспользовался красной слюной и нарисовал на белой стене утку и селезня, за ней ухаживающего. После того я обменялся с нею кольцами и едва-едва мог заставить себя удалиться. Вернувшись подземным ходом в тюрьму, я нашел там сотоварища по заключению, одного из выдающихся граждан города, по имени Синхагош, с которым в последние дни подружился, и, рассказав ему все обстоятельства, при которых я убил начальника тюрьмы Кантака, я прибавил: «Итак, ты можешь выдать всю тайну о том, как Кантака вознамерился овладеть сердцем и рукой царской дочери, и этим путем можешь получить освобождение». Затем вместе с Шрингаликой я вышел оттуда. Но на главной улице мы наткнулись опять на отряд городской стражи, и она меня хотела схватить. Я подумал: «Конечно, я в состоянии убежать достаточно быстро, чтобы они меня не смогли поймать. Но тогда они схватят несчастную эту старуху. Поэтому вот мой план». Быстро бросившись прямо им навстречу, я остановился перед ними, повернулся к ним спиной, заломил за спину руки и сказал: «Если я вор, то вяжите меня, дорогие мои! Это ваше дело, а не дело этой старухи!»

Этих слов моих было достаточно, чтобы Шрингалика разгадала мой план. Она подошла к стражникам с поклонами и сказала: «Дорогие мои! Это мой сын, он сошел с ума, долго я его лечила, только вчера ум его как будто прояснился, и он стал совершенно здоров. У меня появилась надежда на полное выздоровление, я взяла его из тюрьмы, дала ему вымыться, умастить тело душистой мазью, надела на него пару новой одежды, накормила его молоком и выпустила на волю, так что он мог спать и проводить день где хочет. Но ночью с ним опять случился припадок сумасшествия. Он вдруг стал кричать: „Я убью Кантака и буду наслаждаться любовью дочери царя!“ Вырвавшись со страшною поспешностью, он бросился бежать по главной улице. Увидав, что сын мой в таком состоянии, я теперь, в такое время, бегу за ним. Будьте милостивы, свяжите его и отдайте мне».

Не успела она произнести с рыданиями эти слова, как я воскликнул: «Старуха! Разве бог ветра был когда-либо связан! Разве эти вороны могут схватить меня — ястреба? Простите мне мой грех!» — и побежал. Тогда стражники принялись ругать старуху, говоря: «Сама ты с ума сошла, если выпустила на волю такого человека, думая, что он уже здоров! Кто теперь его поймает?» Сопровождаемая насмешками стражников, она, рыдая, побежала за мной. Я же вернулся домой к Рагаманьджари и провел там остальную часть ночи, утешая ее всякими способами, так как, удрученная долгим моим отсутствием, она находилась в страшном волнении. Наутро же я нашел своего великодушного друга Данамитра.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

После всех этих приключений я опять вернулся к старцу Маричи. Он тем временем совершенно избавился от тяжелых последствий своей несчастной любви к гетере. С увлечением занялся он вновь религиозными подвигами, приобрел вновь прежние свои силы и, между прочим, божественную силу зрения. Я обратился к нему и от него узнал, что наше с тобой свидание, о царь, состоится в ближайшее время таким именно образом, как оно и произошло.

Во дворце же происходило следующее. Синхагош, мой товарищ по тюрьме, выдал царю замыслы убитого Кантака по отношению к его дочери, и в благодарность за это царь назначил его на освободившуюся должность начальника тюрьмы. Он неоднократно давал мне возможность проникнуть по тому же самому подземному ходу в комнату царевны. Она уже заочно была в меня влюблена

на основании тех известий, которые ей обо мне сообщила Шрингалика, и я сделался ее любовником.

Как раз в это время Чандаварман, разгневанный тем, что Синхаварман, царь Бенгальский, отверг его сватовство к царевне Амбалике, его дочери, пошел на него войной и осадил город. Царь Бенгальский был нетерпелив и, не дожидаясь, пока враг окончит все свои приготовления к нападению на город, сам вышел из городских стен ему навстречу и сразу вступил в бой с превосходящими силами неприятеля, не выждав прибытия близкой помощи. Произошло большое сражение, царь был ранен и взят в плен. Амбалика же была насильно схвачена. Чандаварман привел ее к себе домой, чтобы против ее воли жениться на ней. Само совершение обряда венчания он назначил, сказав: «Как только минует эта ночь, то и свадьба!» Но я на дому у Данамитра надел на руку венчальную повязку, также намереваясь обвенчаться с Амбаликой. Я сказал Данамитру: «Друг мой! Как раз теперь подошли все цари, состоящие в союзе с царем Бенгальским. Ты вместе с представителями города соединись с ними, но так, чтобы этого решительно никто не заметил, и находись при них наготове. Когда ты вернешься, то увидишь обезглавленный труп нашего врага». Он сказал: «Хорошо!» — и удалился. Я же отправился ко дворцу царя Чандавармана, который не подозревал, что ему уже немного осталось жить. Там я застал предпраздничную суматоху, доставлялись всякие принадлежности для предстоящего торжества, народ массами входил, выходил и шнырял во все стороны. Вместе с ними вошел и я, имея скрытый при себе кинжал.

Обряд совершался согласно ритуалу Атарваведы *. Духовенство нараспев декламировало священные гимны. Амбалика стояла перед священным огнем, и, когда она согласно обряду, должна была подать руку жениху, а тот собирался уже ее взять, я подошел, схватил его за толстую, как бревно, руку и ударил кинжалом в грудь. Несколько приближенных бросились к нему на помощь, но я также отправил их на тот свет. Затем я стал в этом дворце, который я усыпал трупами, разыскивать мою Амбалику и нашел ее, дрожавшую от волнения всем своим нежным телом. Я посмотрел прямо в ее прелестные большие глаза и, желая насладиться ее объятиями, вместе с нею пошел в спальню. В этот самый момент мне выпало на долю счастье, о царь, услышать голос твой, густой, как гром свежих весенних туч».

Выслушав этот рассказ, царь Раджавахана улыбнулся и сказал: «Ты своею неразборчивостью в средствах превзошел самого Карнисута!» Затем, взглянув на Упахаравармана, он сказал: «Рассказывай, теперь твой черед!».

Тот поклонился, улыбаясь, и начал.

Глава третья
ПРИКЛЮЧЕНИЯ ЦАРЕВИЧА УПАХАРАВАРМАНА

Странствуя по разным местам и разыскивая тебя, как-то раз я пришел на свою родину в царство Видеха *. Немного не доходя до города Митила, я остановился для отдыха и завернул в небольшую, находящуюся вблизи города обитель. Там старая монахиня дала мне воды для омовения ног, и я на время расположился на террасе храма. Но не успела она в меня всмотреться, как слезы по неизвестной причине ручьем потекли из ее глаз.

«Мать моя! Что это такое? — спросил я.— Скажи, из-за чего ты плачешь?»

Она с нежностью посмотрела на меня и отвечала:

РАССКАЗ МОНАХИНИ

Дорогой сын мой! Ты, наверное, слышал о царе нашем Прахаравармане. Слышал и то, что его величайшим другом был Раджаханса, царь Магады *.

Необыкновенно дружны были между собою также и их жены, Васумати и Приямвада. Их дружба была так же тесна, как легендарная дружба двух демонов, Бала и Шамбала *. И вот когда Васумати, царица Магады, в первый раз разрешилась от бремени, то Приямвада захотела посетить свою любимую подругу и поздравить ее с радостным событием. Вместе со своим мужем она отправилась в Пушпапур *, столицу Магады.

Как раз во время их пребывания там произошло большое сражение между царем Магадским и его восточным соседом, царем страны Малава *.

Первый из них едва не отправился на тот свет, а помогавший ему Прахараварман, наш царь Митилийский, остался в живых только благодаря личному вмешательству царя-победителя — царя Малавийского.

Когда он на обратном пути достиг пределов своего царства, то оказалось, что царская власть там уже захвачена его племянниками, Викатаварманом и его братьями, сыновьями старшего его брата, Санхаравармана.

Тогда он решается обратиться за помощью к другому племяннику, сыну своей сестры, царю Сухмы *, с тем чтобы взять у него отряд войска и с его помощью вернуть себе трон. Однако по дороге туда он очутился в безлюдной лесной местности и подвергся нападению разбойников, которые его ограбили дочиста. У меня на руках был тогда ребенок, его младший сын.

Испуганная целой тучей стрел, которые посыпались на нас со стороны разбойников, я побежала и очутилась в конце концов одна среди дремучего леса. Тут я наткнулась на тигра, раздиравшего труп павшей коровы. Как только он хотел вонзить в меня свои когти, я упала и уронила ребенка случайно как раз на труп убитой тигром коровы. Тигр уже потянул к себе труп вместе с ребенком, но в это время стрела, пущенная одним из разбойников, в один миг сделала его бездыханным. Ребенка взяли к себе дети лесных разбойников. Я же пролежала некоторое время в забытьи; затем меня подобрал какой-то пастух и доставил в свой шалаш. Он пожалел меня, вылечил мои раны, я поправилась и захотела вернуться к своему царю. Но я не знала, как это осуществить, и томилась в одиночестве. В это время к тому месту, где я жила, пришла моя родная дочь вместе с каким-то молодым человеком. Увидав меня, она громко зарыдала. Когда же она выплакалась, то принялась рассказывать мне все то, что произошло с нею, после того как был разграблен царский караван. Оказалось, что находившийся на ее попечении другой царевич также попал в руки разбойников, а ее также вылечил от ран какой-то лесной житель, который, когда она выздоровела, пожелал на ней жениться. Она резко ему отказала, боясь осквернить себя союзом с человеком низшей касты. Тогда тот рассердился и хотел было уже в уединенном месте, в лесу, отрубить ей голову. Но случайно там оказался этот вот молодой человек, который убил злодея.

«Тогда я вышла замуж за моего спасителя,— продолжала моя дочь.— Молодой человек этот, мой спаситель, когда я стала его расспрашивать, оказался не кем иным, как чиновником, состоящим на службе у нашего же царя Митилийского. Он странствовал по служебным поручениям и в это время возвращался домой через эту местность».

Вместе с ними и мы вернулись домой и, придя к царю, рассказали ему о судьбе его детей. Каждое наше слово обжигало огнем острого страдания слух царицы Приямвады. Что касается царя, то судьба не благоприятствовала. Война его с племянниками, сыновьями старшего брата, затянулась. Наконец он, не вытерпев, неосторожно ввязался в большое сражение и после продолжительной, ожесточенной битвы был взят в плен. Царица, его супруга, также была заключена в тюрьму. Все это произвело на меня такое тяжелое впечатление, что жизнь мне опротивела. Однако я была уже настолько стара, что сознательно лишить себя жизни не могла решиться.

Тогда я пришла жить сюда, в эту обитель. Дочь моя, напротив, под влиянием всех этих несчастий переменила господ и поступила на службу к старшей жене нового царя, Викатавармана, царице Кальпасундари. Что же касается обоих царевичей, похищенных разбойниками, то если бы они росли без дальнейших злоключений и оставались в живых, то они должны были бы быть теперь как раз твоих лет. Ах, если бы только они были живы! Тогда царь наш, их родитель, не подвергался бы такому насилию со стороны своей родни, которой достался его трон.

Рассказав это, она в глубоком горе принялась рыдать.

ПЛАН УЛАХАРАВАРМАНА

Под влиянием рассказа монахини у меня тоже подступили слезы к горлу, и я открылся ей, приказав никому не выдавать тайны.

«Если это так,— сказал я,— то успокойся, мать моя! Вспомни-ка, после того как с тобой случилась это беда, ты ведь встретила одного отшельника и просила отыскать пропавшего ребенка и спасти его. Он же действительно нашел и воспитал его. Это очень длинная история! Но стоит ли ее рассказывать? Это неинтересно. Но вот что важно: тот ребенок — это я; я здесь, и я, конечно, был бы в состоянии тем или другим путем добраться до Викатавармана и убить его! Однако дело в том, что вслед за ним предъявят права на престол его младшие братья, которые будут поддержаны городским и сельским населением. Про меня же никто решительно из здешних не знает, кто я такой. Даже родители мои обо мне ничего не знают, стоит ли говорить о других? Поэтому нужно провести это дело планомерно».

Тут старуха снова разрыдалась, обняла меня и несколько раз поцеловала в голову, из грудей у нее от волнения показались капли молока, и прерывающимся голосом она сказала: «Дитя мое дорогое! Живи долго, будь счастлив! Очевидно, теперь владычица-судьба стала к нам благосклонна. Уже с самого сегодняшнего дня царство Видеха стало принадлежать Прахараварману, своему законному царю, так как такой молодец, как ты, расправляет свои крепкие руки и принимается сегодня же за то, чтобы спасти его из беспредельного океана горя! Какое счастье для царицы Приямвады, твоей матери!».

И, вне себя от радости, она принялась ухаживать за мной, дала мне умыться и покормила меня. Когда наступила ночь, я выбрал себе местечко в той же обители, устроил себе ложе из циновок и лег спать.

Ночью мне в голову пришли такие мысли: «Без хитрости и

обмана тут дело не обойдется. Источником же всяких обманов обыкновенно бывают женщины! Поэтому постараюсь-ка я узнать от этой старухи все, что происходит на женской половине дворца. Затем нужно будет использовать ее как орудие и постараться привести в исполнение один сложный план!»

Вся ночь прошла у меня в обдумывании подробностей. Тьма стала рассеиваться. Ее как бы уносило мощное дыхание божественных коней, которые влекли из океана на гору востока колесницу с восседавшим на ней светилом. Показалось солнце, и с ним почувствовалась легкая прохлада. Охлажденное во время ночного пребывания в воде океана, солнце стало как бы распространять кругом свою свежесть. Я встал и принялся сначала за совершение всех обрядов, которые полагается исполнять каждое утро. Покончив с ними, я обратился к старухе, как к матери, со следующими словами: «Матушка моя! Хорошо ли ты знаешь все, что происходит на женской половине дворца нашего злодея, царя Викатавармана?»

Не успел я задать этот вопрос, как показалась какая-то молодая женщина. Увидев ее, моя кормилица, с трудом удерживая в горле слезы радости, сказала: «Пушкарика, дочь моя! Смотри, вот сын нашего господина! Это тот самый, которого я безжалостно тогда бросила в лесу. Он все-таки, как видишь, вернулся сюда!» Поток радостного чувства охватил Пушкарику, и она разрыдалась. Долго она проплакала, но наконец успокоилась, и тогда мать велела ей рассказать о том, в каких обстоятельствах протекает жизнь на женской половине дворца.

Та сейчас же начала: «Царевич! Госпожа наша Кальпасундари — дочь царя Ассамского по имени Калиндавармана. Она во всех отношениях выше своего мужа. По своей ловкости в разных искусствах и по красоте она превосходит небесных нимф. При этом у нее только один возлюбленный — муж Викатаварман, а у того, наоборот, целая масса любовниц». На это я ей сказал: «Сходи к ней и снеси от меня духи и цветы, которые я тебе дам. Затем постарайся возбудить в ней отвращение к ее мужу, например указывая и порицая его совершенно исключительные пороки, а также и другими способами. Расскажи ей роман царевны Васавадатты и других женщин, которые сами нашли себе достойных мужей. Заставь ее таким путем почувствовать зависть и недовольство своею судьбой. Старайся в то же время разжечь ее ревность, старательно разузнавай и сообщай ей про самые секретные любовные истории царя с другими женщинами!»

И матери ее я также дал поручение, сказав ей следующее: «И ты точно так же брось всякие другие занятия, находись постоянно вблизи ее, на царском дворе, и сообщай каждый день мне непосредственно все, что бы там ни случилось. А дочь твоя, как я уже сказал, пусть неотлучно находится при Кальпасундари, как неотделимая от нее тень. Это необходимо для успеха нашего плана, который в таком случае может дать хороший результат». Тогда

обе они принялись исполнять свое дело в точности, согласно данным мною им указаниям.

Прошло несколько дней. Приходит ко мне моя нянька и говорит: «Дорогой мой! Я достигла уже того, что она считает себя достойной сострадания. Ей все кажется, что она нуждается в поддержке, как весенняя лиана, вьющаяся вокруг кораллового дерева. Что же мы будем делать дальше?» Тогда я тут же написал собственный свой портрет и сказал: «Вот, снеси ей это! Наверное, она, рассмотрев хорошенько этот портрет, скажет: „Неужели есть на земле человек такой красоты?“ Ты отвечай: „А если есть, что тогда?“ А какой она на это даст ответ, об этом ты, со своей стороны, извести меня».

Она сказала: «Хорошо!», сходила во дворец, и, когда вернулась оттуда, мы удалились в уединенное местечко, где она стала мне рассказывать следующее: «Дитя мое! Я показала твое произведение очаровательной нашей царице. Она была поражена и сказала: „Даже цветочнострелый бог любви * не обладает такой красотой! Это поистине какой-то новый бог, властелин нашего мира! Удивительно! Чрезвычайно удивительно! И того я не понимаю, кто из здешних художников мог создать такой портрет. Кем же написан этот портрет?“ Вот ее слова, и вот какое это на нее произвело впечатление! Тогда я улыбнулась и сказала: „Царица, ты говоришь правду! Я не могу себе представить, чтобы даже сам дельфиноносный бог любви был так красив! Однако земля велика! Быть может, по воле судеб и такая красота где-нибудь да существует! И вот если бы нашелся здесь молодой человек такой именно красоты, к тому же очень высокого происхождения и соответственно красоте одаренный хорошим нравом, научными познаниями, а также и ловкостью, то что мог бы он получить от тебя в награду за все это?“ Царица отвечала: „Матушка моя дорогая! Нужно ли это говорить: мое тело, мое сердце, моя жизнь — все это слишком ничтожно и недостойно такого человека. Значит, от меня он ничего не мог бы получить. Если это не обман, то сделай милость, устрой так, чтобы я могла его увидеть и чтобы таким путем если не я, то хоть глаза мои достигли этой цели!“

Тогда я, для того чтобы еще более укрепить в ней решение добиться свидания с тобой, сделала такой намек: „Здесь тайно проживает сын одного царя; он случайно тебя видел, когда ты, воплощенная богиня красоты, разгуливала на празднике весны с подругами в городском парке. Он сразу воспылал к тебе любовью; казалось, все стрелы бога любви посыпались на него и он сделался их единственной целью. Тогда он бросился ко мне. Я же, видя, что вы оба так подходите друг к другу, что, кроме вас обоих, нигде нельзя найти такого совершенства красоты и такого блеска других достоинств, видя все это, я принялась стараться, и вот те букеты, те венки, те душистые помады и прочие подарки, которые я тебе приносила,— все это было приготовлено лично им своими

руками. И портрет свой он написал собственноручно и послал его тебе. Портрет он написал с таким выражением, чтобы ты могла видеть, как глубоко он погружен в мысль о тебе. Если ты решилась на свидание с ним и хочешь отдаться ему, то предупреждаю тебя, что это такой человек, для которого нет ничего невозможного, так как он отличается сверхчеловеческой силой, мужеством и умом. Я сегодня же могу показать его тебе, скажи только — где?"

В ответ на эти мои слова она сначала несколько призадумалась, а затем промолвила: „Мать моя! Для тебя это теперь слишком большого секрета не составит, поэтому я могу сказать тебе следующее. Отец мой, царь Ассамский, любил очень царя вашего, Прахаравармана, а мать моя, Манавати, была любимой подругой его жены Приямвады. И вот, пока еще у них не было детей, обе царицы сговорились между собою, что та из них, у которой родится дочь, отдаст ее за сына другой, если у той родится сын. Отец же мой совершенно случайно отдал меня за Викатавармана, когда тот стал свататься, ссылаясь на то, что сын царицы Приямвады погиб. Муж мой оказался грубым. Он ненавидел моего отца, фигура его была не особенно изящна, он ничего не понимал в нежных приемах любви, мало интересовался поэзией, театром и другими искусствами, был очень высокого мнения о своем мужестве и силе, был к тому же хвастлив, верить ему было нельзя, а щедроты его сыпались только на людей недостойных. Такой муж мне очень не по сердцу, особенно же в эти последние дни. Представь себе, что он себе позволил! Не обращая никакого внимания на присутствие вблизи моей ближайшей подруги Пушкарики, он у нас в саду стал украшать цветами голову глупой танцовщицы Рамаянти, которая страшно ревновала его ко мне, считая себя моей соперницей. При этом он срывал для нее цветы с деревца чампака *, того самого деревца, которое я собственноручно вырастила и любила, как родное свое дитя. Затем: у нас в саду есть искусственный холмик и в нем грот, в котором устроено украшенное драгоценными каменьями ложе. На нем он на этих днях наслаждался моей любовью, и не успела я после этого удалиться, как он на том же месте стал наслаждаться любовью своей танцовщицы. Разве это муж?! Я стала презирать его и не признаю никаких по отношению к нему обязанностей. Страх перед возмездием в будущей жизни за мои грехи исчез у меня: слишком уж сильны мои страдания в этой жизни. Нет ничего для женщины более ужасного, чем чувствовать себя насильно прикованной к совместной жизни с противным мужем, особенно когда сердце этой женщины пронзено стрелами бога любви! Итак, сегодня же ты устрой мне свидание с этим молодым человеком в нашем саду, в беседке, покрытой вьющимися лианами. В своем сердце я страшно полюбила его с самого того момента, как дошла до меня весть о нем. Мне принадлежит вся эта масса драгоценностей. При помощи их я посажу его на царский трон вместо опротивевшего мне мужа и буду жить с ним, любя его беспредельно!"

Я выразила свою готовность устроить это свидание и пришла вот сюда. Теперь, о сын царя моего, дальнейшее зависит от тебя!»

Свидание

Тогда я расспросил у нее же все подробности о том, как расположены помещения для женщин, в каких комнатах живет стража, а также как расположен прилегающий ко дворцу сад. Между тем стало заходить солнце. Отблеск его сделался кроваво-красным. Казалось, кровь выступила на его лице, потому что, забравшись сначала на гору заката, оно, скатываясь затем оттуда вниз, расшиблось до крови. Небосклон покрылся черною тьмою: казалось, густой дым поднялся из-за горы заката, когда светило, как горящий уголь, погрузилось в его воды. Появился месяц, предводитель планет,— месяц, о котором идет молва, что он осквернил ложе своего учителя. И теперь он появился, очевидно, для того, чтобы быть моим наставником в деле соблазнения чужой жены. Казалось, что бог любви на пути своем к покорению всего мира поселился в моем сердце со всеми своими цветочными стрелами, и ярость его разжигалась смеющимся диском луны, которая как бы представляла собою лотосоподобное лицо царицы Кальпасундари, впервые склонившееся надо мною в сильном стремлении взглянуть на меня. Совершив какие следует обряды, я улегся спать, но не мог заснуть и стал размышлять.

«Дело мое,— подумал я,— почти что удалось! Однако ведь нравственный закон будет нарушен, если я вступлю в любовную связь с чужой женой. Конечно, учители закона разрешают и это в некоторых случаях, а именно тогда, когда эти путем достигаются обе другие цели жизни — богатство и любовь. Я же совершаю это преступление против нравственности, как часть придуманного плана для освобождения из тюрьмы моих родителей. Это обстоятельство загладит мой грех. Получается даже малая толика нравственной заслуги. И это меня спасет! Но что скажут царь Раджавахана или друзья мои, когда услышат об этом?»

Пока я весь находился во власти этих дум, сон стал обнимать меня. И вот во сне я вижу бога Ганешу с его слоновьей головой *, и он говорит мне: «Любезный друг Упахараварман! То, что ты затеял, вовсе не есть дурное дело. Ведь ты же в действительности представляешь собою часть меня, а она, эта очаровательная царица, не что иное, как небесная Ганга *, привыкшая играть густыми волосами бога Шивы. Однажды, когда и я стал с нею заигрывать, ей это не понравилось, и она прокляла меня, сказав: „Сгинь! Будь

человеком!“ Я, со своей стороны, проклял ее, сказав: „Подобно тому как здесь, на небе, многие тобою наслаждаются, так же точно и на земле ты станешь женщиной и будешь принадлежать многим“. Тогда она взмолилась, и я ей сказал: „Сам я буду служить тебе и любить тебя всю мою жизнь; только до меня у тебя будет еще один муж“. Вообще это дело хорошее, никаких опасений пусть у тебя не возникает».

Проникнувшись этой мыслью и весьма довольный, я провел еще один день в сладостных мечтах, перебирая мысленно все подробности предстоящего свидания. И вот в течение еще одного дня бог любви бестелесный не изменял своего отношения ко мне, продолжал осыпать одного меня своими стрелами. Наступил вечер. Как вода высыхает в пруду и оставляет после себя только черный ил, так исчезло солнце на небосклоне, оставив после себя черную тьму. Одевшись, под цвет окружающего, в темную одежду, очень туго затянув пояс, с кинжалом в руке, имея при себе все необходимые принадлежности для взлома, держа в уме указания, данные мне моею нянькой, я подошел ко рву, окружающему дворец и наполненному до краев водою. Около него лежал бамбуковый шест, еще ранее принесенный туда Пушкарикой, о чем мы с нею уговорились на дому у ее матери. Я сначала положил его поперек и прошел по нему через ров, затем приставил его к стене и влез по нему на дворцовую ограду. Вниз я спустился по открытой, из кирпичей сложенной лестнице, которая вела из внутреннего двора на башню, расположенную над главными воротами. Очутившись внутри, я направился в сад. Сначала я миновал аллею деревцов бакула * и попал на дорожку, обсаженную кустами мимоз. Я успел сделать по ней только несколько шагов, как вдали, в северном направлении, послышалось жалобное стенание двух уток. Тогда я повернул на север по аллее бегоний и прошел по ней не более чем на расстояние выстрела из лука. Тут я мог, идя по этой аллее, нащупать рукой стены большого дворца в тех местах, где они выдавались вперед. Затем я свернул на восток по усыпанной гравием дорожке, обе стороны которой были обсажены группами деревьев ашока и жасминов. Пройдя по ней некоторое расстояние, я повернул на юг и затем в глубь аллеи манговых деревьев. Тут я приоткрыл коробку, в которой я держал наготове зажженную лампу, и на мгновение осветил местность. Я заметил беседку, скрытую за вьющимся жасмином. Внутри ее была совершенно незаметная снаружи постель, устроенная в виде алтаря, украшенного драгоценными каменьями. Выбрав одно местечко в стенках беседки, я протиснулся внутрь. Стенки беседки состояли внутри из сплошных рядов карликовых амарантов, покрытых распустившимися цветами. С одной стороны было нечто вроде завесы, которую составляли спускавшиеся до земли нежные ветви молодого ашокового дерева. Узнать ее можно было по свежим цветочным почкам, которые выделялись в ней на фоне, состоявшем из густой сети нежно-розовых свежих

побегов. Раздвинув эту завесу, я вошел и увидел старательно прибранную, украшенную цветами постель, рядом с ней были коробочки, сделанные из листьев лотоса, содержавшие туалетные принадлежности, употребляемые женщинами при любовных ласках, затем веер с ручкой из слоновой кости и ваза, наполненная доверху духами.

Я присел, отдохнул в течение нескольких минут и стал вдыхать чрезвычайно сильный аромат. В этот момент послышался чуть заметный, легкий звук шагов. Как только я их услышал, я тотчас вышел из беседки, приготовленной, очевидно, для нашего свидания, и спрятался за ашоковое дерево, вытянувшись, как палка, и прислонившись к его стволу. Она же, чернобровая красавица, исполненная самых горячих ожиданий, тихонько подошла к беседке и, не увидав меня в ней, задрожала всем телом. Как лебедь стонет весной, порою любви, так и она произнесла прерывистым, глубоким страстно-приятным голосом: «Конечно! Сомнения нет, я обманута! Я не в состоянии дольше жить! О несчастное сердце мое! Ведь само же ты решилось на это, ты приняло дурное дело за хорошее, а теперь, когда оно не удалось, зачем ты так томишься? О владыка, бог любви пятистрелый! Чем тебя я оскорбила, за что ты так безжалостно меня мучаешь, зачем ты меня жжешь, но не сжигаешь, не обращаешь в пепел?».

Тут я показался, открыл коробку с горящим светильником и сказал: «Не сердись, милая! Ведь ты действительно сильно оскорбила бога любви, в мечтах рожденного! Ведь ты своею красотою поставила на второе место богиню любви, его супругу, которой принадлежит вся его жизнь. Прелестная линия твоих бровей превосходит прелесть изогнутой линии его лука, а черный цвет его тетивы, унизанной пчелами, уступает темно-синему отливу твоих роскошных черных волос. Его стрелы не так действенны, как выстрелы твоих взоров, которыми ты, как дождем, осыпаешь меня. Его красное знамя уступает розовому блеску твоих губ. Твое нежное дыхание превосходит своим ароматом его величайшего друга и пособника — весеннее веяние малабарских лесов. Твой голос своею сладостью превосходит нежное кукование кукушки. Твои руки тоньше, чем длинная гирлянда цветов, развевающаяся на его знамени. У него имеются чудной формы священные золотые кувшины; отправляясь на покорение сердец, он пользуется ими как будущий император, совершающий богослужение перед походом для покорения всего мира. Но красота твоих выпуклых грудей превосходит чудесную форму священных его сосудов. Искусственный прудок в его саду по своей красивой округлости уступает красоте углубления на твоем животе. Округлая линия твоего седалища побивает форму колес его триумфальной колесницы. Украшенные драгоценными камнями колонны ворот его дворца уступают стройности твоих ног, а твоя ступня линией своих пальчиков превосходит линию лепестков того лотоса, который он кокетливо заткнул за свое ухо.

Поэтому совершенно прав бог любви, дельфиноносец, когда так тебя мучает. Но упрекать можно его за то, что он мучает также и меня! Я же ему ничего не сделал! Сжалься надо мною, красавица! Меня ужалила ядовитая змея любви. Оживи меня своим взглядом, будь для меня лекарством, дарующим жизнь!»

При этих словах я ее обнял. И стал я наслаждаться ею; она не сопротивлялась, и только прекрасные, большие глаза ее заблистали огнем любви.

Затем мы уселись, как старые хорошие знакомые, которые во всем доверяют друг другу и между которыми нет никаких секретов. Просидев некоторое время, я глубоко и продолжительно вздохнул и, со взором несколько печальным, вяло протянул к ней руки, обнял ее не особенно крепко и поцеловал не особенно отчетливо. Она расплакалась и сказала: «Если ты меня покинешь, то считай, что и жизнь моя ушла от меня! Ты владыка жизни моей! Возьми меня с собой! Я твоя рабыня, без тебя жизнь моя потеряла всякий смысл!» При этих словах она стояла передо мной и держала сложенные вместе ладони прижатыми к голове, как своего рода украшение.

Я ей отвечал: «Дорогая моя, ты беззаботна! Конечно, я, как и всякое живое существо, в восторге от того, что женщина меня полюбила. Но этого мало. Если ты действительно меня любишь и приняла твердое решение принадлежать мне, то сделай безо всяких колебаний то, что я тебе скажу. Когда ты останешься наедине с царем, покажи ему ту картину, на которой я изобразил сам себя, и спроси его: представляет ли этот человек идеал мужской красоты или нет? Он, наверное, скажет: „О, еще бы! Конечно, представляет!“ Тогда ты скажи ему следующее: „Если так, то послушай, что я тебе сообщу. Я знаю одну монахиню; она много скиталась по чужим странам и чему-чему только не научилась. Мне она близка, как мать. Увидав этот портрет, она мне говорит по поводу его: „Я знаю заговор, благодаря которому и ты могла бы достигнуть такой же красоты. Для этого в день новолуния, предварительно попостившись, ты должна будешь приказать придворному духовенству совершить где-нибудь в уединенном месте жертвоприношение богу огня, по окончании которого ты, оставшись одна, без свидетелей, бросишь в огонь сто кусков сандалового дерева, сто кусков дерева алоэ, несколько горсточек камфары и несколько кусков шелковой материи. Тогда заговор подействует, и ты приобретешь такую же красоту. И далее, если ты позвонишь в колокол и на звон его придет твой муж и если он выдаст тебе все государственные тайны, а затем закроет глаза и обнимет тебя, то красота эта передастся ему, а ты станешь опять такой же, какой была и раньше. Если ты и твой супруг пожелаете, то можно будет это устроить, но нужно в точности исполнить все это“. Вот что мне сообщила моя старушка. Если тебя прельщает мысль быть таким красавцем, то обсуди этот вопрос совместно со своими друзьями, министрами,

младшими братьями, городскими и сельскими старейшинами и, если они одобрят, принимайся за дело".

Когда ты это скажешь, он, наверное, согласится. Тогда ты распорядишься, чтобы на самом этом месте, на этом перекрестке садовых дорожек, было совершено жертвоприношение согласно ритуалу Атарваведы. После того как жертвенное животное будет заколото, жертва принесена и огонь станет гаснуть, по саду расстелется дым, под покровом которого я войду в сад и спрячусь вот в этой самой беседке. Когда же станет совсем темно, скажи на ухо своему мужу Викатаварману с саркастической улыбкой: „Ты, неблагодарная дрянь! По моей милости ты достиг красоты, на которую не нарадуется твой народ, и вот ею ты собираешься услаждать моих соперниц! Не хочу я ради этого вызывать нечистые силы и губить свою душу!" То, что она на это ответит, ты приди и тайком передай мне, а я уж буду знать, как поступить дальше. Не забудь только приказать Пушкарике замести мои следы по дорожкам!»

Царица выслушала мои слова с таким вниманием, как будто бы это было научное наставление, сказала: «Хорошо!»— и нехотя, медленно пошла домой. Страсть ее далеко еще не была удовлетворена! Я же вышел из сада тою же дорогой, по которой вошел, и отправился к себе домой. Очаровательная царица сделала все, что ей было сказано. Царь оказался достаточно глупым и во всем ей поверил. По городу и по деревням распространились такие, возбуждавшие всеобщий интерес слухи: «Говорят, царь Викатаварман благодаря чарам своей жены сделается красив, как бог! Это вздор! Какое-нибудь не слишком искусное надувательство! Не говоря уже о том, что, может быть, это и неправда! Говорят, что это дело будет сделано не кем иным, как первой женой царя, в саду, примыкающем к ее дворцу. Говорят также, что оно было предметом обсуждения совета министров, которые ведь мудры, как сам Брихаспати, учитель богов. Говорят, они одобрили весь этот план. Если это действительно совершится, то большего чуда не было от сотворения мира. После этого удивляться уже ничему нельзя. Но и то сказать, ведь сила заговоров, талисманов и лекарств прямо-таки непостижима!»

Пока народ был занят такими разговорами, подоспел день новолуния. В глубокой ночи, когда спустилась густая тьма, из сада, прилегающего к женской половине дворца, поднялся густой столб темного, с синим отливом дыма; казалось, то виднеется в саду синее горло волосатого бога Шивы. По воздуху распространился во все стороны запах от сжигаемых в огне жертвоприношений из молока, масла, творога, зерен сезама и белой горчицы, сала, мяса и крови. Когда жертвоприношение было окончено и дым перестал подниматься вверх, я проник в сад. Вышла из дому в свой сад также и царица. Своей царственной походкой, напоминающей

походку величественного слона, пошла она мне навстречу. Обняв меня, она сказала:

«Молодец! Ловко ты это придумал! Можно считать, что план твой удался. Царь оказался глуп, как животное, дело его кончено! Чтобы заманить его в ловушку, я, следуя твоей мысли, сделала следующее. Я сказала ему: „Ты больно хитер! Ты ожидаешь, что я создам тебе волшебную красоту? Нет! Ведь ты, сделавшись таким красавцем, будешь нравиться даже небесным нимфам — о земных женщинах что и говорить! Ведь сердце у тебя жестокое, меня ты не пожалеешь! Такие люди, как ты, от рождения привыкли порхать, как пчелка, и садиться на любой цветок!“ Не успела я это сказать, как он падает к моим ногам и говорит: „О красавица! Прости мне мои проступки. Отныне у меня и в мыслях никогда не будет другой женщины, кроме тебя. Дело начато, пожалуйста, доводи его скорей до конца!“ Теперь я пришла к тебе как твоя невеста, одевшись в этот свадебный наряд. Я уже до этого стала твоею женою. Перед огненным алтарем нашей любви я отдалась тебе, причем сам бог любви совершал обряд. Теперь снова, перед этим жертвенным огнем, мое сердце отдает меня тебе».

С этими словами она поднялась на носки и, прижавшись ко мне, надавила своими носками на мои ступни, так что нежные пальчики ее ног переплелись с пальцами моих ног, своими тонкими руками она обвила мою шею и, как бы играя со мною, заставила меня нагнуть голову, сама же обратила вверх свое сияющее, как раскрытый лотос, лицо. Ее широко раскрытые глаза выражали прилив страсти, и она несколько раз поцеловала встретившееся с ее губами мое лицо. Но я отстранил ее, сказав: «Довольно! Оставайся здесь, спрячься в амарантовой беседке. Мне же надо идти и довести до конца наше дело!»

Сказав это, я пошел к тому месту, где горел жертвенный огонь. Рядом с ним висел на ветке ашокового дерева звонок, и я позвонил. Раздался звук, призывающий царя, в действительности ставший для него голосом посланца бога смерти. Тем временем я занялся бросанием в огонь кусков сандалового дерева, кусков алоэ и прочего. В этот момент царь пришел к условленному месту. Когда он меня увидал, то сначала как будто бы легкое сомнение закралось в его душу, он слегка удивился и некоторое время простоял в раздумье.

«Повтори мне свое обещание перед этим священным огнем,— сказал я.— Если ты не используешь своей красоты для того, чтобы ухаживать за моими соперницами, то я сделаю так, что этот мой внешний вид перейдет на тебя». Услышав это, он тотчас сказал: «Это она! Это сама царица! Это не обман!» Он явно принимал всю эту историю всерьез и потому принялся клятвенно подтверждать свое обещание. Я же усмехнулся и сказал: «К чему эти клятвы? Ведь нет на земле женщины, которая бы меня превосходила красотой. Если же ты заведешь связь с небесными нимфами, то пожалуйста! Сколько тебе угодно! Вот расскажи мне лучше, какие

у тебя есть тайные дела. Вслед за тем, как только ты выдашь тайны, изменится твой внешний вид».

Он начал: «Младший брат моего отца, Прахараварман, сидит в тюрьме. На совете министров мы решили отравить его и объявить, что он умер от припадка холеры. Затем мы хотим поручить младшему моему брату, Вишалаварману, командование армиями для завоевания страны пундраков *. Далее, узнав, что грек Канати имеет большой алмаз, цена которого равна ценности всего, что есть на земле, мы поручили городскому старшине Панчалаку и купцу Паритрату достать его за самую дешевую цену. Что же касается сторонника заключенного царя, негодного старшины Анантасира, то мы решили против этого лживого и надменного начальника поднять народное волнение, во время которого и убить его. С этой целью мой сторонник, правитель города знатный гражданин Шатахали, согласился по моей просьбе отдать приказание о передвижении войсковой охраны в другое место. Вот вкратце все существующие государственные тайны».

Когда я это выслушал, я со словами: «Вот конец твоей жизни, получи по заслугам!»— разрубил его тело мечом надвое и сразу же бросил в тот же самый жертвенный огонь, который запылал так, как будто в него было брошено много масла. Скоро он превратился в пепел. Царица, как и полагается женщине, была немного расстроена всей этой сценой. Успокоив ее, сердечно любимую, я, поддерживая ее за тонкую ее руку, вошел с нею во дворец. С ее разрешения я созвал все население женской половины дворца и сразу надавал им всяких поручений. Затем, полюбезничав некоторое время с удивленными придворными дамами, я отпустил их всех. Оставшись наедине с царицей, я положил ее на постель и стал доставлять ей все наслаждения любви, сжимая ее до боли в своих объятиях. Вся ночь прошла у нас в этих наслаждениях, и она показалась нам очень короткой. Прерывая объятия болтовней, я узнал от нее про все придворные порядки.

Рано утром я встал, выкупался и совершил все утренние обряды. Затем я созвал совет министров и обратился к нему с такою речью: «Господа! Вместе с моею внешностью изменился и мой нрав. Отца моего, которого мы было решили отравить, я хочу освободить и вновь вручить ему бразды правления в этом царстве нашем. Мы будем его во всем слушаться, как отца; ибо нет греха более тягостного, чем убийство родного отца». Затем, призвав брата своего, Вишалавармана, я сказал ему: «Дорогой брат! В настоящее время в стране пундров голодовка. Под влиянием страданий и отчаяния они не будут дорожить жизнью и яростно полезут на нашу страну, в которой много хлеба. Поэтому для нападения мы изберем такое время, когда у нас погибнут посевы или погибнет урожай. Теперь для похода момент неблагоприятный». Пригласив затем обоих представителей городской администрации, я сказал им: «Не хочу я приобретать ценную вещь за ничтожную плату,

я хочу охранять законность. Купите ее за то, что она действительно стоит». Затем я пригласил губернатора Шатахали и сказал ему: «Мы хотели погубить Анантасира за то, что он был сторонником царя Прахаравармана — моего отца; теперь же, когда отец восстановился на троне, нет никакого основания для того, чтобы делать это. Поэтому ты оставь его в покое». Все эти лица, услышав мои распоряжения, сочли их за доказательство тождества моего с прежним царем. Расходясь, они убежденно повторяли: «Это именно он!»— и принимались восхвалять меня и царицу и громко превозносили чудодейственную силу заговоров. Моих родителей они извлекли из тюрьмы и посадили их снова на царство. Я же велел все той же старушке, бывшей кормилице моей, рассказать родителям наедине все то, что мною было совершено для их освобождения. Они были все вне себя от радости. Я остался жить при них и по их распоряжению получил звание наследника престола.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Хотя лично я вполне был удовлетворен, однако все преимущества нового положения были для меня испорчены горем — от разлуки с тобой, мой царь! Когда же я из письма Синхавармана, который был другом отца моего, узнал к тому же, что Чандаварман осадил Чампу, я вспомнил правило: «Два дела исполняй во всяком случае: уничтожай врагов и помогай друзьям!» С этой целью я снарядил большое и легко маневрирующее войско и отправился с ним в поход против Чандавармана. И вот таким образом я достиг того, что испытываю громадную радость на великом для меня празднестве непосредственного лицезрения царственного величия твоих стоп.

Выслушав рассказ этот, царь Раджавахана сказал: «Посмотрите на этого прелюбодея, который хитростью завладел чужою тенью! Так как он избавил своих родителей от страданий в тюрьме, так как средством для этого послужило уничтожение злого врага и так как это повело к достижению царской власти, то он сразу достиг и больших благ материальных, и больших заслуг нравственных! Что с умом сделано, то всегда будет хорошо!»

Затем, остановив на лице Артапала глубокий, продолжительный взгляд, он сказал: «Рассказывай свои приключения!» Тот сложил вместе ладони рук, поклонился и начал.

Глава четвертая
Приключения Артапала

О царь! Цель у меня была та же, что и у этих друзей моих. Я странствовал по всей земле великой вплоть до волнующегося океана. И вот прихожу я однажды в известный священный город Каши, иначе Бенарес. Я начал с того, что посетил Маникарнику, место священных омовений, и выкупался там в чистой, как кристалл, воде реки Ганги. Затем пошел в храм Авимуктешвар и усердно молился там богу Шиве, сокрушителю демона Андака. Выйдя из храма, я стал совершать обход слева направо вокруг него и тут, во время обхода, заметил какого-то человека очень большого роста, с толстыми, как железные брусья, руками. Он рыдал безостановочно, глаза его распухли и покраснели, а руки были заняты устройством петли из пояса. Очевидно, он хотел покончить с собой. И мне пришли в голову такие мысли: «Крепкий человек этот, видать, сильно страдает. Горе, как дождь, брызжет из его потухших глаз. То, что он собирается сделать, указывает на отчаянное решение. Жизнь ему, по-видимому, опротивела, причина же, наверное, та, что какое-нибудь большое несчастье постигло его близкого друга. И это может кончиться чем-нибудь недобрым! Попробую-ка я расспросить его. Быть может, представится случай поближе с ним сойтись и оказать ему помощь!»

Тогда я спросил его: «Любезный друг! То, что ты тут делаешь, дает мне повод подумать, что ты в отчаянии и хочешь покончить с собой. Если это не тайна, расскажи мне, я хотел бы знать о причине твоих страданий».

Он заметил, что я отношусь к нему с сочувствием, и потому сказал: «Беды от этого не будет! Я расскажу, слушай!»

Тогда мы отошли в сторону, уселись под олеандровым деревом, и он начал свой рассказ.

Рассказ Пурнабадра

Уважаемый господин! Меня зовут Пурнабадр, я сын уважаемого гражданина, но дома я жил недолго, скитался по Востоку и жил где вздумается. Хотя отец и дал мне хорошее воспитание, однако,

повинуясь капризу судьбы своей, я стал добывать себе средства путем воровства. Раз как-то здесь, в Бенаресе, я обокрал одного богатого купца, был затем пойман с краденными вещами, взят под стражу и посажен в тюрьму. Мне предстояла смертная казнь. Первый министр Камапал, распоряжавшийся казнью, приказал выпустить на меня злого, разъяренного дикого слона, который имел кличку «Смерть-Победа». Сам он наблюдал за казнью со стен цитадели, расположившись в башне под главными воротами. Увидев меня, слон свернул свой толстый хобот в кольцо, затрубил в него, и рев его был подхвачен присутствовавшей толпой народа, клики которого удваивали шум. Слон бросился на меня, но я не испугался. Как только он со мною поравнялся, я закричал на него, а когда он стал поворачивать голову, чтобы нанести мне боковой удар клыком, я отскочил в противоположную сторону, очутился между его клыками, как бы между двумя деревянными брусьями, и яростно хватил его обеими своими крепкими руками по голове пониже висков. Тогда он оторопел и повернул обратно. Не ожидавший этого погонщик заволновался, стал нещадно ругаться и изо всех сил бить слона дротиком и ногами по голове. Наконец погонщику удалось снова повернуть его на меня. Я же закричал на него с удвоенною яростью, и, когда я опять таким же образом его ударил, он повернулся и стал удирать. Тогда я побежал быстро вслед и начал издеваться над погонщиком. Он же, в свою очередь рассерженный, закричал на слона: «Дрянь ты этакая! Пропащая скотина! Куда бежишь?!» При этом он снова и снова вбивал в голову слона острый дротик. Наконец у самого выхода с площади ему кое-как удалось остановить животное и повернуть его на меня.

Тогда я закричал: «Уберите этого никуда не годного слона, приведите другого, лучшего, с которым я бы мог некоторое время помериться силами и затем подвергнуться участи, мне судьбою уготованной!»

Но как только слон увидел меня, рассвирепевшего, и услышал мои громкие проклятия, он перестал повиноваться самым свирепым понуждениям погонщика и окончательно убежал.

Тогда министр призвал меня к себе и сказал: «Молодец! Ведь этот слон, прозванный „Смерть-Победа“, был воплощением бога смерти, убийство было его любимой забавой. А ты вот как его обработал! Послушай меня, брось свое грязное ремесло. Разве ты не способен, устроившись при мне, вести порядочный образ жизни?»—«Как прикажешь»,— отвечал я почтительно, и с этих пор он стал обращаться со мной как с другом. Когда же он проникся полным ко мне доверием, я однажды стал расспрашивать его о прежней его жизни, и он рассказал мне следующее:

Рассказ министра Камапала о своей жизни

В городе Паталипутре у царя Рипунджая был некогда министр, славившийся своим умом и ученостью, по имени Дармапал. Не уступал отцу в уме и достоинствах сын его Сумитр, которому я прихожусь младшим братом от другой матери. Наклонности у нас были не одинаковые. Я предавался веселому образу жизни в обществе продажных женщин, а он предпочитал нравственную, добропорядочную жизнь и старался удержать в ней также и меня. Но я оказался неисправим. В конце концов я покинул родительский дом и стал скитаться по белу свету, пока случайно не очутился в Бенаресе и не влюбился в дочь тамошнего царя Чандасинха, по имени Кантимати, увидав ее на прогулке, когда она, выйдя из дворца, чтобы помолиться богу Шиве, задержалась в саду, прилегавшем к женской половине дворца, и играла там в мяч со своими подругами. Кончилось тем, что между нами установилась связь, я стал тайком бывать на женской половине, и она забеременела. У нее родился сынишка. Боясь огласки, придворные скрыли его в саду в искусственном гроте, выдав его приближенным за мертворожденного. Затем одна из служанок ночью снесла его на кладбище и там бросила. Когда она возвращалась домой в глухую ночь, то была на главной улице схвачена ночною стражею и подвергнута допросу со всякими угрозами. Испугавшись строгости наказания, она выдала всю тайну. По ее указанию я был найден спокойно спящим в саду в искусственном гроте. По приказанию царя я был тут же связан первыми попавшимися веревками и сведен на кладбище для казни. Уже палач, презренный парий *, занес надо мною свой меч, и я был бы казнен, если бы судьба не решила иначе. Веревки, связывавшие меня, в этот самый момент сдали под моим усилием, я высвободился, выхватил меч из рук палача и убил его тут же, а также еще нескольких других людей из числа присутствовавших и поспешил скрыться. Не имея никакого пристанища, я бродил по лесам, и вот однажды передо мной в лесу предстала божественная дева, вся в слезах, окруженная свитой. Она сложила вместе нежные свои ладони, поднесла их ко лбу и поклонилась мне, причем вьющиеся ее волосы откинулись вперед и, колыхаясь, окружили прелестное лицо. Мы уселись рядом в прохладном месте, под тенью большой лесной смоковницы. «Кто ты, дорогая? Откуда ты явилась? По какой причине так ласково обратила на меня свое внимание?»— так я промолвил с глубоким чувством. От нее же в ответ полился медовый дождь сладостных речей.

РАССКАЗ ФЕИ ТАРАВАЛИ

О благородный! Я дочь Манибадра, предводителя гениев, населяющих Гималай *, мое имя Таравали. Однажды я возвращалась домой на Гималай из Малабара, куда я ходила на паломничество к Лопамудре, супруге святого мудреца Агастьи *. Пролетая мимо Бенарсса, я увидела рыдающего младенца, лежавшего на кладбище. Я взяла его с собой, страшно полюбила и принесла его к родителям моим, а отец мой отнес его к Кувере, божественному владыке нашего города Алаки *.

Тогда этот друг бога Шивы призвал меня и сказал: «Что же ты думаешь делать с этим ребенком, о дочь моя?» Я почтительно отвечала: «Люблю его я, как родное свое дитя». На это он промолвил: «А ведь правду говорит она, страдалица, что это родное ее дитя».

И по поводу ребенка этого он начал рассказывать весьма длинную историю о наших прежних перерождениях, из которой я поняла только то, что, во-первых, ты в прежних перерождениях был Шаунаком, Шудраком и Камапалом. Кантимати же, твоя возлюбленная, была раньше Бандумати и Винаявати. Точно так же Ведимати, Арьядаси и Сомадеви представляют собой одно и то же лицо в разных перерождениях. Хансавали, Шурасена и Сулочана также не отличаются друг от друга. Равным образом между Нандини, Рангапатакой и Индрасеной нет никакой разницы. Оказалось из его рассказа, что та пастушка, на которой ты женился тогда, когда ты жил на земле в образе Шаунака, в последующем перерождении носила имя Арьядаси, а теперь я сама, Таравали, представляю собой ее перерождение. Оказалось далее, что когда ты был в образе Шудрака, а я в образе Арьядаси была твоею женою, то у нас родился мальчик, которого с любовью воспитала Винаявати. Перерождение этого мальчика и представляет собою вот этот ребенок, которого я сюда принесла. Теперь он родился от царевны Кантимати. И вот таким образом хотя он неоднократно побывал уже в пасти у бога смерти, однако по воле судьбы он оказался подобранным мною. По приказанию бога Куверы я передала его царице Васумати, жене проживавшего в лесу в изгнании царя Раджахансы, чтобы он со временем стал служить при его сыне Раджавахане, будущем всемогущем императоре. Затем, когда ты по воле судьбы оказался брошенным в пасть смерти, я с соизволения своих родителей пришла к тебе, чтобы служить у лотосоподобных ног твоих».

Продолжение рассказа министра Камапала

Выслушав этот рассказ, я со слезами радости на глазах обнял несколько раз фею Таравали, бывшую, как оказалось, неоднократно моей женой в разных перерождениях и под различными именами. Когда мы успокоились, по ее волшебной силе появился перед нами большой дворец, в нем мы день и ночь переживали небесные, на земле никем не виданные наслаждения. Спустя два-три дня я сказал моей очаровательной фее: «Я желал бы хорошенько отплатить царю Синхаварману, который хотел лишить меня жизни, я хотел бы испытать сладость мщения за его козни!» Она же с улыбкой ответила: «Пойдем, милый мой, я сведу тебя на свидание с Кантимати».

Когда наступила полночь, она свела меня в спальню царя. У его изголовья лежал большой меч, я схватил его, затем разбудил царя и, когда тот задрожал всем телом, сказал ему: «Я — твой зять! Без твоего согласия я вступил в связь с твоей дочерью, — я пришел, чтобы послушанием и службой загладить эту обиду». Он же, вне себя от испуга, поклонился мне и проговорил: «Не ты меня, а я тебя обидел по глупости моей. Ты сделал мне честь, полюбив мою дочь, а я, как безумец, одержимый демоном, вышел из себя и, перейдя всякую меру, приказал тебя казнить. Но забудем это. Пусть с сегодняшнего дня дочь моя Кантимати, все мое царство и я сам будем принадлежать тебе!»

На следующий день он созвал народное собрание и в присутствии его торжественно отдал мне руку своей дочери. Таравали же рассказала ей о судьбе ее ребенка, а ее подругам — Сомадеви, Сулочане и Индрасене — рассказала историю их прежней жизни в минувших перерождениях. Я же хотя и получил звание министра, однако в действительности исполнял обязанности наследника престола, а семейная жизнь моя мирно протекала в обществе прелестных жен моих.

Продолжение рассказа Пурнабадра

Итак, этот министр был верным другом даже таким простым людям, как я. Казалось, он был единственный в своем роде родственник, которому родней приходится всякое живое существо. Когда умер от чахотки царь, его тесть, то престол должен был

перейти к старшему брату его жены, по имени Чандагоша. Но того уже не было в живых, так как он умер еще раньше от истощения, будучи чересчур привязан к женщинам. Тогда министр этот поступил вполне честно, посадив на трон его сына по имени Синхагоша, которому едва минуло пять лет, и дав ему соответствующее воспитание. Теперь он стал совершеннолетним и приблизил к себе в качестве министров нескольких молодых, много о себе думающих, лживых, дурных советчиков. Они стали ему наговаривать на Камапала, который оставался первым министром. «Он безнравственный человек, — говорили они, — обольстил и взял твою сестру насильно. Он поднял меч на царя, когда тот спокойно спал. В момент пробуждения, под влиянием испуга, царь согласился на брак и отдал ему свою дочь. Чандагоша, старшего в царской семье, он отравил. Тебя же он щадил до сих пор, потому что ты, малолетний, не можешь ему мешать. Этим путем он также поддерживал доверие народа к себе. И как бы ты хорошо к нему ни относился, он, неблагодарный, погубит и тебя. Постарайся поскорее убрать его на тот свет!»

Эти нашептывания создали рознь между царем и его первым министром, но опасаясь влияния волшебной феи Таравали, царь не мог решиться покончить с ним. И вот в эти самые дни первая из жен молодого царя, по имени Сулакшана, заметила какое-то изменение в выражении лица Кантимати.

Тогда она ласково спросила ее: «Царица, меня не обманешь разными отговорками! Скажи правду. Почему в эти дни на твоем лотосоподобном лице замечается выражение, которого раньше не было?»

Она отвечала: «Дорогая, разве ты можешь припомнить, чтобы я когда-нибудь до сего дня говорила тебе неправду? Дело вот в чем: моя подруга и вторая жена моего мужа, фея Таравали, по какому-то поводу осталась им недовольна. Он принялся ее утешать наедине и вот при этом совершенно случайно, по ошибке, назвал ее моим именем. Этого было достаточно: ею овладела ревность, и, несмотря на всю любовь к ней мужа и на его упрашивания, она нас покинула. Мой муж в отчаянии. Отсюда мое дурное настроение». Сулакшана без особых подробностей рассказала это мужу своему по секрету. Тот тогда перестал бояться влияния волшебной феи, велел заранее подговоренным людям схватить министра.

В этот день он пришел во дворец весь бледный от разлуки с любимой феей, с глазами, наполненными мужественно удерживаемыми слезами. Хриплый голос, глухо вырывавшийся из засохшего от горячих вздохов горла, показывал, как он страдал; тем не менее, хотя и с трудом, он принуждал себя заниматься текущими государственными делами. Он был посажен в тюрьму. Было решено повсеместно оповестить о его преступлениях и в наказание за них

вырвать у него глаза так, чтобы от мучений затем последовала смерть.

Вот поэтому-то, выплакавшись вволю и не желая пережить министра-праведника, я приготовляю себе петлю».

Узнав таким образом о несчастье отца моего, я расплакался и сказал: «Друг мой, зачем от тебя скрываться! Тот самый мальчик, которого добрая фея Таравали подобрала и передала на руки царице Васумати для воспитания из него будущего слуги царю Раджавахане, этот мальчик — я! Чтобы освободить отца, я был бы в состоянии уничтожить целую тысячу хорошо вооруженных солдат. Но дело в том, что во время суматохи, пока я до него доберусь, кто-нибудь может вонзить в него кинжал, и все мое предприятие не будет иметь смысла. Так масло, брошенное не в огонь, а на пепел, не даст никогда пламени».

Не успел я произнести эти слова, как большая очковая змея подняла свою голову из щели в стене, окружавшей храм. Усыпив ее с помощью волшебных средств, я взял ее в руки и сказал Пурнабадру: «Дорогой мой, вот то, что нам нужно! Когда приведут отца на казнь, я, никем не замеченный, буду присутствовать в толпе и выпущу на него эту змею, которая как будто случайно его ужалит. Действие же яда я остановлю, так что все сочтут отца мертвым и оставят его в покое. Не бойся ничего, ступай к моей матери и сообщи ей о моем плане. Скажи ей так: „Ваш сын подобран доброй феей и передан в руки царицы Васумати. Теперь он здесь, и, узнав от меня о судьбе отца своего, он для спокойствия его придумал вот такой-то план. Не бойся ничего, а пошли доложить царю следующее: «Таков, говорят, закон воинской чести, что следует одинаково бороться с врагом, независимо от того, приходится ли он родственником или нет. Но закон женской верности заставляет жену следовать судьбе мужа, независимо от того, был ли он хороший или дурной муж. В силу этого закона я должна одновременно с его телом подняться на погребальный костер и погибнуть в огне. Разреши мне исполнить последнее мое желание, последний мой долг!» В ответ на это царь, наверное, даст разрешение. Тогда ты возьмешь тело отца к себе домой и положишь его на ложе, устроенное из священной травы дарба *, в укромном месте за занавеской, а сама будешь находиться там же, одевшись в траурное одеяние".

Я же пройду через задний двор, и ты впустишь меня, после

чего я верну отца к жизни, а в дальнейшем мы поступим так, как он посоветует.

На это Пурнабадр ответил: «Хорошо!» — и поспешно удалился.

На главной городской площади около того места, откуда провозглашаются указы правительства, росло большое тамариндовое дерево с громадными и густыми ветками. В день, назначенный для казни, я взобрался на него и притаился в его ветвях. Народ, собиравшийся посмотреть на казнь, также устраивался, кто куда мог, повыше. Слышались всякие разговоры. Но вот привели моего отца с руками, связанными сзади, как у вора. За ним следовала с громкими кликами большая толпа народа. Его поставили как раз недалеко от меня, и палач троекратно провозгласил смертный приговор: «Этот министр Камапал стремился завладеть престолом и предательски отравил царя Чандасинха и его наследника Чандагоша. Затем, когда царь Синхагош достиг совершеннолетия, он вознамерился извести также и его. Вполне доверяя министру Шиванагу, он пригласил его в тайное место, где в его присутствии подговаривал двух лиц, Стуна и Ангараварша, убить царя. Однако те были ему преданы и выдали тайну. Посему этот брамин, стремившийся стать царем, должен по закону быть лишен зрения. Для приведения приговора в исполнение преступник приведен сюда, и ему будут вырваны глаза. Если бы нашелся еще и другой такой же злоумышленник, то царь равным образом наложит на него соответствующее наказание».

Выслушав этот приговор, толпа зашумела, я же воспользовался этим и бросил на отца моего змею, которая при этом широко раздула свою шею. Я сделал вид, что перепугался, и сполз с дерева, затем незаметно применил средство, сохранявшее жизнь отцу от укуса рассвирепевшей змеи, и сразу остановил распространение яда. Но он упал на землю, на вид совершенно мертвый. Я проговорил: «Правду говорят, что именно божеское наказание постигает того, кто посягает на царя. Ведь вот царь хотел его лишить зрения, а судьба лишила его самой жизни!» Некоторые из присутствовавших одобрили мое замечание, другие же запротестовали. А змея тем временем ужалила палача; народ перепугался и стал разбегаться, она воспользовалась свободной дорогой и уползла.

Пурнабадр объяснил моей матери смысл всего происшедшего, вследствие чего она, несмотря на такое несчастье, не очень перепугалась. Сопровождаемая немногочисленными служанками, она пешком смело подошла к месту казни и, положив голову отца себе на колени, села и обратилась к царю с такими словами: «Это мой муж! Злоумышлял ли он против тебя или нет, знает только судьба. Я об этом не заботусь. Какое мне дело! Но я опозорила бы весь свой род, если бы не последовала судьбе того, кому перед алтарем я была отдана. Поэтому прошу тебя, разреши мне вместе с моим мужем взойти на могильный костер!»

Выслушав эти слова, царь смилостивился и приказал: «Пусть совершится обряд, свойственный нашему роду, и пусть будет отдан последний долг мужу сестры моей и совершены по нем поминки!»

Тем временем палач скончался. Все усилия знахарей заговорить действие яда оказались тщетными вследствие тайного противодействия моих чар. Видя это, царь подумал, что ведь Камапал был укушен той же змеей, и, убежденный в том, что он также окончательно мертв, пожелал сделать жест великодушия и разрешил перевезти тело отца домой. Мы перевезли его к себе и положили в скрытом месте на ложе из священной травы. Мать моя надела предсмертный наряд, трогательно попрощалась с подругами, несколько раз помолилась богам-хранителям дома своего, постаралась удержать служанок от рыданий и, наконец, вошла одна в ту комнату, где лежало тело моего отца. Пурнабадр свел меня туда же еще до того, и я, исполняя роль птицы Гаруды *, врага змей, уничтожил действие яда, так что мать моя увидала своего мужа уже выздоровевшим. Она была в высшей степени обрадована, слезы радости хлынули из ее глаз и покрыли все лицо ее. Сначала она поклонилась в ноги мужу, а затем снова и снова принималась обнимать меня, прижимая меня к своей груди, из которой показались капли молока; наконец, голосом, прерывавшимся от волнения и слез, она проговорила: «Сын мой, я недоумеваю, за что ты меня так любишь? Я виновата перед тобой, я бросила тебя ребенком, как только ты родился, я не пожалела тебя! Но, с другой стороны, я понимаю тебя, твой поступок имеет другое значение: ты вырвал из рук смерти отца своего, а он решительно ничем перед тобой не виноват! Конечно, это было жестоко со стороны феи Таравали, что, узнав от бога Куверы, кто ты, она не принесла тебя ко мне, а передала царице Васумати. Однако и этот поступок можно объяснить иначе, можно оправдать его: ведь испивать слухом своим амброзию твоего младенческого лепета я, при незначительных своих заслугах, была недостойна; у меня не было таких прав на это счастье, как у царицы Васумати. Приди, обними меня!» При этих словах она несколько раз поцеловала меня в голову, посадила к себе на колени, бранила Таравали, обнимала, орошала меня своими слезами, все ее красивое тело дрожало от волнения, и она на некоторое время стала совсем не своя.

Но и отец мой волновался не менее: после того как он получил спасение от такой страшной опасности таким удивительным путем, ему казалось, что он из преисподней попал прямо на небо. Пурнабадр подробно рассказал ему, как все произошло, и он считал себя счастливее бога Индры. Кое-что рассказал и я о себе, а затем обратился ко все еще удивлявшимся и обрадованным родителям моим с такими словами: «Скажите мне вот что: какой будет наш дальнейший план действий?»

Отец на это отвечал: «Дорогой мой! Этот мой дом окружен очень толстой стеной, и в нем имеется неистощимый запас оружия.

Это верное убежище, которое не может быть взято с налету. В стране имеется очень много местных властителей, которым я в свое время оказывал услуги. Большая часть населения также не одобряла несправедливости, которой я подвергся. В таком же настроении находятся многие тысячи воинов, их друзья, дети и жены. Поэтому лучше будет пробыть здесь несколько дней и в это время возбуждать недовольство как среди приближенных царя, так и среди прочего населения. Недовольные станут на нашу сторону, мы их воодушевим, подымем против него и тех, кто, естественно по политическим обстоятельствам, не может быть нам другом, а также и наследственных его врагов и в конце концов покончим с ним, как бы это ни было трудно».

«Правильно! — сказал я. — Пусть так и будет». Я вполне одобрил план отца.

Таким образом, мы образовали в городе враждебный лагерь. Как только известие об этом дошло до царя, он стал жалеть, что отец остался в живых. Несколько дней подряд он посылал на нас войско для нападения на наш дом, но мы всякий раз уничтожали нападавших. В это время я из разговора с Пурнабадром узнал, где расположена спальня царя. Я тотчас же принялся прокапывать заступом подземный ход, начав от стены в углу нашего дома. Подземный ход привел меня в какую-то горницу, столь прелестную, как будто она была небом, спустившимся под землю. Она была наполнена молодыми девушками. Как только они меня заметили, они страшно перепугались. Среди них стояла одна, грациозная, как серп молодой луны, которая своей красой, казалось, была в состоянии осветить тьму всей преисподней. Казалось, то была богиня земли, принявшая человеческий облик, или супруга бога Шивы, спустившаяся под землю для борьбы с демонами, или супруга бога любви, цветочнострелого, спустившаяся в ад, или же, наконец, богиня власти царской *, которой надоело видеть столько неудачных царей на земле, почему она и спустилась под землю. Подобно статуэтке из чистейшего золота, она блистала чистой своей прелестью и вздрогнула, заметив меня, как нежная лиана, вьющаяся вокруг сандалового дерева, начинает дрожать от дуновения южного ветра. Словом, когда все это женское царство перепугалось, одна худощавая старуха с седыми волосами, похожая на тонкий тростник с серым цветком наверху, подошла ко мне, бросилась мне в ноги и проговорила дрожащим, испуганным голосом: «Будь милостив, даруй безопасность этим женщинам, которым некуда более обратиться за защитою, как только к тебе. Ты не молодой ли бог войны, который, преследуя демонов, стремится проникнуть в ад, чтобы и там с ними сразиться? Скажи же, кто ты, зачем пришел сюда?» Я отвечал: «Не бойтесь, мои красавицы! Мое имя Артапал, я сын благородного брамина Камапала от царицы Кантимати. Цель моя в том состоит, чтобы из своего дома по подземному ходу пробраться в царский дворец; и вот на пути я

встретился здесь с вами. А теперь расскажите все мне, кто вы такие, как случилось, что вы здесь живете?»

Тогда старуха подняла вверх руки со сложенными вместе ладонями и сказала: «О сын повелителя нашего! Мы счастливы, что этими нашими глазами мы видим тебя невредимым! Слушай же! От деда твоего со стороны матери, по имени Чандасинха, и царицы Лилавати родились двое детей: сын Чандагош и дочь Кантимати. Чандагош был наследником престола, он слишком любил женщин и потому рано умер от чахотки, оставив свою жену Ачаравати беременной. От нее-то и родилась эта вот девушка по имени Маникарника. Ее мать заболела после родов и отправилась на тот свет, туда, где уже находился ее муж. Тогда царь Чандасинха призвал меня и сделал такие секретные распоряжения: „Вот что, Риддимати! Что касается этого ребенка, то признаки у него самые счастливые. Его и предназначаю в жены Дарпасару, царю Малавийскому, и хочу дать ему надлежащее воспитание. Но после того, что случилось с Кантимати, я боюсь выставлять молодых девушек напоказ. Поэтому я поручаю тебе воспитать эту девочку в подземном помещении, которое я первоначально велел вырыть для заключения туда врагов моих. Внутри насыпанного холма там устроены разные комнаты, а также есть и сцена. Там ты при содействии многочисленной свиты займись ее воспитанием. Всяких припасов для вас там хватит на сто лет с лишним". Сказав это, он провел нас через собственную свою спальню, в стене, обращенной во двор, он открыл потайную дверь шириною в один локоть и таким путем провел нас в это помещение. И вот прошло уже двенадцать лет, как мы здесь живем. Девочка эта уже стала взрослой девицей. Но пока что царь о нас не вспоминает. Правда, что уже дед предназначал ее в жены царю Дарнасару. Но мать твоя, Кантимати, выиграла ее еще в утробе матери как ставку при игре в кости для тебя в жены, и ее собственная мать также предназначала ее именно тебе. А что из этого следует, ты, молодой человек, решай сам».

На это я сказал: «Сегодня как раз у меня есть дело во дворце. Устроив его, я вернусь и займусь вами как следует».

Она осветила мне лампой тот самый подземный ход, по которому была когда-то сюда приведена, я прошел и в самую полночь, потянув к себе потайную дверь, вошел в спальню царя. Синхагош спал безмятежно, и я схватил его живьем. Подобно тому как птица Гаруда летит, держа в когтях извивающуюся змею, так и я повлек дрожащего царя через то же самое отверстие в стене. Сначала я привел его в то женское собрание, а затем к себе в дом, где я показал его своим родителям закованного в ножные кандалы, в грязной одежде, с глазами, покрасневшими от непрерывных рыданий. Я рассказал им также о встрече. Родители мои, с большим удовольствием насмотревшись на своего врага, попавшего в такое положение, велели посадить его в тюрьму, а затем в надлежащем порядке устроили мою свадьбу с молодой девушкой. Поскольку

государство, таким образом, оказалось без правителя, то ко мне перешла вся царская власть. Мать моя, сестра свергнутого Синхагоша, хотела было выпустить его на свободу, но я боялся, что он, очутившись на свободе, может поднять народное восстание, и потому я не выпустил его.

Таково было наше положение, когда мы узнали о нападении врагов на Синхавармана, царя Бенгальского. Так как он всегда был тебе, о царь, предан и содействовал тебе в делах твоих, то я поспешил ему на помощь. Здесь мне выпало на долю счастье встретить тебя и прикоснуться к пыли от лотосоподобных ног твоих. Пусть же теперь и злодей Синхагош искупит свои грехи и усердной тебе службой загладит все свои преступления.

Окончив таким образом свою повесть, Артапал приложил ко лбу свои руки со сложенными ладонями и поклонился царю. Царь Раджавахана отвечал: «Много тобою проявлено геройства и много находчивости! Что же касается тестя твоего, то освободи его от оков, и пусть он придет взглянуть на меня!» Сказав это, он с ласковою улыбкой посмотрел на Прамати и сказал: «Теперь твой черед, расскажи нам твои приключения!»

Глава пятая
ПРИКЛЮЧЕНИЯ ПРАМАТИ

Он встал, поклонился и начал свой рассказ.

Царь! Разыскивая тебя, я блуждал по белу свету, и вот однажды на пути в лесу, в горах Виндья *, мне пришлось остановиться под громадным деревом, выросшим на склоне горы и своей вершиной, казалось, касавшимся небес. Передо мною было небольшое озеро, и за ним красное зарево заходящего солнца. Смотря на освещенную поверхность озера, я представил, что то было лицо богини запада, украшенное сверху красной полосой заходящего солнца и обрамленное гирляндами из молодых розовых ветвей. Я зачерпнул воды и помолился вечерней заре. Спустилась тьма и покровом своим сравняла все горы и долины. Не будучи в состоянии продолжать свой путь, я захотел прилечь и с этой целью устроил себе на земле под деревом ложе из молодых, свежих веточек. Подняв ко лбу сложенные вместе ладони, я стал молиться: «Божество, которое живет в этом дереве, да будет моим хранителем, пока я тут буду спать один в этом страшном большом лесу, в котором блуждают толпы хищных зверей, в этом лесу, который напоминает глубокую пропасть, до краев наполненную массой ночной мглы черно-синего, как горло бога Шивы, цвета».

Подложив левую руку под голову, я лежал. Вдруг я почувствовал какое-то приятное ощущение во всем теле как бы от какого-то неземного прикосновения, всеми своими чувствами я испытывал наслаждение, а в душе поселился восторг, радостная дрожь как-то особенно сильно пробежала у меня по коже, а лежавшая наверху правая рука шевельнулась. «Что случилось?» — подумал я. С трудом, едва-едва раскрывая глаза, я увидел над собою завесу из белого шелка, которая сначала показалась мне куском чистого лунного света. Посмотрев затем налево, я увидел у белой стены на цветных постелях ряд безмятежно спавших молодых женщин. Я повернул глаза направо и увидал такую картину: на белой постели, состоявшей как бы из собравшейся пены молочного океана, лежала молодая женщина неописуемой красоты. Шелковая рубашечка спала с ее груди, и она представилась мне как сама Земля в то время, когда божественный Вишну в образе первородного вепря * извлекал ее на своих белых клыках из глубины молочного океана. Спавшая с ее плеч верхняя одежда из белой кисеи представляла кругом нее как бы волнистую поверхность молочного океана. На ней она распростерлась, оцепенев от внезапного испуга, неподвижно, как Земля, поднятая из океана, лежала на сверкающих своей белизной клыках божественного вепря. Как ветерок в лесу

колышет молодые розовые побеги и разносит аромат лотосов, так розовый блеск ее губ колебался вместе с ее нежным, душистым дыханием. Ветерок ее дыхания, казалось, раздувал ту искру любви, в которую превратился бестелесный бог любви после того, как безжалостный Шива, бог аскетов, сжег огнем своих глаз все его тело. Как черная пчела бывает скрыта в сомкнувшемся на ночь белом цветке лотоса, так и белое лицо ее с сомкнутыми во сне, продолговатыми, как лепесток лотоса, глазами скрывало под своею белизною пару черных глаз. Казалось, то была упавшая с неба драгоценная ветвь райского дерева, казалось, что Айравата, гордый слон бога Индры, на котором он разъезжает в своем райском саду, дерзко сорвал и бросил ее на землю.

И я подумал: «Куда девался дремучий лес? Откуда этот дворец, вершинами касающийся небесного свода, превосходящий высотою знамя, развевающееся на верхней террасе дворца воинственного бога Кумары *? Куда девалось ложе мое, устроенное на земле в лесу из свежих древесных побегов, и откуда взялась эта постель из тонкой материи нежнее лебяжьего пуха, белая и блестящая, как будто она вся состоит из лунного света? Откуда взялись эти безмятежно спящие молодые девушки, похожие на небесных нимф, неподвижно лежащие как бы в сетках, сплетенных из прохладных лучей лунного света? И кто эта красавица, которая, как богиня с тонкими лотосоподобными руками, лежит на постели, покрытой сверху кисеей такой белизны, словно свет полной луны осенней порой? Она не богиня, так как она спит. При лунном свете она смыкает очи, подобно тому как лотос свертывает свои лепестки при легчайшем прикосновении к нему света луны. На поверхности ее щеки виднеются полоски от пробивающегося наружу пота, она напоминает поверхность пожелтевшего от спелости матового яблока, которое, отделившись от стебелька своего, упало на землю и до того было сочно, что после падения покрылось каплями выступившего наружу сока. В высокой груди ее был такой сильный жар от огня свежей ее молодости, что краска, покрывавшая грудь, потеряла свой цвет и как бы сгорела. На ее одежде, верхней и нижней, виднелись кое-где пятна, показывавшие, что эта одежда была в употреблении. Итак, это не богиня, а человек! И — о счастье! Молодость ее, очевидно, еще не изведана мужчиной, так как все тело ее хотя и нежно, но не дрябло. Хотя кожа на ее теле весьма сильно лоснится, однако она как бы пронизана белизной, как бы просвечивает. На лице ее нет резкой красноты, так как оно не испытало еще страстных поцелуев. Как драгоценный коралл, краснеют ее губы, и щеки ее упруги, как красноватый внизу лепесток не вполне еще раскрывшегося цветка чампака. Она спит сладко и безмятежно, не боясь попасть под стрелы бога любви. На теле ее красуются груди, которые не расползлись еще вследствие безжалостных любовных объятий. Сердце мое льнет к ней, между тем инстинкт мой никогда меня не обманывал, сердце никогда не влекло

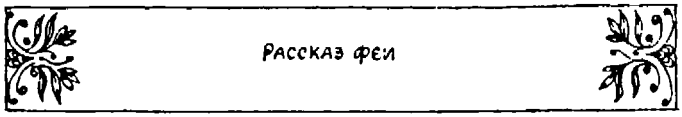
меня туда, где могли бы быть нарушены соответствующие мне правила жизни. Если я дам волю своему чувству и обниму ее, то ясно, что она закричит как ужаленная и проснется. Но не обнять ее и лежать тут долее я не могу. Пусть что будет, то будет! На этом я испытаю свое счастье!»

Тут я дотронулся до нее настолько легко, что почти не коснулся ее вовсе. Жуть любви пронизала меня, и я продолжал лежать неподвижно, притворившись спящим. Она же слегка шевельнулась, почувствовав на левом боку, где я до нее дотронулся, сладостную дрожь. Медленно и лениво стала она чуть-чуть потягиваться. Кончики ее ресниц зашевелились, она приоткрыла глаза, зрачки смотрели томно и лениво, а веки еще слипались по краям глаз от не вполне прошедшего сна. Любовь удивительна в своих проявлениях, и каких-каких только не вызывает она вместе с собой разнообразных чувств! Тут виднелись разные оттенки чувства стыда, соединенные то с испугом, то с удивлением, то с восторгом, то со страстью, то с шаловливым кокетством. Она хотела было вскрикнуть, чтобы разбудить служанок, и с большим трудом удержалась, чтобы этого не сделать. Едва-едва она сдерживала сердце свое, очутившееся во власти сильного порыва любви, и едва удерживалась от каких-либо движений, причем все тело ее покрылось от испуга, как от усилия, каплями пота. Она высоко подняла головку и, нежно прищурив глазки, с любовью тихо-тихо рассматривала меня всего.

Вдруг, хотя сердце мое было совершенно полно страсти, я засыпаю вновь, затем чувствую боль во всем теле, как от прикосновения к чему-то твердому, и просыпаюсь. Осмотревшись, я увидел тот же самый дремучий лес, что и накануне; я оказался под тем же деревом, и подо мною было то же ложе из листьев и веток. Ночь стала проясняться. Я задумался. «Что это такое? — мелькало у меня в душе. — Сон ли или обман? Какое-нибудь божеское или дьявольское наваждение? Но будь что будет! Я, во всяком случае, не покину этого места и этой своей постели на голой земле до тех пор, пока не узнаю, что это было в действительности. Всю свою жизнь, если на то пошло, буду я приходить ночевать сюда под защиту гения-хранителя этого места!»

Приняв это решение, я встал, как вдруг показалась какая-то женщина. Все стройное тело ее, казалось, страдало, как страдает гирлянда лотосов под влиянием раскаленных лучей солнца. Она, видимо, была в разлуке с мужем и не заботилась о своей внешности. Ее верхняя одежда была в беспорядке, ее губы без помады имели красновато-грязный цвет, они сморщились, как бы иссушенные огнем ее вздохов. Казалось, что через них вырывается наружу жгучий огонь ее одиночества вместе с красновато-коричневым дымом. Ее глаза были совершенно красны, казалось, они состояли из одной крови, а все остальное вытекло из них в непрерывном

потоке слез. Ее темные волосы были сплетены в одну косу в знак верности супругу во время разлуки с ним, они обратились как бы в веревку, эмблему оков честного поведения. Эта темная коса на вершине ее тонкого тела напоминала темно-голубую ленту, прикрепленную к вершине шеста. Это было как бы движущееся знамя супружеской верности. Хотя она и очень, очень исхудала, однако вследствие божественного какого-то величия она не казалась совсем безжизненной, сохраняя кое-какие краски. Я припал к ее ногам. Она страшно обрадовалась. Дрожащими руками она меня подняла, обняла, как сына, и поцеловала в голову. В ее грудях появилось молоко; казалось, то выходила из нее ее материнская любовь. Оставшиеся слезы скопились у нее в горле, и прерывистым от волнения голосом она сказала:



Рассказ феи

Милый, я мать твоя. Разве не рассказывала тебе Васумати, царица Магадхи *, про меня? Разве не рассказывала она, что однажды пришла к ней какая-то женщина, назвавшаяся дочерью Манибадры, которая передала ей в руки младенца Артапала и, рассказав целую историю о себе, своем муже, сыне и других, историю, которую она, в свою очередь, слышала от самого бога Куверы, скрылась. Это была я, твоя мать. Отец твой — Камапал, сын Дармапала и младший брат Сумантра. Беспричинная ревность омрачила мой рассудок, и я бросила его. Потом я горько в этом раскаялась. Во сне я видела, как кто-то в образе демона подошел ко мне и проклял меня, сказав: «Ты, ревнивая! Я поселюсь в тебе и проживу целый год, чтобы ты почувствовала горе жизни в разлуке с мужем». С этими словами он вошел в меня, и я проснулась.

Год этот прошел. Мне кажется, что он длился тысячу лет. Прошлою ночью я отправилась в город Шравасти * с целью провести там праздник в честь Шивы, трехглазого бога богов, а также повидаться со своими родными, которые на этот праздник все собираются из своих насиженных мест. Я хотела там же исцелиться от тяготевшего на мне проклятия и затем вернуться к своему мужу. На пути я натолкнулась на тебя в то время, как ты, кончая вечернюю молитву, проговорил: «Я отдаюсь под защиту гения-хранителя этой местности» — и заснул. Тогда я еще находилась во власти несчастного проклятия и не могла сразу определить, кто ты. Но я подумала: «Раз он молит о защите, то не годится оставлять его одного в этом дремучем лесу, где он подвергается стольким опасностям» — и, не разбудив, взяла тебя спящим с собой. Когда

же я пролетала мимо того царского дворца, где ты только что был, я подумала: «Могу ли я показаться на празднике в обществе этого юноши?» — и в это самое время случайно увидала на верхней террасе женской половины дворца, где так приятно спится в летнюю пору, лежащую на широкой, мягкой постели Навамалику, дочь царя Шравастийского, царя, носившего с полным правом имя Дармавардана, то есть «защитника справедливости». «Хорошо, что она спит, — подумала я, — и все окружающие ее служанки погружены в глубокий сон! Пусть этот молодой брамин полежит здесь часик-другой, а я пока успею слетать в город, исполнить там свои дела и вернуться вовремя обратно».

Я положила тебя там на террасе дворца, а сама удалилась в сторону города. Налюбовавшись блеском празднества, я зашла к своим родным и испытала радость свидания с ними. Затем я пришла в храм, поклонилась богу Шиве, владыке трех миров, и, со страхом вспоминая о своем проступке, стала молиться владычице Амбике *, его супруге, сердце которой известно своею милостью к существам, ей всецело преданным. И вот она, божественная дочь Гималая, с милостивой улыбкой обратилась ко мне со словами: «Не страшись, милая моя! Ты можешь теперь вернуться к своему супругу. Срок проклятия, тяготевшего над тобой, миновал». В тот же момент я снова оказалась во всеоружии всех своих сил и способностей. Тогда я вернулась туда, куда положила своего юного брамина, и, лишь только на него взглянула, сразу безошибочно признала в нем тебя:

«Как! Это мой собственный сын Прамати, дражайший друг моего милого Артапала. Как же это я, негодная, не узнала его и обнаружила такое к нему равнодушие! Кроме того, он уже успел влюбиться, да и царевна, со своей стороны, любит его, такого красивого молодого человека. И тот и другая лишь представляются спящими. И стыд, и страх мешает им открыться друг другу. Теперь мне необходимо уходить. Молодого человека я возьму в собой. Тайна его посещения пока что будет сохранена. Она тронута любовью к нему и не проронит ни словечка ни подругам, ни служанкам. Впоследствии случай ему представится, и он сумеет найти надлежащие пути для того, чтобы добиться своей цели». Приняв такое решение, я пустила в ход свои чары, усыпила тебя и принесла обратно на постель из листьев и ветвей. Вот что произошло! Теперь прощай, я возвращаюсь домой к стенам отца твоего.

При этих словах я встал, приложил ко лбу сложенные вместе ладони. Она же несколько раз меня обняла, прикоснулась к голове, поцеловала в щеки и, расстроенная приливами любви ко мне, удалилась. А я, будучи весь во власти пятистрелого бога любви, пошел обратно в Шравасти.

По дороге я зашел в большой купеческий поселок, где в это время происходил петушиный бой. Следившие за ним купцы страшно шумели; я подошел, смешался со зрителями и, увидав, на каких условиях начинается бой, невольно усмехнулся. Сидевший около меня какой-то старый брамин, по-видимому старый плут, потихоньку спросил меня, почему я, собственно, смеюсь.

Я ему ответил: «Как же это, на самом деле; на восточном кону стоит петух нарикельской породы, несравненно более сильный, и против него на западном кону выпускается людьми, которые, очевидно, ничего не понимают, петух балакской породы!»

Тогда старый брамин, который отлично это понимал, проговорил: «Молчи! Не стоит учить дураков!» — и, вынув из кожаного мешочка бетелевый пакетик вместе с кусочком камфары, предложил мне и стал занимать меня в течение некоторого времени разного рода интересными рассказами.

Между тем бой двух петухов развивался и достиг высшей степени ожесточения. При каждом ударе одного из них державшая за него партия поднимала такой крик, что, казалось, зарезали льва. В конце концов петух западного кона был побит. Тогда мой старый плут-брамин, обрадованный тем, что победила та сторона, за которую он держал, и благодарный мне за то, что я не расстроил его планов, превратился в моего друга, хотя мы по возрасту очень мало подходили друг к другу. Он в тот же день пригласил меня к себе на дом, предложил мне купание и угощение, и на следующий день, когда я продолжал свой путь к Шравасти, он вышел провожать меня. На прощание он сказал: «Если будет в чем-либо нужда, вспомни обо мне!» Затем мы расстались как друзья, и он вернулся к себе.

Я же достиг Шравасти и, усталый с дороги, прилег отдохнуть в парке, прилегающем к городу, в беседке, покрытой вьющимися лианами.

Меня разбудил крик лебедей. Я встал и увидал идущую на меня молодую женщину, у которой на лодыжках шумели звенящие ножные браслеты. Она подошла ко мне. В руках у нее был написанный на полотне портрет какого-то мужчины, похожего на меня. Она по очереди смотрела на меня и на него и, наконец, остановилась на некоторое время не то с удивлением, не то с сомнением, не то с радостью. Я также был поражен сходством портрета со мною, и, желая узнать, что заставляет молодую женщину искать чего-то и так меня рассматривать, ибо без причины это быть не может, я решил вступить с нею в разговор.

«Зачем, на самом деле, утруждать себя и так долго стоять на

ногах? — сказал я.— Не присесть ли нам? Вот, например, это прелестное местечко в этом дивном парке, оно всем одинаково принадлежит, и потому, заняв его, мы ничьих прав не нарушим!»

Она улыбнулась, сказала: «Благодарю вас» — и присела. Между нами завязался разговор о разных предметах и, между прочим, о местных происшествиях. Втянувшись в разговор, она спросила меня: «Ты, наверное, чужестранец. Видать, что ты как будто устал от путешествия. Если ты не считаешь это неудобным, то сделай милость, отдохни сегодня у меня в доме».

«Ах, милая моя,— сказал я,— это не только не неудобно, а весьма даже удобно!» И я последовал за ней. Придя к ней в дом, я был принят, как царь. После купания, угощения и тому подобных благ мы расположились с ней в приятном уединении, и она меня спросила: «Скажи, благородный господин! Во время твоих скитаний по белу свету не случалось ли тебе испытать чего-нибудь непонятного?»

У меня мелькнуло в душе: «Ого! Это хорошее начало! Наверное, это одна из подруг молоденькой царевны — я ведь видел ее окруженной всем сонмом приближенных. На картине же этой изображена, кроме того, и верхняя терраса с натянутой над ней белой завесой, а также и очень широкая, белая, под цвет осенних облаков, постель, и лежащая на ней собственная моя фигура со слипшимися во сне глазами. Поэтому я догадался, что дело тут в следующем. Бог любви довел также и царскую дочь до такого состояния, что она, нестерпимо страдая от огня любви и не будучи в состоянии найти себе место, подверглась настойчивым вопросам со стороны подруг о причинах ее страданий. Не желая прямо сказать, в чем дело, она дала, однако, достаточно ясный ответ посредством ловко придуманного маневра, а именно с помощью этого моего портрета. Если она задаст мне вопрос о том, не случилось ли со мной чего-либо непонятного, то это потому, что мое сходство с портретом вызвало в ней догадку. Я расскажу ей всю правду и рассею все ее сомнения!»

Приняв такое решение, я сказал: «Госпожа дорогая, дайте мне этот портрет». Она передала его мне в руки. Тогда я взял его и изобразил на соответственном месте той же картины также и ее, мою возлюбленную царевну, притворяющуюся спящей и находящуюся в смятении от сильного порыва любовной страсти. Нарисовав ее, я прибавил: «Когда я спал в дремучем лесу, то я видел вот такую именно молодую женщину спящей рядом с таким мужчиной. Должно быть, это сон!» Она обрадовалась, стала подробно меня расспрашивать, и я рассказал ей все происшествие со всеми подробностями. Со своей стороны, она мне расписала все разнообразные проявления чувства, вызванные у царевны, ее подруги, моим появлением.

Выслушав ее, я сказал: «Если твоя подруга столь ко мне внимательна и если сердце ее стремится ко мне, то повремени несколько

дней. Я между тем найду способ устроиться так, чтобы, не возбуждая ничьего подозрения, жить у вас на женской половине, и тогда обращусь к тебе».

Не без труда уговорил я ее согласиться. Затем я отправился в ту самую деревню, где я познакомился со старым проходимцем-брамином, и зашел к нему. Он засуетился, устроил мне отдых, дал умыться, накормил и сделал все прочее так же, как и в первый раз, и затем, когда мы остались наедине, спросил: «О благородный ариец, что привело тебя так скоро обратно?»

Я отвечал: «Твой вопрос, о благородный ариец, как нельзя более уместен. Слушай же. Ты знаешь город Шравасти и слыхал о царе его Дармавардане, этом воплощении справедливости. У него есть дочь, превосходящая своею прелестью богиню красоты, она является как бы дыханием бога любви и своею нежностью превосходит свежий цветок жасмина. Зовут ее Навамалика. Случилось так, что я с ней встретился, и она своими глазами так пронзила уязвимое сердце мое, что, казалось, сам бог любви осыпает стрелами самые жизненные места моего тела. Не будучи в состоянии без тебя залечить эти раны, я пришел сюда, полагая, что ты подобен самому Данвантари, врачу богов *, и что нет другого врача, тебе равного. Сделай милость, помоги мне в осуществлении некоего придуманного мною плана действий. Он состоит в следующем.

Я переоденусь в женское платье, и ты будешь выдавать меня за свою дочь. Мы вместе пойдем к царю, когда он в помещении судилища будет заниматься делами, и ты ему скажешь: ,,Вот моя единственная дочь. Мать ее умерла сразу после родов. Я один ее вырастил, был для нее одновременно и отцом и матерью. Мой родственник по женской линии, один молодой брамин, ее жених, отправился в Уджаини, главный город царства Авантийского *. Там он приобретает познания, которые составят для него ту цену, которую он заплатит мне за мою дочь. Я дал слово выдать ее за него и потому не могу отдать ее другому. Между тем она уже выросла, а его все еще нет. Поэтому я решил сходить за ним, привести его, отдать ему руку дочери и затем, передав им все хозяйство, удалиться в пустыню. За взрослыми девицами, в особенности когда они лишены матери, нужно следить очень зорко, осуществлять же этот надзор очень трудно, потому я прибегаю к тебе, царь! Ты заменяешь твоим подданным, когда нужно, и мать и отца, ты естественный защитник тех, кто находится в затруднении. Если ты меня, ученого брамина, пришельца, оказавшегося в затруднительном положении, милостиво причислишь к тем, на которых распространяется твое покровительство, о ты, первейший из всех царей, следующих по пути древних правителей, то пусть эта моя непорочная дочь поживет под защитою десницы твоей, как путник под тенью ветвистого дерева, я же пока схожу и приведу ее жениха“.

Если ты будешь говорить с ним в этом тоне, то он будет

польщен и поселит меня вместе со своею дочерью. Тогда ты можешь уйти. Следующий месяц будет март, а день мартовского полнолуния там празднуется. Все обитательницы женской половины дворца в торжественной процессии пойдут на купание. Ты тогда возьми с собою пару белой мужской одежды и дожидайся меня в храме бога Кумары, что в бамбуковой роще, к востоку от места купаний версты за четыре. Я же все это время, не возбуждая ни в ком ни малейшего подозрения, буду находиться в связи с царской дочерью и во время этого праздника буду особенно с нею забавляться в волнах Ганги, затем, воспользовавшись временем, когда все девушки будут увлечены играми в воде, я нырну, проплыву под водой и вынырну как раз недалеко от тебя. Тогда я сброшу женский костюм, надену принесенные тобою две мужские одежды и пойду вместе с тобою. Ты же будешь выдавать меня за своего будущего зятя, того жениха дочери твоей, которого ты привел из Уджаини. Царевна же будет искать меня и, нигде не найдя, будет все время рыдать у себя во дворце и говорить: ,,Без нее мне жизнь не мила!" Между тем по поводу моего исчезновения произойдет большой переполох, служанки будут рыдать, подруги будут проливать слезы, городское население будет выражать сочувствие, царь со своими министрами не будет знать, что делать. Тогда ты приведи меня в приемный зал к царю и скажи ему следующее: ,,Царь! Вот мой зять. Он достоин твоего царского уважения. Он знает писание, все четыре Веды *, он также знаток и вспомогательной литературы, ловкий диалектик, все шестьдесят четыре искусства * он знает теоретически и практически, в особенности же он специалист в учении о слонах, о лошадях и повозках, никто с ним не сравнится в стрельбе из лука и в употреблении в бою палицы, к тому же он талантливый рассказчик древних преданий и сказок, автор поэм, драм и повестей, глубокий знаток политических учений вместе с секретным учением о некоторых приемах управления. Кроме того, он никогда не завидует чужим достоинствам, доверчив к друзьям, любезен, всегда поделится тем, что имеет, помнит то, что ему говорят, и не имеет никакой гордости. Вообще я не вижу в нем ни малейшего недостатка и не вижу того достоинства, которым он бы не обладал. Обыкновенный брамин, такой, как я, собственно, недостоин иметь такого родственника. Я, после того как отдам ему дочь, как то приличествует моей старости, покину дом, войду в последнюю, отшельническую стадию жизни, если только ты, о царь, одобришь мои намерения".

Когда царь выслушает такие твои слова, он побледнеет в лице, придет в совершенное замешательство и начнет вместе со своими министрами подготовлять тебя, распространяясь о невечности всего земного и тому подобном. Ты же, узнав, в чем дело, перестанешь их слушать, станешь плакать навзрыд и после продолжительных рыданий, глотая слезы, начнешь собирать дрова, разжигать огонь и делать все приготовления к тому, чтобы сжечь себя живым на

могильном костре тут же, у ворот дворца. Увидев это, царь вместе с министрами немедленно бросятся к твоим ногам, упросят тебя остановиться и одарят тебя богатыми подарками, царь отдаст за меня свою дочь и, когда я своими способностями заслужу его доверие, передаст мне все бремя управления царством. Вот весь мой план. Его нужно привести в исполнение, если ты ничего против этого не имеешь».

Так как хитрый этот брамин, известный по имени Панчалашарман, был первейшим из пройдох и неоднократно осуществлял во всех подробностях хитро задуманные планы обмана, то он очень ловко провел все, что только что было сказано, со многими добавочными подробностями. Результат не заставил себя долго ждать. Мы достигли всех наших целей. Подобно тому как пчела пользуется и наслаждается свежим цветком жасмина, точно так же и я воспользовался и наслаждался чистой молодостью царевны Навамалики. Теперь я прибыл сюда, в город Чампу, со всеми своими войсками, имея в виду две цели: во-первых, оказать помощь этому царю Синхаварману и, во-вторых, для того, чтобы встретиться тут со всеми друзьями. Судьбе было угодно, чтобы я осчастливлен был свиданием также и с тобою, о царь!

Улыбка просияла на лотосоподобном лице царя, когда он выслушал этот рассказ о приключениях Прамати, и он сказал: «Сила твоя лежит в очаровании, приемы твои отличаются мягкостью; люди проницательные предпочитают такой способ действий».

«А теперь твоя очередь!» — сказал сын царя земного и взглянул на Митрагупта.

Глава шестая
Приключения Митрагупта

Он начал:

Царь, цель моих странствований была та же, что и других товарищей моих. И вот однажды я попал в царство Сухма *. Подходя к главному городу Дамалипта, я заметил в загородном саду большое праздничное собрание народа. Там же я увидел в стороне сидящего в беседке, покрытой вьющимися растениями, какого-то молодого человека, со страдающим видом развлекающего себя игрою на гитаре. Я спросил его: «Скажи, друг мой, какой это праздник, для чего он установлен и почему ты не принимаешь в нем участия, а сидишь в уединении, в сообществе одной только гитары, и как будто страдаешь?»

Он отвечал: «Дорогой мой! У Тунгаданвана, царя Сухмийского, не было детей. Тогда он припал к стопам богини Кали *, поселившейся в этом вот храме и забывшей о любимом своем местопребывании в горах Виндья. Он просил ее даровать ему двух детей. Постом и молитвой сопровождал он просьбу. Тогда богиня явилась ему во сне и сказала: „У тебя родится один сын и родится одна дочь. Первый должен будет служить мужем второй. Но до выхода замуж, начиная с седьмого года, пусть она ежегодно, когда луна вступает в созвездие Плеяд, ублажает меня танцами с мячом, если хочет получить достойного ее мужа. Кого она полюбит, за того и должна быть выдана. День этот пусть будет праздником и пусть называется Праздником мяча“. Вскоре после этого Медини, любимая супруга царя, родила ему сына, после которого родилась и дочь. Вот именно сегодня эта дочь, по имени Кандукавати, будет услаждать богиню Кали, луною венчанную, своими танцами с мячом. У нее есть подруга по имени Чандрасена, моя молочная сестра, которую я люблю. За ней в последнее время страшно ухаживает царевич Бимаданван. Поэтому я страдаю, пронзенный стрелами терзающего душу бога любви. В сердце у меня отчаяние, и я до известной степени утешаю себя сладкими звуками гитары, сидя здесь в уединении».

В этот момент послышались женские шаги. Подошла к нам молодая женщина со звенящими на ногах браслетами. Как только он ее увидел, лицо его прояснилось, он встал, она бросилась ему на шею и обняла его. Затем он сел на том же месте и обратился ко мне: «Вот та, которая мне дороже жизни! Разлука с ней жжет меня как огонь. Если сын царя отнимет ее от меня, то он отнимет от меня и жизнь мою! При мысли об этом кровь застывает у меня в жилах, как у мертвеца. Так как он царский сын, то я не буду

в состоянии помешать ему. Поэтому пусть знакомство со мной не имеет последствий, я готов покончить с этой жизнью, которая при данных обстоятельствах потеряла для меня смысл».

Когда он это сказал, все ее лицо покрылось слезами, и она отвечала: «Господин мой! Не совершай ради меня этого отчаянного поступка. Ведь ты происходишь от Артадаса, первейшего из здешних купцов, родители дали тебе имя Кошадас, то есть ,,слуга богатства", но враги твои по причине сильной любви твоей ко мне дали тебе прозвище Вешадас, то есть ,,слуга гетеры". Если ты при этом покончишь с собой, а я останусь жить, то я только оправдаю распространенное мнение, что гетеры — народ безжалостный. Поэтому сегодня же беги отсюда и веди меня с собой в любую страну».

Тогда он обратился ко мне и сказал: «Любезный мой! Ты видел много различных государств; которое из них богаче, где бывают лучшие урожаи и где население в большей своей части хорошо относится к пришлым людям?» Я на это, слегка усмехнувшись, отвечал: «Любезный друг! Земля ведь очень обширная, океан служит ей пределом. Много есть прелестных населенных мест, они встречаются в различных сторонах, им нет конца! Однако сначала подумаем вот о чем: быть может, я найду какой-нибудь такой исход, который даст вам возможность преспокойно остаться жить здесь, а затем, если это окажется невозможным, я сам буду вашим путеводителем».

В этот самый момент послышался звук женских шагов — раздался звон драгоценных браслетов на ногах. Тогда наша собеседница Чандрасена заволновалась и проговорила: «Это прибыла она, царевна Кандукавати. В честь богини Кали она исполнит танец с мячом. Всякий может свободно видеть ее на этом Празднестве мяча. Приходите смотреть вы оба. Это доставит вам большое удовольствие. Я же ухожу, я должна находиться при ней». Сказав это, она ушла. Мы оба последовали за ней.

ТАНЕЦ С МЯЧОМ

Мне сразу бросилась в глаза молодая красавица с линией губ ярко-вишневого цвета. Она стояла на большой, убранной всякими драгоценными украшениями сцене. Сразу же она проникла в мое сердце. Я не замечал, да и никто другой не замечал, что она находится на некотором расстоянии от нас. Удивленному и пораженному, мне показалось, не сама ли это появилась перед нами богиня красоты! «Нет, нет, однако,— подумал я,— богиня красоты ведь держит лотос в руке, а у этой сама рука является лотосом!

Затем, что касается богини красоты, то бог Вишну, первообраз мужчины, и первородные цари наслаждались ее телом, а это молодое тело совершенно непорочно, никто еще им не насладился». Пока я так рассуждал, царевна, все тело которой дышало непорочной свежестью, скрестила кончики своих нежных пальцев и, прикоснувшись ими к земле, быстрым движением преклонилась перед статуей богини, причем встряхнулись ее темные вьющиеся волосы. Затем она взяла в руки красный мяч, который показался мне самим богом любви с раскрасневшимися от сильной страсти глазами. Легко и грациозно бросила она его на землю. Он немного отскочил, и она поймала его своею нежною рукою, слегка согнув большой палец и вытянув остальные тонкие свои пальцы. Ударив его снизу верхней поверхностью ладони, она подбросила его вверх, и, когда он полетел обратно вниз, как брошенный букетик цветов, за которым гонится вереница пчел, она поймала его на лету и снова бросила. Затем она исполнила фигуру удаления и приближения к авансцене, все время при этом легкими ударами подбрасывая мяч, причем музыка переходила из умеренного в медленный и при приближении из умеренного в быстрый темп. Когда при удалении и замедлении темпа движение мяча как бы замирало, она безжалостными ударами заставляла его вновь подыматься. Наоборот, когда он начинал скакать все выше и выше, она, ослабляя удары, как бы давала ему успокоиться. Потом, поймав на руку падавший сверху мяч, она стала попеременно ударять его левой и правой рукой, заставляя его постепенно лететь вверх, как птичку. Когда же он с большой высоты падал на некоторое от нее расстояние, она бросалась, чтобы прибить его к себе, и в то же время исполняла так называемую «фигуру песни», то есть движения по десяти шагов с небольшими паузами между десятками. Она проделала эту фигуру удаления и приближения с мячом несколько раз, всякий раз в другом направлении. Исполнение ее, сопровождавшееся разными красивыми движениями, увлекло публику. Ее внимание было приковано к сцене. Поминутно раздавались разные возгласы одобрения. Я стоял прямо против царевны, опершись рукой на плечо Кошадаса. Волнение мое возрастало с каждым мгновением, щеки покраснели, глаза широко раскрылись. И в этот момент она стрельнула в меня таким взглядом, что, казалось, это сделал через ее посредство сам бог любви, специально для этой цели спустившийся в этот момент на землю. При этом она одновременно с игрою в мяч кокетливо играла бровями. От учащенного дыхания раскрывались ее губы, и розовый блеск их дрожал в воздухе. Казалось, то были не лучи красного цвета, а розовые веточки, которыми она отмахивалась от пчел, привлеченных к ней ароматом ее лотосоподобного лица. Как бы от стыда перед моими взглядами, она скрывалась в цветочную клетку, которая создавалась перед нею от весьма быстрого вра-

щения мяча. Под моими взглядами она затряслась, как будто бы встряхиваясь, после того как пятистрелый бог любви сразу ударил в нее всеми пятью стрелами своими, которые он обыкновенно выпускает последовательно одну за другой. Совершенно ясно было, что она волнуется от сильного порыва любви. В таком состоянии она стала исполнять фигуру зигзага, как бы подражая движению молнии. Она выступала в такт музыке, и с каждым шагом совпадал звон ее драгоценных украшений. Она посылала мне многозначительные улыбки, и розовые губки ее озарялись блеском улыбающегося лица. Пышная коса ее то стряхивалась с плеч, то снова ложилась на них.

Поясок, увешанный драгоценностями, звенел на ней всякий раз, как она до него дотрагивалась. Когда она сгибала или выпрямляла свое развитое седалище, то плотно облегавшая его одежда-повязка складывалась красивыми складками. Ее тонкие руки то сгибались, то вытягивались, ударяя по мячу и играя мячом. Заложив красивую руку за голову, она поднимала вверх упавшие на плечи локоны. Когда в ее ушных подвесках перепутывались золотые пластинки, она с необыкновенной быстротою, не останавливая танца, приводила их в порядок. Руки и ноги ее были в постоянном движении, сообразно тому как она, ударяя по мячу, бросала его то от себя, то к себе. Ее стройная талия то исчезала, то как бы вновь показывалась, по мере того как она либо нагибалась, либо выпрямлялась. Спускавшаяся с ее плеч длинная жемчужная нить была в постоянном движении, сообразно с движением ее тела вниз и вверх. Движение воздуха, возбуждаемое, как веером, движением ее ушных подвесок, поднималось как бы для того, чтобы высушить капли пота, выступавшие на ее лице и портившие арабески, коими разрисованы были ее щеки. Нежные пальцы одной руки то и дело поправляли лиф, немного приоткрывавший ее высокую грудь. В продолжение всего танца царевна делала самые разнообразные движения: она и опускалась, и вставала, глаза и открывала, и закрывала, то приостанавливалась, то двигалась. После паузы она вдруг принялась исполнять новые фигуры и с одним, и с несколькими мячами, заставляя их то летать в воздухе, то двигаться по земле. Наконец, она вместе с Чандрасеной и другими подругами несколько раз прошлась по сцене и заключила это шествие земным поклоном перед статуей богини. Затем с подругами вместе стала удаляться по направлению к женской половине дворца. Мое влюбленное сердце как бы провожало ее вместе с преданными ей служанками. Уходя, она опять подарила мне такой взор, что, казалось, сам бог любви ударил в меня своей сильнейшей лотосовой стрелой. Неоднократно многозначительно поворачивала она свое прелестное, как диск луны, лицо. Она, очевидно, желала удостовериться в том, дошло ли сердце ее, которое она мне посылала, по назначению, или же оно возвращается обратно.

Меня же стал терзать бог любви, и в этом состоянии я вернулся домой, где Кошадас устроил мне роскошный прием с ванной, угощением и прочим.

Вечером пришла к нам Чандрасена. Улучив момент, когда мы с ней остались наедине, она поклонилась мне в ноги. Затем она села рядом со своим возлюбленным, грациозно, с любовью прижавшись плечом к его плечу. Кошадас пришел в хорошее настроение и проговорил: «О длинноокая красавица моя! Пусть до конца дней моих ты будешь ко мне столь же милостива, как и теперь!» Я усмехнулся и сказал: «Друг мой! Это твое пожелание нетрудно исполнить. У меня есть волшебная мазь. Если она помажет ею себе глаза, то царевичу она будет представляться в виде обезьяны. Тогда он ее разлюбит и бросит за ней ухаживать». Она рассмеялась и обратилась ко мне, говоря: «Ты оказываешь мне, твоей покорной слуге, слишком большую милость. Ты в этом же перерождении хочешь лишить меня человеческого образа и превратить в обезьяну! Оставим это! Наше желание осуществится другим путем! Сегодня как раз на празднике, при исполнении священного танца с мячом, царская дочь увидела тебя, превосходящего своею красотой бога любви. Она сразу влюбилась в тебя. А бог любви, как бы из ревности, стал терзать ее свыше всякой меры. Я вижу, в каком она состоянии, и сообщу об этом деле своей матери, она же скажет ее матери, а царица скажет о нем царю. Увидев, в чем дело, царь отдаст тебе руку своей дочери. Тогда и царевич окажется у тебя в подчинении. Ведь божество предсказало такой оборот событий. Когда же царская власть будет в твоих руках, то царевич Бимаданван не будет в состоянии приставать ко мне, если ты этого не пожелаешь. Поэтому потерпи немного, поживи здесь дня три-четыре». При этих словах она поклонилась мне, обняла своего возлюбленного и удалилась. Мы же с Кошадасом принялись всячески размышлять по поводу сказанного ею, и в этих размышлениях прошла у нас почти вся ночь. Поутру я совершил обычные обряды и затем отправился гулять в парк, к тому самому месту, где накануне я испытал счастье увидеть впервые свою возлюбленную царевну. Туда же пришел и сын царя Бимаданван. Без всякой гордости он стал со мною любезно разговаривать и посидел со мною некоторое время. Затем он пригласил меня к себе, провел в верхние комнаты и там устроил мне почетный прием, предложив то же кушанье, угощение, отдых и прочее, какими пользовался и сам.

Пока я спал и во сне сладостно вкушал счастье свидания и объятия моей возлюбленной, он приказал нескольким наиболее сильным из своих слуг связать мои толстые сильные руки железными

цепями. Я проснулся, и он сгоряча обратился ко мне так: «Горе тебе, злодей! Твои переговоры с негодной Чандрасеной подслушала через оконное отверстие девочка, которой я поручил следить за ней и донести мне. По ее словам выходит, что несчастная царевна Кандукавати в тебя влюблена, что я должен буду тебе подчиняться и что, не смея тебя ослушаться, я уступлю Чандрасену твоему другу Кошадасу». При этих словах он посмотрел на одного из находившихся тут слуг и сказал: «Брось его в море!» Этот отчего-то так обрадовался, как будто ему досталось целое царство, и сказал: «Слушаюсь, царь!», а затем исполнил его приказание. Очутившись в воде безо всякой поддержки, я стал двигать руками во все стороны, пока случайно не наткнулся на какое-то бревно. Я лег на него грудью и продержался при помощи его на воде весь день и всю следующую ночь. На рассвете я увидал какое-то судно. На нем оказались арабы. Они подобрали меня и доложили командиру корабля по имени Рамешу: «Мы вытащили из воды какого-то человека, крепко закованного в цепи, он на вид так силен, что, наверное, может один сразу, в один момент, выдавить сок одной тысячи гроздей винограда!» Но в этот самый момент налетело на них какое-то военное судно в сопровождении целой флотилии маленьких лодок. Арабы перепугались. Между тем лодки, гнавшиеся за нами, как гончие собаки за вепрем, очень скоро догнали и окружили наше судно, и завязалась битва, в которой арабы стали терпеть поражение. Видя, что они в безвыходном положении и начинают терять мужество, я стал их ободрять и сказал: «Снимите с меня оковы. Я один уничтожу ваших врагов». Они послушались меня. Я взял лук, и из него посыпался со страшным свистом целый дождь стрел на вражеских матросов. Все они получили ранения, и их тела были превращены в бесформенную массу кусочков мяса. Подплыв тогда к вражескому кораблю, палуба которого была усеяна мертвыми телами, и причалив к его борту, мы перешли на него и нашли командира корабля одного, без матросов. Мы взяли его живым в плен. Он оказался не кем иным, как царевичем Бимаданваном. Когда я его узнал, ему стало стыдно. Тогда я сказал ему: «Видишь, какие шутки может сыграть над нами судьба». А торговцы-арабы стали испускать радостные клики «алла, алла!» и очень крепко связали его теми как раз цепями, которые были сняты с меня. Мне же они стали оказывать все знаки почтения. Между тем подул сильный противный ветер. Управлять кораблем стало невозможно. Ветром его отнесло вдаль и наконец прибило вплотную к берегу какого-то неизвестного острова. На нем мы надеялись найти сладкой питьевой воды, топлива и съедобных клубней, плодов и корнеплодов и потому сошли с корабля на глубоко в море уходившую, закругленную каменную косу. Выйдя на берег, я воскликнул: «Как прелестен склон этой горы, подножие ее еще прелестнее! Прохладная вода этого родника покрыта, как звездочками, цветочной пылью голубых и красных лотосов! Вос-

хитительна картина этого леса, усеянного разноцветными гроздьями цветов». Взор мой снова и снова, все жаднее и жаднее всматривался в представившуюся картину, и я совершенно незаметно для себя поднялся на вершину горы и там очутился у какого-то небольшого озера с красноватою водой, к которой спускалась каменная лестница, сделанная из ярко блиставших рубинов; поверхность его была усыпана цветочной пылью лотосов. Я выкупался и съел несколько корешков лотоса, которые были сладки, как амброзия. Белые цветки лотоса пристали к моим плечам, когда я вышел из воды. На берегу я наткнулся на какого-то страшного демона-людоеда, который грубо закричал на меня: «Кто ты такой? Откуда ты родом?» Я нисколько не испугался и отвечал: «Дружище! Я благородный ариец! Из рук врага я попал в море, из моря — на корабль арабских купцов, с корабля — на эту прелестную пестрокаменную гору и тут случайно отдыхаю у этого озерка. Впрочем, желаю тебе быть здоровым!» На эти мои слова тот сказал: «Отвечай мне на вопросы! Если ты не ответишь, я съем тебя!» Я сказал: «Ладно, спрашивай!» После разговор наш продолжался в стихах:

Он: Где жестокость?
Я: В сердце женщины.
Он: Что полезно, что приятно человеку женатому?
Я: Жена-хозяйка.
Он: Любовь, что это такое?
Я: Воображение только.
Он: Для кого нигде нет трудного?
Я: Для ума изобретательного.

Что это действительно так, доказывается судьбою Думини, Гомини, Нимбавати и Нитамбавати. Когда я это сказал, он попросил меня рассказать ему о том, каковы были эти женщины. Я для примера стал рассказывать историю о Думини.

Жестокосердная жена

Существует страна, называемая Тригарта *. Там жили когда-то три родных брата по имени Данака, Даньяка и Диньяка. Все они обладали большим, солидным состоянием. При их жизни случилось, что двенадцать лет подряд не было дождей. Хлеба засыхали на корню, овощи не давали плода, бесплодны стали и плодовые деревья, облака проходили без дождей, реки пересохли, от озер оставалась одна грязь, все горные потоки перестали стекать с гор, съедобные дикие клубни, корни и плоды стали редкостью. Умолкли рассказы, перестали справляться заветные празднества, умножилась порода воров, люди стали съедать друг друга, они превратились в блуж-

дающие черепа, желтые, цвета журавлиных птенцов. Стаи высохших ворон перелетали с места на место. Опустели большие города, деревни, посады, поселки и тому подобное.

У упомянутых троих домохозяев сначала истощились все запасы хлеба, затем они по порядку поели коз, овец, буйволов, стадо коров, рабынь, рабов, детей, жен старшего и среднего брата и, наконец, дожили до того дня, когда постановили назавтра съесть жену младшего брата Думини. Но младший брат, Диньяка, не был в состоянии есть свою любимую супругу. В ночь накануне того дня, когда она должна была быть съедена, он вместе с ней бежал. На пути она устала, он взял ее на плечи и пошел, неся ее в глубь лесов. Мясом и кровью собственного тела он утолял ее голод и жажду. Неся ее далее на себе, он увидал валяющегося на земле какого-то человека, у которого были отрублены руки, ноги, уши и нос. Будучи жалостливым в сердце, он взял его также на плечи и снес в самую лесную чащу, где еще много было дичи и съедобных корнеплодов и клубней. Старательно устроив там шалаш, он прожил в нем с женой и обезображенным калекой довольно долгое время. Залечив его раны посредством масла из растения ингуди и других снадобий, он кормил его мясом и овощами наравне с собой. Когда же Думини, супруга Диньяки, заметила, что он откормился, растолстел и стал иметь как бы избыток жизненных соков, она, воспользовавшись отсутствием мужа, ушедшего на охоту за дичью, пристала к нему с предложением своей любви. Хотя тот ее и выбранил, однако она насильно заставила его отдаться ее любви. Вернулся муж и попросил у нее попить воды. Она отвечала: «Доставай сам, вода в колодце. У меня болит голова»,— и бросила ему ведро с веревкой. Когда же он принялся доставать ведром воду из колодца, она подошла к нему сзади и спихнула в колодец. После того она взяла своего обезображенного калеку-любовника на плечи и стала переходить с ним из одной страны в другую, выдавая его везде за своего мужа. Она приобрела славу верной жены и пользовалась всякого рода почетом и подарками. Наконец по милости царя Авантийского она обосновалась в его царстве и стала жить в очень большом довольстве и богатстве. Между тем муж, которого она бросила в колодец, был случайно найден проезжими купцами, которые искали воды. Они вытащили его. И вот однажды она видит его, бродящего в Аванти и просящего подаяния.

Тогда она говорит: «Вот тот злодей, который превратил моего мужа в калеку!» И она заставила не подозревавшего истины царя сделать распоряжение о том, чтобы праведник этот был подвергнут мучительной казни.

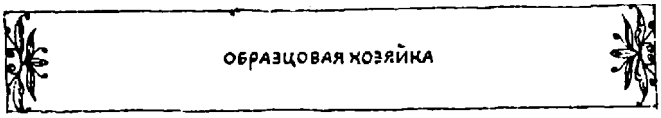
И вот Диньяка со связанными назад руками был сведен на лобное место. Но, очевидно, судьба давала ему еще продолжение жизни. Ничуть не падая духом, он говорит начальнику: «Пусть тот несчастный, которого я будто бы искалечил, скажет, что я в этом виновен! Тогда наказание мое будет наложено справедливо!»

Начальник подумал: «Да отчего бы и не сделать этого?» Калека был приведен, и лишь только ему показали на этого предполагаемого преступника, он разрыдался и, будучи честной душой, рассказал про то, каковы были благодеяния праведника, и про то, какие злодейства совершила его лживая жена.

Разгневанный царь повелел за все ее злодейства искалечить ей лицо и назначить поварихой для собак. Диньяку же он осыпал своими милостями.

И вот почему на вопрос: «Что жестоко?» — я отвечаю: «Жестоко сердце женщины».

Затем людоед попросил меня рассказать также и историю Гомини. Я стал рассказывать.



ОБРАЗЦОВАЯ ХОЗЯЙКА

В стране дравидов есть город по названию Канчи *. Там жил сын некоего купца по имени Шактикумара, состояние которого исчислялось несколькими десятками миллионов. Когда ему должно было исполниться восемнадцать лет, он стал призадумываться. «Счастье невозможно в жизни без жены,— думал он,— как же мне поступить, чтобы найти себе добродетельную супругу?» Бывает случайное счастье с женой, найденной чужими, достойными доверия людьми, но он не считал этот путь надежным и отправился искать себе подходящую жену. Под видом прорицателя он отправился странствовать по земле, взяв с собою зашитым в мешке некоторое количество риса в зерне. Родители везде показывали ему своих дочерей, потому что принимали его за прорицателя. Лишь только он встречал девушку подходящей касты, с подходящими на теле благоприятными признаками, он обращался к ней с такими словами: «Не можешь ли ты, дорогая моя, угостить меня кашей из этого риса?» В ответ на это его с насмешками выгоняли вон. Так он странствовал из дома в дом. Однажды он таким образом очутился в стране Шиби *, в главном городе, расположенном на правом берегу реки Кавери. Там он увидел молодую девушку-сироту, которая вместе с родителями лишилась всего их большого состояния. Жила она в бедном доме, не имела денег, носила лишь несколько незначительных украшений, была на попечении своей воспитательницы, которая ее и вывела к нему. Рассмотрев ее внимательно, он пришел к следующему заключению: «Эта молодая девушка сложена пропорционально: все члены ее не слишком толсты и не худощавы, нет ни одного слишком длинного и слишком короткого, нет ни одного обезображенного каким-нибудь недостатком члена,

и цвет ее кожи совершенно чист. На ее ступнях замечаются розовые пальчики и линии счастливых предзнаменований в форме ячменного колоса, лотоса, кувшина и прочих. Ее голени хотя и мускулисты, однако щиколотки не выдаются, и не видать жил; линия ляжек образует овал правильной формы, колени едва виднеются, они как бы исчезают в полноте ее пышного тела. Ее седалище образует правильно закругленную, как колесо, линию, оно пропорционально разделено, и на каждой половине виднеется посредине по маленькому углублению. Кружок ее пупка едва заметен, он образует углубление на слегка выгнутой середине живота и прикрыт тремя красивыми складками. Ее красивые, пышные груди высоко вздымаются, и выпукло на них выдаются наружу два сосца. Ее ладони покрыты счастливыми линиями, знаменующими обилие денег, хлеба и многочисленное потомство. Ее красные, выпуклые, тонкие ногти блестят, как драгоценные каменья, на розовых, прямых, правильно округлых пальцах. Нежные руки ее, как две лианы, гладко спускаются с плеч, так что суставы на них незаметны. Ее тонкая шея красуется, как горлышко кувшина. Овал ее лотосоподобного лица разделен посредине красной полосой губ, снизу же оканчивается прелестным подбородком, как бы касающимся линии плеч. Круглые щеки ее полноваты и упруги. Нежные линии ее прелестных темных бровей слегка изогнуты и не касаются друг друга. Линии ее носа напоминают форму не вполне развившегося цветка тила. Ее большие глаза блистают тремя цветами — весьма темным зрачка, белым глазного яблока и красным его окружности; ласково, умно и спокойно смотрят они. Красивая форма ее лба походит на половину луны и обрамлена сверху рядом прелестных локонов цвета темного сапфира. Линии ее прелестных продолговатых ушей напоминают линии дважды свернувшегося стебля лотоса. Ее пышные, не слишком вьющиеся душистые волосы представляют собой одну сплошную массу ровного, темного, как смоль, цвета, которая даже на краях не имеет более бледного оттенка. Характер ее, наверное, столь же безупречен, как и красота, однако я все-таки подвергну ее испытанию,— подумал он,— затем женюсь на ней. В таком деле нельзя поступать неосторожно. Иначе последует раскаяние за раскаянием». Так размышлял он, смотря на нее любующимся взором, и сказал: «Сумеешь ли ты, дорогая, из этого количества риса сделать кушанье и накормить меня?»

Тогда она вопросительно посмотрела на свою старую няню, потом взяла из его рук мешочек риса, отвела его на предварительно хорошо спрыснутое водою и выметенное место под навесом у дверей дома, посадила его на нем и подала воды для омовения ног. После того она взяла душистые, не совсем просохшие зерна риса, рассыпала их на ровном месте и, несколько раз переворачивая на солнце, слегка просушила их. Затем она весьма осторожно принялась растирать их гладкой поверхностью круглой палочки, чтобы снять с зерен шелуху целиком, не раздробляя ее. Окончив быстро эту

работу, она сказала няньке: «Матушка, такая шелуха нужна золотых дел мастерам, потому что посредством нее хорошо обчищаются драгоценные украшения. Продай ее и на полученные копейки купи несколько поленьев дров самой крепкой породы, не слишком сырых и не слишком сухих. И принеси мне также среднего размера горшок для варки и две чашки». Та сказала: «Хорошо» — и ушла. Тогда молодая девушка бросила рис в ступу, крепкую, из какубового дерева сделанную, не очень мелкую, кверху расширявшуюся, а также взяла большой, тяжелый, из кадирового дерева пестик, снизу обшитый листовым железом, кверху ровный с утончением посредине, и стала ловко и грациозно поднимать и опускать его, доставляя своей руке немалую работу. Несколько раз она размешивала пальцами уплотнявшийся слой зерна и принималась вновь его толочь. Затем она высыпала зерно на веяльное корытце и, потрясая его, выделила наверх оставшиеся еще в нем усы риса. После этого она вымыла его и, предварительно сотворив молитву гению кухонного очага, стала кипятить воду. Дав ей пять раз подняться, она бросила в нее рис. Когда зерна стали разбухать, но еще отделялись одно от другого, она дала им размякнуть настолько, что они стали несколько мягче цветочной почки.

Тогда она уменьшила огонь, покрыла горшок крышкой и вылила через нее из горшка рисовый отвар. В оставшийся рис она опустила ложку и в продолжение некоторого времени размешивала его, пока он весь не оказался равномерно сварившимся. Тогда она опрокинула горшок и высыпала рис в чашку. Не совсем еще перегоревшие дрова она обдала водой, затушила и превратила в уголь, который и послала сразу продать торговцу, сказав няне: «За это ты получишь несколько копеек и купишь на них немного овощей, немного топленого коровьего масла и зерен миробалана и тамаринда, сколько бы ни пришлось получить за эти деньги». Все это нянька исполнила. Из принесенных припасов девушка приготовила несколько острых приправ к рису. Затем, так как и рис и отвар находились в двух новых чашках, стоявших на влажном песке, и были очень горячи, она, чтобы окончательно их приготовить, сначала охладила их легким ветерком посредством веера, затем посолила и подушила запахом благовонного курения и таким образом окончательно приготовила. Зерна же миробалана она растолкла, приготовила из них ароматный порошок, придала ему еще запах лотоса и через посредство няньки пригласила гостя перед обедом принять ванну. Нянька, которая предварительно сама совершила омовение, подала ему душистую мазь из миробаланового порошка. Он как следует выкупался и надушился. Окончив омовение, он сел на скамеечку, поставленную на месте, которое сначала было для того вспрыснуто водою и выметено. Перед ним лежал большой ярко-зеленый лист, снятый с банановой пальмы, росшей тут же перед домом; верхушка от него была отрезана, и на нем стояли две чашки — одна с рисом, другая с отваром. Он уже протянул пальцы к сочному рису, но

приостановился — она сама стала ему служить. Сначала она подала ему приготовленный ею горячий жидкий отвар. Он напился и сразу же приободрился, усталость с дороги прошла, все тело покрылось легким потом. Затем она подала ему рис, положив его двумя полными ложками на зеленый лист, лежавший перед ним. К нему она подала жидкий соус и приправы. После того как она подала ему кислого молока, смешанного с медом и розовым маслом, и в заключение прохладительное блюдо из сыворотки с рисовым экстрактом, он был совершенно сыт. Немного рису еще оставалось. Тогда он попросил пить. Она полным потоком налила ему питьевой воды, которая хранилась у нее в новом кувшине и была надушена курением алоэ, ароматом свежих бегоний и благоуханием вполне распустившихся лотосов. Он поднял надо ртом кружку и стал вливать в себя эту прозрачную воду до тех пор, пока она не дошла у него до горла, при этом все пять чувств его испытывали своеобразное наслаждение: глаза его покраснели, и на ресницах выступили неправильными рядами капли холодных слез; слух его приятно внимал потоку вливавшейся через рот воды; по его гладким щекам пробежало содрогание, как от ощущения при соприкосновении с чем-то приятным; ноздри расширились, чтобы жадно вдыхать сильнейший поток аромата; необыкновенная сладость воды заставляла его язык, приподнимаясь, причмокивать. Она предложила ему выпить еще кружку, но он знаком головы отказался. Тогда она в другой кружке подала ему воды для полоскания рта, а старая няня убрала все остатки обеда и приготовила гостю место для отдыха: на полу, вымытом водой, смешанной со свежим коровьим пометом, лоснившемся светло-коричневой, гладкой и твердой поверхностью своей, она разостлала свою собственную старую одежду, и он, расположившись на ней, заснул.

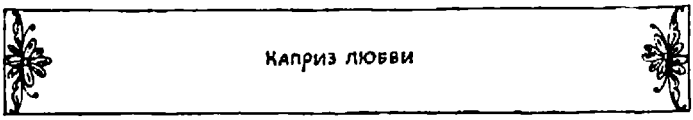
Будучи как нельзя более удовлетворен сделанным испытанием, он сочетался с ней браком согласно законам своей религии и взял ее в свой дом. Но это не помешало ему, не испросив ее согласие, привести на женскую половину еще и другую женщину, которая до того была профессиональной гетерой. И ее она приняла в дом радушно, как дорогую подругу. Мужу она была предана, как божеству, и никогда не уставала ухаживать за ним.

Все обязанности по хозяйству она исполняла неукоснительно. Так как ее внимательности и любезности не было конца, прислуга охотно ее слушалась. В конце концов она своими талантами покорила мужа, так что он поставил весь дом в зависимость от ее воли. Так как жизнь и здоровье его были в ее руках, то все цели его жизни, его материальное благосостояние, его семейное счастье и его религиозные идеалы осуществлялись в жизни согласно с ее желаниями.

Итак, вот почему я отвечал на твой вопрос о том:

Что приятно, что полезно
Человеку женатому? —
Полезны и приятны
Таланты женщины-хозяйки.

Затем по просьбе того же демона-людоеда я рассказал ему историю о замужестве девицы Нимбавати.



Каприз любви

В стране Сауराштра * есть большой приморский город Валаби *. Там жил богатый судовладелец по имени Грихагупта, состояние которого равнялось богатствам бога Куверы, владыки всех сокровищ. У него была дочь по имени Ратнавати. И вот какой-то молодой купец по имени Балабадр, возвратясь из путешествия из страны Мадумати *, стран мусульманских, взял ее замуж. Но в самую свадебную ночь, когда молодые остались наедине и он слишком резко стал домогаться любовных наслаждений, она вспылила и отказала ему. Он же после того сразу почувствовал к ней отвращение, не захотел даже с ней встречаться и прекратил посещения дома ее родителей из стыда перед ними. Все уговоры его друзей не могли заставить его изменить эти отношения. Она же была несчастна, над ней издевались как свои, так и чужие, называя ее не Ратнавати, а Нимбавати, что значит «колючка». Прошло некоторое время, и она стала горько раскаиваться в своем поступке.

Однажды, когда она сидела в раздумье о том, какая ее ожидает судьба, пришла к ней старая монахиня, которую она любила, как мать, и принесла ей несколько оставшихся от приношения богам цветов. Наедине с нею Ратнавати стала жаловаться на свою судьбу и рыдать. Слезы жалости показались также в глазах монахини. Она всякими способами старалась ее успокоить и спросила наконец о причине ее горя. Тогда та, стыдясь важности своего проступка, с усилием проговорила следующее: «Мать моя! Зачем мне все тебе рассказывать! Скажу только одно: если замужняя женщина несчастна, особенно женщина, дорожащая своей честью, то это для нее живая могила. Например, я: начиная с матери, все родные не смотрят на меня иначе, как с презрением. Сделай что-нибудь такое, чтобы они изменили свое отношение ко мне. Иначе я положу конец этому бесцельному моему существованию. Но, пожалуйста, не разглашай никому этой тайны, пока я еще жива». При этих словах она упала к ее ногам. Монахиня подняла ее, сама расплакалась и сказала: «Дитя мое! Не принимай таких внезапных решений. Я в твоем распоряжении. Пока я тебе буду нужна, я не буду служить никому другому. Если жизнь действительно до такой степени тебе опротивела, то ты можешь удалиться в монастырь и под моим руководством отдаться посту и молитве в целях достижения блаженства в будущей жизни. Ведь ясное дело, что твое несчастье есть результат какого-нибудь проступка, совершенного тобою в одном

из прежних твоих перерождений. Иначе нельзя себе объяснить, что ты, будучи одарена такою красотою, такими нравственными качествами и столь благородным происхождением, тем не менее возбуждаешь чувство отвращения в своем муже! Но нет ли у тебя самой какого-нибудь плана для исцеления мужа твоего от вражды к тебе? Если есть, скажи мне. Ты ведь всегда была очень сообразительна».

Тогда она опустила голову и простояла несколько времени в неопределенном раздумье, затем вздохнула с глубоким и сильным чувством и сказала: «Матушка! Муж ведь единственное божество для жены, в особенности для верной жены. Поэтому нужно было бы сделать что-нибудь такое, что поставило бы меня в такое положение, чтобы я могла проявить полнейшее к нему послушание. И вот что я придумала. Рядом с нами живет купец по имени Нидипатидатта; по благородству своего происхождения, по своему богатству, по своей близости ко двору он превосходит всех старейшин города. Его дочь по имени Канакавати очень походит по внешности на меня, она — моя подруга, очень мне преданная. С нею вместе, разодевшись вдвойне лучше против обыкновенного, мы расположимся на верхней террасе их дома. Ты же постарайся как-нибудь привести к этому дому мужа моего, сказав, что мать моей подруги очень хочет его видеть. Когда он вместе с тобою подойдет к самому дому, то я представлюсь как будто заинтересовавшейся и заигрывающей с ним и брошу в вашу сторону мяч. Ты его поднимешь, отдашь ему в руки и скажешь: «Сын мой! Это Канакавати, подруга твоей жены, дочь главы здешней гильдии купцов, которого зовут Нидипатидатта. Она страшно осуждает тебя за твою историю с Ратнавати, находит, что ты безжалостен и непостоянен. Поэтому этот мяч есть вещь, принадлежащая врагу, и ты обязан ее вернуть». Услышав это, он, наверное, поднимет голову кверху и, увидав меня, примет меня за мою подругу. Когда я, подняв кверху сложенные ладони, буду просить его вернуть мяч, он вернет его после многократных моих просьб; при этом некоторый интерес ко мне западет в его сердце. После такого начала страсть его будет развиваться, и тогда нужно будет устроить дело так, чтобы он назначил мне свидание и, взяв меня с собою, бежал в другую страну».

Монахиня радостно одобрила этот план и стала приводить его в исполнение. В результате Балабадр был одурачен старой монахиней и, будучи убежден, что имеет дело с Канакавати, ночью, в непроглядную тьму, взяв ее вместе с ее драгоценностями, деньгами и украшениями, бежал из города. Монахиня же стала распространять слух, будто Балабадр ей накануне сказал: «Я был не прав в том, что без основания бросил Ратнавати, оскорбил ее родителей и не слушался советов моих друзей. Теперь, если я вновь с ней сойдусь, мне будет стыдно оставаться в том же городе».— «Наверное, он увел ее в другое место. Впрочем, все скоро разузнается!» — подумали все.

Слух такой дошел до ее родни, и она не стала делать особых

усилий, чтобы ее найти. Ратнавати по пути наняла служанку, которая несла дорожный провиант и прочее имущество. С нею вместе они прибыли в город Кетак *. Тут Балабадр занялся торговлей. Будучи по природе ловким купцом, он, начав с незначительным капиталом, в скором времени нажил большое состояние и занял положение в числе первейших граждан города. Дело его требовало большого количества служащих, которые все жили в его доме. Однажды он сильно выбранил ту служанку, с которой они впервые прибыли в этот город. «Ты не работаешь,— кричал он,— воруешь на глазах и дерзишь!» В прежнее время она пользовалась доверием своих хозяев и знала тайну, заставившую их переехать в этот город. Теперь она рассердилась и стала разглашать ее отчасти и на стороне. Слух о ней дошел и до начальника городской полиции, человека корыстного. Он явился в совет городских старейшин и стал перед ними выказывать сильное возмущение: «Этот Балабадр — преступник! Он украл и увез Канакавати, дочь Нидипатидатта, и после того поселился в нашем городе! Следует конфисковать все его имущество, и нечего вам возражать против конфискации!» Балабадр перепугался, но Ратнавати его успокоила. «Не бойся,— сказала она ему,— скажи, что это вовсе не Канакавати, дочь Нидипатидатты, это — Ратнавати, родом тоже из Валаби, дочь Грихагупта. Я взял ее с согласия ее родителей и женился на ней законным путем. Если вы мне не доверяете, пошлите разведчика к ее родителям».

Балабадр так и сказал. Гильдия местных купцов за него поручилась. Он оставался на свободе до тех пор, пока Грихагупт не получил письма из города Кетака и не узнал из него о случившемся. Тогда он прибыл в этот город, был весьма обрадован согласием, установившимся между его дочерью и зятем, и увел их обратно в родной город. Увидев, таким образом, что он принимал Ратнавати за Канакавати, Балабадр, однако, не изменил своего к ней отношения, и оказалось, что он очень любит ее. Оттого я и говорю: «Любовь есть какой-то каприз воображения».

После этого демон-людоед спросил меня про историю Нитамбавати, и я стал ее рассказывать.

ПРОЙДОНА

В Сурасенском царстве * есть город, называемый Матура. Там проживал некий молодой человек благородного происхождения, большой любитель продажных женщин и всяких художеств. В делах своих друзей он любил на свой риск затевать и разжигать всякие ссоры, и потому беспощадная молва наложила на него прозвище Калахакантак, то есть «Заноза». Однажды ему случилось

увидать в руках приезжего художника картину. На ней изображен был портрет молодой женщины. Достаточно было одного взгляда на этот портрет, чтобы свести с ума нашего Калахакантака. Тогда он обратился к художнику с такими словами: «Любезный друг! Мне представляется тут в чертах написанной тобою женщины какое-то противоречие. Такие формы редко встречаются между женщинами хорошего рода, между тем манеры указывают на благородство происхождения. Цвет лица бледен, но тело такое, что оно, очевидно, не испытывало счастья слишком усердных любовных наслаждений. Выражение лица у нее гордое, недоступное. Между тем муж ее не находится в отсутствии. Она не носит волос, заплетенных в одну косу, и прочих отличий жены, ожидающей возвращения мужа. Кроме того, у нее на боку я вижу вот этот знак — след ногтей от недавних объятий. Поэтому это должна быть замужняя женщина, жена какого-нибудь старика-купца, не очень хорошо сохранившегося. Она страдает физической неудовлетворенностью. У тебя большой талант. Ты писал не шаблонно, писал, что видел в жизни». Тот поблагодарил его и сказал: «Это правда. Когда я был в городе Уджаини, столице царства Авантийского, я встретил там жену богатого купца Анантакирти. Ее звали Нитамбавати, то есть „Обладательница красивых форм", что и соответствовало действительности. Я был поражен ее красотой и потому написал ее портрет».

Услышав это, он сразу воспылал к ней страстью и, захотев непременно ее увидеть, переехал жить в Уджаини. Выдав себя за прорицателя, он под этим видом проник в ее дом и увидал ее. После того любовь еще сильнее забушевала в его сердце. Но так как нужно было жить в чужом городе, он попросил у городского совета старейшин места сторожа на кладбище и получил его. Тут в его пользу поступали саваны, в которые бывали завернуты мертвые тела, и другие кое-какие доходы, которые он стал преподносить одной монахине по имени Архантика. Через ее посредство он сделал тайное предложение Нитамбавати изменить своему мужу. Но она была этим возмущена и резко отказала. Узнав к тому же от монахини, что она честная женщина и что соблазнить ее будет нелегко, он тайком стал наставлять свою посланницу: «Сходи еще раз к этой купчихе и, когда ты останешься с ней наедине, скажи ей, что такому человеку, как я, дорого только спасение души: „Он видит все недостатки мирского бытия и проводит все свое время в сосредоточенном размышлении. Возможно ли, чтобы такой человек стремился заставить верную жену забыть о своем долге? Какая несообразность! Он хотел только испытать тебя. Он знал, что ты очень богата, божественно красива и молода, и он хотел лишь узнать, доступна ли тебе измена, которую другие женщины в твоем положении совершают легко. Я очень рада, что ты оказалась такою непорочною. Но теперь я желала бы видеть тебя имеющею потомство. Между тем муж твой одержим каким-то злым духом, он

чахоточный, слабый, не способен произвести потомство. Никогда ты не будешь иметь детей, если не употребишь каких-нибудь средств для исцеления его. Поэтому прошу тебя сделать следующее. Приходи тайком в сад. Я же приведу туда колдуна, знающего заговоры. Не открывая ему вовсе своего лица, ты положи одну ногу ему на руку, и он ее заговорит. Тогда ты сделай вид, что ты разнервничалась от желания любви, и ударь этой ногой твоего мужа в грудь. После этого в нем мощно разовьется самый основной сок жизни, и это сделает его способным произвести здоровое потомство. И будет он тогда ухаживать за тобой, как за богиней. Опасности же тут никакой быть не может". Когда ты ей это скажешь, она, наверное, согласится. Ночью ты проведешь меня в сад, а затем приведешь туда и ее. Если ты все это исполнишь, то окажешь мне этим большую услугу».

Монахиня сходила к Нитамбавати и заставила ее согласиться с предложенным планом. В высшей степени обрадованный, Калахакантак проник в следующую же ночь в сад, куда старанием монахини была приведена Нитамбавати. И вот в тот момент, когда он дотронулся до ее ноги, он быстро сорвал с нее золотой браслет и слегка царапнул ее ножом у основания ее ляжек. Затем он убежал с величайшей поспешностью. Тогда она основательно перепугалась, стала упрекать себя за глупое поведение, а монахиню готова была растерзать. Рану ей пришлось обмыть тут же в домашнем пруду и перевязать тряпкой. Под предлогом, что он трет ей ногу, она сняла золотой браслет с другой ноги и пролежала в уединении три или четыре дня, не вставая с постели.

Между тем этот пройдоха пришел с ножным браслетом, который был им сорван, к Анантакирти и предложил ему купить его. Но тот, увидев его, сказал: «Да ведь это браслет моей жены! Каким образом попал он к тебе?» — и, не получая никакого ответа, стал настойчиво повторять тот же вопрос. Наконец он ответил определенно, что даст требуемое указание только в присутствии членов купеческой гильдии. Тогда Анантакирти велел жене прислать оба своих ножных браслета. Она же, сгорая от стыда и смущения, отвечала: «Сегодня ночью я вышла в сад, чтобы освежиться, и там потеряла один из браслетов, который очень слабо держался на ноге. Я его искала и днем сегодня, но не могу найти. Но вот другой». С этими словами она бросила ему оставшийся золотой браслет.

Тогда Анантакирти, представив его в качестве доказательства, обратился в купеческое собрание. Вызванный туда шельмец отвечал на вопросы очень почтительно следующее: «Вам ведь известно, что я по вашему же назначению караулю кладбище отцов ваших и живу с дохода от этой должности. Предполагая, что воры, боясь встретить меня днем, могут прийти ночью обокрасть и потом сжечь мертвые тела, я иногда ночую на кладбище. И вот намедни я увидел женщину в черной одежде, которая силилась стащить с

костра наполовину обгоревшее мертвое тело. Предполагая в ней воровку, я ее схватил. Она сопротивлялась, и тут в суматохе я случайно задел ее кинжалом по ляжке выше колена. Соблазненный ценностью золотых браслетов на ее ногах, я сорвал один из них. Когда это случилось, она быстро убежала от меня. Вот откуда у меня браслет! Решение же моей участи в ваших руках!»

Обсудив это дело, собрание единогласно решило, что она ведьма. Муж изгнал ее из дома. Она скиталась без пристанища, сильно горевала и решилась наконец умереть. Привязав себе на шею веревку, она ночью пришла на то самое кладбище, где караульщиком был пройдоха Калахакантак. Тут он удержал ее и стал лестью склонять ее на свою сторону. «Красавица,— говорил он,— твоя краса свела меня с ума. Чтобы овладеть тобою, я через посредство монахини придумывал всякие планы. Но ни один не удался. Тогда я наконец прибег к этому способу. Иного исхода у меня не было. Прости меня, твоего покорного раба. Пока я жив, ты будешь единственной моей женой». При этих словах он несколько раз падал к ногам ее, всячески старался примирить ее с собой, и, так как иного выхода не было, она ему подчинилась.

Вот почему я отвечал тебе: «Находчивость спасает из трудного положения».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Выслушав эти рассказы, демон-людоед преклонился передо мною. В этот самый момент попадали с неба жемчужины величиною с вполне развившуюся почку лотоса вместе с каплями воды. «Что это такое?» — подумал я и поднял глаза кверху. Я увидел другого демона, который тащил отбивавшуюся от него женщину. «Как смеет этот бесцеремонный демон тащить к себе женщину против ее воли?» — с этой мыслью я хотел освободить ее, но, не будучи в состоянии подняться на воздух и не имея орудия, ничего не мог поделать и только сокрушался. Но союзником мне явился первый демон-людоед. Он крикнул ему: «Стой, стой! Куда ты ее тащишь?» Ругаясь, поднялся он на воздух и схватился с ним. Тот, рассвирепев, забыл о женщине, которую держал в руках, и выронил ее. Я же смотрел вверх, распростер руки и поймал ее, когда она летела с неба на землю, как пучок цветов с райского дерева. Закрыв глаза, она дрожала. Я держал ее, ощущение соприкосновения со мною приятно поразило ее, и содрогание пробежало по всему ее телу. Не выпуская ее из рук на землю, я стоял. Между тем оба демона стали наносить друг другу удары камнями, поднятыми на вершине горы, и целыми деревьями, вырванными там же вместе с корнями.

Наконец ударами кулаков и ног они умертвили друг друга. Тогда я положил свою ношу на берегу озера на самое мягкое, песчаное место и подостлал под нее нарванные тут же цветы. Внимательно и с интересом рассмотрев ее, я узнал в ней царевну Кандукавати, единственную страсть моей жизни. Я принялся ее успокаивать. Она вскользь на меня посмотрела и узнала меня.

Тогда она сказала: «Владыка мой! Как только я впервые увидала тебя на том Празднике мяча, во мне вспыхнула любовь к тебе, а затем моя Чандрасена рассказами о тебе утешала меня. Когда же я узнала, что ты был брошен в море по приказу Бимаданвана, преступного моего брата, я тайком от подруг и служанок покинула дом и пришла в городской парк, чтобы там покончить с собой. Там увидал меня и влюбился в меня этот противный демон. Когда я в испуге отвергла его предложения и хотела бежать, он побежал за мной и схватил меня. Но вот тут, к счастью, он закончил свои дни. Я же по воле судьбы упала как раз к тебе на руки, в руки того, кто является владыкой жизни моей. Спасибо тебе!»

Выслушав ее слова, я вместе с ней покинул берег и сел на корабль. Корабль отчалил, ветер был попутный и прибил нас к самому городу Дамалипта. Мы без труда спустились на берег. Тут встречены мы были плачем и воплем народным и услышали такие разговоры: «Тунгаданван, старый царь Сухмийский, потерял и сына и дочь. Других детей у него нет. Поэтому он отправляется отсюда, чтобы на святом берегу реки Ганги путем голодания окончить жизнь. Вместе с ним хотят умереть преданные ему городские старейшины, у которых нет теперь другого царя!» Но я пришел к царю, рассказал ему все, что случилось, и вручил ему обоих его детей. Властитель Дамалипты был очень обрадован и сделал меня своим зятем. Его сын был мне подчинен. По моему приказу он перестал и думать о Чандрасене, она как бы для него умерла, и Кошадас на ней женился. После всего этого я явился сюда с войском, чтобы оказать союзническую помощь царю Синхаварману, и тут переживаю радостный праздник, так как вижу тебя, моего владыку!

Выслушав это, царь Раджавахана сказал: «Удивительна твоя судьба, но и дела твои хороши и сообразны с обстоятельствами». Затем он улыбнулся, причем показал свои белые зубы, и обратил свое веселое, открытое лицо на Мантрагупта. Но у того приключилось несчастье с губами. В порыве страсти его любимая супруга укусила их, и он, страдая, слегка прикрыв лотосоподобной рукой лицо свое, стал рассказывать свои приключения, избегая при этом произносить губные звуки.

Глава седьмая
ПРИКЛЮЧЕНИЯ МАНТРАГУПТА

О сын царя царей! Я также стремился разузнать о твоей судьбе, после того как ты через отверстие в земле спустился в подземное царство. Случайно как раз я забрел в страну Калинга *. Там, в некотором отдалении от главного города, есть особое кладбище, где происходит сожжение тел умерших горожан. Возле него, под большим лесным деревом, я устроил себе на земле ложе из свежих, сочных его побегов, присел и, когда сон стал смежать мои веки, лёг спать. Спустилась тьма, как шапка волос на голове черной ночи. Задвигались ночные тени. Закапала роса. Все существа попрятались по своим обиталищам. Установилась очень холодная ночь, и вдруг, когда сон уже стал ласкать мои глаза, внимание мое привлек к себе дошедший до моего слуха шепот, раздавшийся посреди чащи лесной. Перешептывались между собою страшно перепуганные лесной демон и его супруга. «Как смел,— говорили они,— этот волшебник, эта негодная дрянь, помешать нам и давать нам поручения в то время, когда мы оба, мучимые неудержимой страстью, собирались наслаждаться взаимной любовью? О, пусть явится кто-нибудь другой, человек ничем не ограниченной мощи, и сокрушит волшебную силу этого негодного кудесника». Когда я это услышал, во мне разгорелось любопытство. «Что это за волшебник,— подумал я,— какая у него сила? Какое поручение будет исполнять этот демон?» Я встал и пошел в ту сторону, куда отправился демон.

Пройдя некоторое расстояние, я увидел какого-то человека, тело которого было густо увешано дрожавшими на нем, сделанными из человеческих костей украшениями. Вместо благовонной мази оно было покрыто древесной золой. На голове у него была шапка зигзагообразно сплетенных волос. Возле него горел огонь. Он вспыхивал языками пламени, по мере того как им охватывались все новые поленья разной породы дров. Казалось, это сверкали глаза лесных демонов во тьме лесной чащи. Левой рукой волшебник все время бросал в огонь производившие треск масличные семена сезама, горчицы и другие. Перед ним стоял демон с руками, сложенными в просительной форме, и говорил: «Скажи, что делать! Отдай приказания!» И он — злодейская душа — приказал следующее: «Ступай на женскую половину царского дворца и доставь сюда из ее спальни царевну Канакалеку, дочь царя Кардана, царя Калингского».

Демон немедленно исполнил приказание и доставил царевну.

Она страшно дрожала, рыдания раздирали ей горло, сердце трепетало в отчаянии, беспрестанно вскрикивала она: «О мой отец! О моя мать!» Венок цветов на ее голове завял и рассыпался, рубашка была изорвана. Схватив ее за пышные волосы, волшебник поднял наостренный на камне меч и хотел уже отсечь ей голову, но в этот момент я вырвал из его рук этот самый меч и отрубил им его же голову. Я спрятал ее вместе с шапкой волос в дупле росшего вблизи старого большого дерева.

Увидав все это, демон был страшно обрадован. Он как бы исцелился от большого горя и рассказал следующее: «О благородный ариец! Мне до такой степени досаждала эта дрянь, что сон никогда и не прикасался к глазам моим. Он грозил мне, пугал, давал неисполнимые поручения! Поэтому ты, убив его, совершил самое благое дело, ты показал себя источником всякого добра. В благодарность за то, что ты отправил этого негодяя в подземное царство бога Ямы, чтобы он там испытал адские пытки, за это я с радостью исполню какое-нибудь твое поручение. Ты одновременно источник и милосердия, и беспредельного мужества! Приказывай! Нечего терять время!»

Тогда я дал ему такое поручение. Я сказал: «Друг мой! То, что я сделал,— пустяк, благодарности за это никакой не нужно! Такое уж правило поведения всех порядочных людей. На какой-нибудь пустяк они не обратят никакого внимания. Но если ты против этого ничего не имеешь, то, прошу тебя, доставь царевну домой. Она не заслужила своих мучений. Между тем стройное тело ее согнулось, как насильно изогнутый шест. Недостойный волшебник этот страшно ее измучил! Другого поручения у меня для тебя нет! Не чем иным, как исполнением этого дела, ты не можешь так обрадовать мое сердце».

Когда царевна услышала это, ее глаза забегали — ее большие, почти до голубого лотоса, заложенного за вершину уха, растянутые глаза. Она смотрела ими несколько вкось и исподлобья. Нежные брови ее, красиво изогнутые, как лук дельфинознаменного бога любви, дрогнули грациозно и томно, как две танцовщицы, на сцене ее лба. Покрасневшая поверхность ее щек дрожала. И стыд, и страсть боролись в ней и попеременно ею овладевали. Отвернув в сторону лотосоподобное лицо свое, она кончиком ноги, на котором блестели, как лучи луны, закругленные ногти, нервно царапала землю. Ее розовые, как кончики побегов, уста заколебались. Слезы радости лились потоком из ее глаз. Как масса капель мелкого дождя, они, падая на ее грудь, размазывали красную сандаловую мазь на ней. Однако ее как бы высушивал легчайший ветерок ее дыхания, исходивший из глубины ее уст и быстро скользивший прямо в сердце, как ловко попадающая в цель стрела бога любви. При этом она показывала ряд белых зубов, которые испускали как бы волны белого света. Голосом, сладостным, как пение кукушки, она проронила следующие несвязные слова: «О благородный

ариец! Зачем ты вырвал меня из рук смерти, чтобы бросить в море любви, где гуляют, приводимые в движение ветром страсти, волны муки любовной? Прими меня хотя бы за пылинку на лотосоподобных ногах твоих! Я припадаю к твоим стопам! Если у тебя есть хоть капля сострадания ко мне, то сделай отличие между мною и обыкновенным просителем, приходи ко мне! Если же ты боишься, что тайна на женской половине нашего дворца не будет сохранена и присутствие там для тебя представляет опасность, то этого нет. Подруги мои и служанки в высшей степени мне преданы. Они уж постараются, чтобы никто об этом не узнал».

Тут бог любви натянул тетиву своего лука до самого уха и безо всякой жалости ударил мне стрелой прямо в сердце. Я оказался закованным в черные железные цепи ее вкось на меня бросаемых взглядов. Тогда я посмотрел в лицо демону и сказал ему: «Если я не исполню того, что мне предлагает эта, обладающая правильно закругленной формой седалища красавица, то бог любви, дельфинознаменный, моментально приведет меня в ужасное, неописуемое состояние. Поэтому доставь меня вместе с этой, имеющей глаза молодой лани царевной в ее дворец!»

Ночной демон так и сделал, и я был доставлен им в жилище царевны, которое своими высокими, светлыми теремами блистало, как масса серых осенних облаков. Там я некоторое время постоял в указанной ею комнате и все время устремлял свои глаза в сторону ее лица, которое освежало меня, как свет луны. Подруги ее спали безмятежно, но она легким толчком руки разбудила некоторых из них и предупредила их о том, что произошло. Те подошли ко мне, поклонились мне в ноги и шепотом, с глазами, затуманенными потоком слез, начали говорить, так что, казалось, зажужжали пчелы, сидевшие на кончике тычинок тех цветов, из которых были сплетены венки на их головах. «О благородный ариец! — говорили они.— Твоя мужественная энергия превосходит силу света самого солнца. Только благодаря тому, что царевна наша попалась тебе на глаза, только поэтому избегла она смерти. Перед священным жертвенником, на котором горит огонь любви, она отдана тебе в жены наивысшим из первосвященников — богом любви. О ты, обладающий лотосоподобными глазами! Надейся на ее сердце! Оно постоянно и твердо, как каменное подножие алмазной скалы. Укрась его удивительной драгоценностью — центральным большим самоцветным камнем любви твоей! Пусть ее высокая грудь исполнит свое назначение, подвергаясь крепким объятиям достойного мужа». После этих в высшей степени любезных слов ее подруг цепи любви, которые сковали мое сердце, стали связывать меня гораздо крепче. Она отдала свое тело в мою власть, и я насладился ею.

Но вот по прошествии некоторого времени наступила весна. В это время сердца людей, живущих далеко от своих возлюбленных жен, томятся от разлуки. Подобно тому как на лбу у людей

красуется прелестный значок касты, нарисованный сандаловой краской, так на фоне лесов стало выделяться цветущее дерево тилака, и жадные пчелы, летая по его цветам, до последней крупицы поглощали густую цветочную пыль. Подобно тому как царь имеет желтый зонт как знак своего достоинства, так и веселый бог любви является в эту пору в сопровождении совершенно распустившихся желтых цветов карникара. Дует южный ветер со стороны Малабара и своими порывами срывает с манговых деревьев цветочные почки вместе с сидящими на них пчелами. Подобно тому как музыка на войне указывает на начало сражения, так и увлеченные сладостным пением кукушки, влюбленные женщины готовы были приступить к бою любви. В сердцах даже скромных девушек поселилась страсть, заставлявшая их забыть о стыде. Подобно тому как учитель, танцуя, заставляет стройные тела женщин исполнять разнообразные грациозные пляски, так и свежий ветер, скользивший по сандаловым рощам Малабара, приводит тогда всякого рода вьющиеся лианы в красивое колебание. В такое время царь Калингский вместе со штатом своих жен, вместе с дочерью, а также вся городская знать переселились на берег моря и там в лесу в течение тринадцати дней весело проводили время, увлекаясь всякими удовольствиями. В этом лесу веяло прохладой, так как лучи солнца своею массой в него не проникали, согнувшиеся лианы, по которым летала масса пчел, почками своих крайних побегов касались берега, а прибой волн морских обдавал лес настоящим дождем из капель морской воды. Здесь царь отдался всецело своей страсти и удовольствиям, всякие дела были оставлены, пение, музыкальные представления и собрания непрерывно следовали одно за другим, чувственные игры со множеством женщин увлекали его своим безудержным проявлением страсти.

Однако этим удобным случаем не замедлил воспользоваться царь страны Андхра *, Джаясинх. Он неожиданно подплыл на кораблях с большим войском и взял царя Калингского в плен вместе с его женами. Была также уведена в плен вместе с подругами моя возлюбленная Канакалека с испуганно бегавшими глазами. Меня стал жечь огонь неудовлетворенной страсти. Я перестал даже думать о пище, думал только о ней, тело мое исхудало, и я стал выглядеть очень плохо. Мне в голову приходили такие мысли: «Попала в плен дочь царя Калинги, вместе с отцом и матерью она в руках врага. Царь Андхрский не устоит перед ней и, наверное, захочет взять ее в жены. Она же на это не пойдет. Она немедленно примет яду и умрет. А если это случится, то бог любви и мне не даст оставаться в живых. Какой может быть из этого выход?»

В это время случилось мне увидеть одного брамина, прибывшего из столицы Андхры. Я от него услыхал такой рассказ: «Натешившись над пленным царем путем оскорблений и пыток, Джаясинх намеревался убить его, но, когда рассмотрел его дочь Канакалеку, в нем вспыхнула к ней страсть, и он оставил царя Кардана в живых.

Царевна же эта стала одержима каким-то бесом и не выносит присутствия мужчины. Чтобы изгнать беса, царь пригласил целое собрание волхвов, но результата никакого не получилось!» Это известие обнадежило меня, и я поступил следующим образом. Я вернулся к кладбищу, возле которого я прятал в дупле старого дерева снятую с убитого мною волшебника шапку волос, взял ее, надел на себя, устроил себе одежду, сшитую из старых тряпок, покрывавшую все тело, приобрел таким образом внешний вид странствующего учителя-волшебника и пригласил к себе нескольких учеников. Они были мною весьма довольны, потому что я всякими чудесами сильно привлекал к себе сердца населения и получал от него пищу, прислугу и прочее.

Постепенно продвигаясь, я в несколько дней достиг столицы Андхры. На некотором от нее расстоянии находится большое озеро, по величине напоминающее море; на нем красуются вереницы водяных птиц, стаи гусей пожирают на нем массу лотосовых листьев, из них выпадают кусочки белых цветов лотоса, которые придают водяной поверхности серо-пестрый оттенок. В лесу на берегу этого озера я расположил свой стан. Я искусно обманул все население города, привлекая его сердца на свою сторону разными деяниями, рассказы о которых распространялись моими учениками. Повсюду обо мне люди стали говорить так: «Аскет, спящий на земле, который расположился станом в дремучем лесу на берегу озера, знает наизусть все священные книги, вместе с тайным, мистическим учением и шестью вспомогательными науками. Всякий, какие бы и сколько бы наук он ни изучал, может от него получить окончательное выяснение их смысла. Ложь никогда не касалась его уст. Он — воплощенное милосердие. Если к нему обратиться и теперь же от него получить посвящение на какое-нибудь дело, то успех надолго обеспечен. Если взять из-под ног его несколько пылинок земли и посыпать свою голову, то это исцеляет любую болезнь. Не одна опасная болезнь у многих больных, когда с нею не мог справиться ни один врач, была исцелена этим путем. Если обмыть голову водою, в которой он мыл свои ноги, то моментально исцеляются одержимые бесами, изгнать коих не могло искусство всех врачей. Вообще определить пределы его сверхъестественных сил нет никакой возможности. И притом в нем нет ни малейшей гордости!»

Такая молва, передаваясь из уст в уста многими людьми; обратила наконец на себя внимание царя, который страшно хотел изгнать того беса, каким была одержима царевна Канакалека. Он стал ежедневно посещать отшельника-мудреца, относился к нему с величайшим благоговением и, стараясь привлечь на свою сторону учеников его, раздавал им подарки. Улучив удобный момент, он потихоньку стал просить об исполнении своего заветного желания. Я крепко задумался и затем дал ему понять, что мне явилось прозрение того, как ему помочь. Бросив на него испытующий

взгляд, я сказал: «Друг мой, ты совершенно прав, прилагая к этому делу такое старание. Эта царевна — настоящая жемчужина, на ее теле собрались вместе все счастливые предзнаменования. Получить ее в жены — это лучшее средство добиться владычества над всей землей. Как земля ограничена поясом молочного океана, так и она украшена пышными ляжками и молочными грудями. Как на земле блещут Ганга и тысячи других рек, так и тело ее увешано нитями жемчуга. Но бес, во власти которого она находится, не допускает того, чтобы какой-либо врач освидетельствовал эту красавицу, глаза которой красивы, как грациозный цветок голубого лотоса. Поэтому подожди тут три дня. За это время я постараюсь исполнить твое дело». Царь обрадовался этим словам и ушел домой. Я же каждую ночь, в то время, когда скрывалась луна, когда все десять стран горизонта * как бы пропадали в сплошной массе темной пыли и взоры всех людей были скованы сном, выходил на берег озера вблизи места священных омовений и с большим трудом копал там в сплошной береговой полосе яму, спрятавшись в которой можно было незаметно нырнуть из нее в воду. Оканчивая к утру работу, я плотно обкладывал отверстие ямы камнем и кирпичом, чтобы не обратить внимание людей на эту часть берега, и, когда считал, что это достигнуто, умывал свое тело, купаясь поутру в озере. Затем я молился тысячесветному солнцу, тому солнцу, которое превращалось как бы в большую драгоценность посреди жемчужной нити, состоявшей из вереницы ночных планет, которое было единственным тигром, способным уничтожить свирепого слона ночной темноты, которое было единственным танцовщиком, способным красиво танцевать, как на сцене, на высочайшей вершине горы Сумеру, которое было единственным морским животным, способным плыть по сильным волнам океана небес,— солнце, лучи которого были в это время красноваты, потому что через них просвечивала красноватая благовонная мазь, покрывавшая тело Восточной Стороны *, этой супруги тысячеглазого бога Индры, живущего на востоке. Я собирал горсточку цветов красного лотоса и бросал их, как дар, этому солнцу, затем возвращался в свое жилище и засыпал.

Прошло три дня. К вечеру явился ко мне царь. Вечернее солнце горело таким же красным светом, как красный песок, из которого состоит поверхность вершины Горы Заката. Казалось, в образе женщины предстала вечерняя заря и выставила напоказ одну из круглых грудей своих, выкрашенную красной сандаловой мазью. Казалось вместе с тем, что она — эта женщина,— желая хорошенько помучить ревностью дочь Гималая, супругу Шивы, слилась с воздушным пространством, которое ведь составляет одно из тел бога Шивы.

Царь поклонился мне в ноги, и лучи, исходившие из ногтей на моих стоявших на земле ногах, покрыли его диадему. Затем он встал и просительно сложил ладони рук своих. Я же стал его

поучать. «К счастью,— сказал я,— я нашел способ достичь желанной цели! На этом свете, однако, успех не венчает усилий того, кто не обладает энергией. Но если люди не беспечны, они всегда держат в своих руках собственное счастье. Действительно, твое необыкновенно благочестивое, ничем не запятнанное поведение, твое благоговение ко мне и почет, который ты мне оказываешь,— все это привлекло к тебе мое сердце. Ради тебя я сообщил этому озеру такие силы и такое устройство, что сегодня же здесь исполнится желание твое. Сегодня же ночью, как только настанет полночь, тебе надлежит погрузиться в его воды и затем, нырнув, удерживаться под водой так долго, насколько у тебя хватит сил удержать дыхание. Когда ты спрыгнешь в воду, то группы лотосов погрузятся в воду и, придя в движение, кончиками своих крепких стеблей обеспокоят спящих гусей. Те, испугавшись, подымут беспорядочный крик. Люди на берегу станут прислушиваться, но тотчас же они убедятся, что могли слышать только плеск воды. Когда же он утихнет, ты вынырнешь, мокрый, с покрасневшими глазами и настолько изменив благодаря силам, мною озеру сообщенным, свой внешний вид, что весь народ не нарадуется, смотря на тебя, и бес, засевший в молодой царевне, не будет в состоянии выдержать твоего присутствия. Сердце же царевны моментально окажется связанным крепчайшими цепями любви и не будет в состоянии переносить твоего отсутствия. Вместе с такой женой перейдет в твои руки господство над всей землей, враги твои будут сметены, и на них не нужно будет обращать большого внимания. Подумай! Дело это верное, опасного ничего нет. Если хочешь, обсуди это вместе с министрами, ум которых закален знанием многих наук, а также со всеми теми, кто желает тебе добра. Вели прислать сотню людей с сетями, столько же преданных тебе надежных людей, и пусть они исследуют озеро под водою. В тридцати саженях от берега нужно тщательно расставить военный караул. Ведь — кто знает?— враги твои могут пожелать воспользоваться удобным случаем и что-нибудь предпринять!»

Этот план пришелся царю весьма по вкусу. И министры не могли усмотреть в нем ничего опасного. Решив, с другой стороны, что намерение царя, возбужденное его сильной страстью к царевне, остается совершенно непоколебимым, они не возражали. Увидев, в каком положении дело, и зная, что царь весьма твердо решил осуществить все это, я ему сказал: «О царь! Я прожил тут, в твоем народе, довольно долго. Долгое пребывание на одном месте, однако, не одобряется в нашей среде. Поэтому, когда я исполню то дело, ты меня более не увидишь. Я не мог уйти, не сделав чего-либо для тебя за гостеприимство, которым я пользовался в твоем царстве. Это не было бы прилично арийцу, человеку благородного происхождения. Вот причина, почему я так долго прожил в этой стране. Теперь это сделано. Поэтому ступай домой, выкупайся в подходящей, приятно надушенной воде, надень венок из белых

цветов, умасти свое тело, раздай браминам подарки сообразно твоему состоянию и приходи сюда. Пусть путь твой освещают тысячи насыщенных растительным маслом факелов, которые, пылая, уничтожат густую ночную тьму. Здесь ты приложи старание к достижению твоей цели».

Царь, выражая свою признательность, сказал: «Достижение это не будет достижением, если оно будет сопряжено с твоим отсутствием. Мне тяжело твое равнодушие! За что ты меня покидаешь, когда я ничего дурного тебе не сделал? Возражать, однако, против слов таких высочайших авторитетов, как ты, я не могу!» Сказав это, он пошел домой, чтобы сначала принять ванну. Пошел также и я и среди ночного безлюдья спрятался в яме на берегу озера. Когда наступила полночь, царь поступил так, как ему было указано. Расставил в разных местах стражу, а приведенным людям велел сетями выловить из озера все, обо что он мог оцарапаться. Тогда, не имея никаких опасений, он легко и свободно нырнул в воду. Пока он, с распущенными волосами, зажав отверстия носа и ушей, держался на дне озера, на глубине нескольких аршин, я с ловкостью дельфина весьма плавно подплыл к нему, охватил его горло мочалкой и стал безжалостно наносить ему удары руками и ногами, как будто самая свирепая смерть колотила его с величайшим ожесточением. В один момент он стал недвижим. Тогда я притащил тело его к моей яме и спрятал его там, а затем вышел из воды.

Собравшаяся вокруг меня военная охрана не могла прийти в себя от удивления по поводу перемены, происшедшей во внешности своего царя. Я воссел на слона и в сопровождении блестящей свиты, украшенный белым зонтом и всеми прочими знаками царского достоинства, поехал во дворец по главной улице, причем дорогу мне уступал испуганный народ, разгонявшийся стражниками посредством весьма свирепых палочных ударов. Всю ночь я не сомкнул глаз, сладость любви отгоняла от глаз моих сладость сна. Когда же утром показалось солнце и взоры всех людей обратились к нему, солнце, напоминавшее голову слона, хранителя восточной стороны горизонта, намазанную красным лаком, солнце, похожее на драгоценное зеркало для небесных жен бога Индры,— тогда я встал, совершил все утренние обряды и созвал совет министров. Восседая на царском троне, украшенном рядом драгоценных каменьев, испускавших массу лучей, я обратился к сидевшим вблизи помощникам, которые оказывали мне все должные знаки почтения, но сидели, как бы скованные ожиданием чего-то неизвестного, со следующими словами: «Смотрите, какими силами обладают святые! Этот аскет сверхъестественною силою своею сообщил озеру, на котором до сих пор лишь цвели лотосы и радостно жужжали пчелы, такое сверхъестественное свойство, что оно создает новое тело, гораздо более красивое, чем прежнее, столь же прелестное, как лист лотоса на водяной поверхности. Пусть отныне все атеисты поникнут от стыда головою! Пусть будут сегодня устроены в разных

местах города народные увеселения с пением и танцами в честь истинных богов, в честь Шивы, несущего луну на своей голове, в честь Ямы, владыки подземного царства, в честь Вишну, восседающего на лотосе, и в честь других богов. Пусть все нуждающиеся подойдут к этому дворцу нашему и получат тут же богатства, которые в состоянии избавить их от нужды!» Вне себя от восторга, те несколько раз прокричали: «Слава тебе, владыка мира! Пусть слава твоя распространится по всем десяти странам горизонта и затмит славу первородного царя людей! *» Затем они исполнили то, что им было приказано.

После того однажды ко мне зашла по какому-то делу молоденькая Шашанкасена, подруга моей возлюбленной, которая заменяла ей сестру. Оставшись с ней наедине, я спросил ее, не видала ли она меня когда-нибудь ранее? Она взглянула на меня, сразу узнала, и сердце ее исполнилось величайшей радостью. Она улыбнулась, и на ее белых зубах стали как бы грациозно играть лучи света; красиво согнутой рукой она прикрыла губы. Слезы радости потекли из ее глаз и испортили их, размазав мазь, которою они были подведены. Сложив ладони, она сказала: «Прекрасно узнаю тебя, если только это не волшебное видение, вызванное каким-нибудь кудесником! Как это случилось, расскажи!» Она произнесла эти слова шепотом, не будучи в состоянии совладать с нахлынувшим на нее чувством. Я рассказал ей все целиком и через ее посредство доставил величайшую радость ее подруге. После этого я освободил из заключения царя Калингского, восстановив его в царском достоинстве. С его согласия сочетался я законным браком с его дочерью и сделался правителем соединенных царств Андрхского и Калингского. Когда же царь Бенгальский подвергся нападению своего врага, я с большим войском поспешил ему на помощь. А когда случилось то, что я увидел здесь тебя, соединившегося уже с другими товарищами нашими, мое сердце исполнилось высокой радости от такого счастья.

Когда Мантрагупт окончил, свет улыбки озарил губы царя Раджаваханы, и вместе с другими друзьями он стал восхвалять его необыкновенную ловкость: «Удивительно это твое превращение в великого мудреца! В этом случае действительно оказалось, что труднейшие посты и молитвы как будто дали результат. Но бросим шутки! Мы тут видим настоящую находчивость и настоящую смелость, которые приводят к наивысшему удовлетворению».

«Теперь тебе начинать»,— сказал царь и бросил взор своих глаз, похожих на распустившийся лотос, на многоумного и ученого Вишрута.

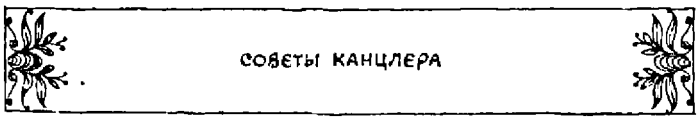
Глава восьмая
ПРИКЛЮЧЕНИЯ ВИШРУТА

Затем он начал свой рассказ:

Царь, я также пустился странствовать по лесистой стране Виндья и наткнулся на одного мальчика лет восьми от роду, сидевшего около колодца. Жажда и голод мучили его, хотя, по-видимому, он ничем не заслужил своего мучения. Дрожащим от волнения голосом он мне сказал: «Помоги мне, несчастному, о благородный и знатный человек! Меня до смерти мучила жажда; старик, единственная моя опора, хотел достать воды из колодца, но упал туда, и вот я никак не могу его вытащить». Я немедленно взял вьющееся растение, подошел к колодцу и вытащил старика; взяв затем пустую внутри бамбуковую палку в рот, я потянул воды и дал мальчику напиться. Рядом на вершине дерева я заметил несколько плодов; несмотря на то что они находились на высоте выстрела из лука, я стал бросать в них камнями и сшиб пять-шесть плодов; посредством их я восстановил его жизнь. Присев у подножия дерева, я спросил у старика: «Дорогой мой, кто этот мальчик, и кто ты сам, и как это вы попали в беду?»

Глотая слезы, он начал свой рассказ: «Слушай, господин! Есть тут страна, называемая Видарб *. Раньше там правил царь Пуньяварман, который был красою царского рода Боджа. Он был как бы частичным воплощением самого закона, очень силен, правдив, щедр, вежлив, умело правил подданными, был ими любим, славен, возвышен, энергичен, тверд в мыслях и решителен в действиях, руководствовался всегда законами, брался только за дела исполнимые и полезные, покровительствовал ученым, поддерживал слуг, возвышал друзей, унижал врагов, не слушал пустых разговоров, никогда не ослабевал в своем стремлении к добру, был необыкновенно ловок в светских искусствах, хорошо знаком с законами судебными и управлением, за малую услугу воздавал вдвое. Он также внимательно наблюдал за казной и за средствами передвижения. С особенным вниманием следил за всеми чиновниками, возбуждая их ревность к службе подарками и почетом. Быстро принимал всякие меры против человеческих козней и богами ниспосланных бедствий, умело применял все шесть методов политики *, мирной и военной, поддерживал четырехкастовый общественный строй, указанный в законах Ману *, и вообще пользовался ничем не запятнанной славой. За свои добрые дела он получил в награду долгую жизнь на земле, и только вследствие недостатка заслуг своих подданных он по смерти не вышел окончательно из круго-

ворота жизни и был причислен к богам *. После него правил его сын по имени Анантаварман. Этот царь хотя и был одарен всеми хорошими качествами, однако вследствие какой-то случайности как раз в искусстве управления не был особенно силен. Старший из его министров, по имени Васуракшита, любимый министр его отца, смелый на язык, однажды подошел к нему, когда они были наедине, и сказал:



СОВЕТЫ КАНЦЛЕРА

«Дорогой мой, в тебе, моем повелителе, видны все без исключения личные совершенства, свойственные твоему благородному роду, и природный твой ум, получивший развитие в искусствах, в музыке, в танцах, в живописи и в разных видах поэтического творчества, выдвигает тебя перед всеми людьми. Однако же этот твой ум не достигнет полного блеска до тех пор, пока он не будет отшлифован изучением политических наук, подобно тому как чистое золото, пока оно не очищено через огонь, не достигает полного блеска. И властелин, хотя бы высоко стоящий, но лишенный такого политического ума, часто незаметно для себя оказывается подпавшим под чужое влияние. Он всегда оказывается не в состоянии определить надлежащую цель и избрать надлежащие средства. Попадая на ложный путь, он во всех своих начинаниях натыкается на препятствия, и друзья и недруги его одолевают. Распоряжения такого, никем не уважаемого правителя не в состоянии обеспечить спокойствие и безопасность его подданных. Перестав считаться с распоряжениями правительства, подданные начинают говорить что хотят и действовать как попало. Все установления приходят в совершенное расстройство. Ничем не сдерживаемый народ бросает в погибель и самого себя, и своего царя — и в этой жизни, и в будущей. Между тем известно, что жизнь народа может развиваться счастливо, если она придерживается пути, указанного светочем священного закона. Ибо закон есть действительно божественное око, наблюдающее настоящее и будущее, сокровенное и отдаленное. Нет никаких препятствий, ограничивающих его поле зрения. Существо, лишенное такого божественного глаза, является просто слепым, несмотря на наличие больших, красивых, продолговатых глаз, так как оно не в состоянии видеть действительности. Поэтому откажись от любительства в искусстве, которое для тебя не имеет большого значения, и займись изучением государственного управления, наследственным своим делом. Тогда власть твоя будет сильна, приказания твои неукоснительно будут исполняться, ты достигнешь

своей настоящей цели и будешь долгое время править всей землей от моря и до моря».

Услышав это, царь сказал: «Учитель, твое наставление как раз своевременно, и так я поступлю!»— и с этими словами отправился во дворец к своим женам.

РЕЧЬ ЦАРЕДВОРЦА

Тут случайно царь упомянул о разговоре с главным министром. Подслушал же это находившийся тут же, на женской половине, вблизи царя, некий Вихарабадр, служивший ему еще в молодости. Это был человек, умевший ловко подделываться под настроение своего господина, пользовавшийся большим его расположением, не чуждый искусствам, умевший петь, танцевать, играть на гитаре и прочих инструментах, большой любитель чужих жен, остроумный, разговорчивый, большой остряк, умевший подмечать чужие слабости, насмешник, злой критик, доведший пронырливость до мастерства, умевший выведать даже у совета министров все тайны, наставник всяких проказ и руководитель любовных похождений.

Улыбаясь, он стал докладывать: «О царь, известно, что когда судьба благоволит к кому-нибудь и дала ему несметные богатства, то разные проходимцы, имея в виду собственные выгоды, стараются напортить ему, соблазняя его разными несбыточными целями. Действительно, некоторые говорят ему, что есть такое сверхъестественное блаженство, которое достигается только после смерти, и возбуждают в нем надежду на достижение его. Он бреет себе голову, одевается в рубище, покрывается антилоповой шкурой, свежим маслом намазывает свое тело и ложится спать без ужина. Тем временем эти наставники отнимают у него все имущество. Еще хуже их сектанты. Те заставляют его жертвовать даже сыновьями, женами, своим телом, своей жизнью. Если же кто-нибудь окажется настолько сообразительным, что не захочет променять на такой мираж наличное благополучие, то к нему являются другие и говорят: «Мы умеем превратить один грош в сто тысяч золотых. Мы сумеем уничтожить всех врагов без всякого оружия. Мы сумеем из простого человека, одного, без войска, сделать царя вселенной, если только он будет поступать так, как мы ему укажем». Если же он спросит, какой же это путь, то они ему скажут: «Ведь есть четыре главные науки: богословие, хозяйствование, философия и политика. Три первые из них, то есть богословие, хозяйствование и философия, велики объемом, но мало от них толку. Их побоку. Займись прежде всего политикой. Ведь она уже изложена учителем

Вишнагуптой * в шести тысячах строф для поучения царей из династии Маурья. Вот она-то, будучи изучена и точно проведена в жизнь, может доставить те плоды, на которые мы указали». На это царь скажет: «Хорошо!» — и начнет учиться и внимать учению до тех пор, пока он за этим занятием не превратится в старика. Ведь говорят же, что эта наука находится в связи со всеми другими науками и не может быть вполне постигнута, пока не будет изучено все вообще, что изложено в словах.

Но пусть так! Долго ли, коротко ли, он ее изучит, и тогда окажется, что человек, который изучил все тонкости политических наук, не может никому довериться, даже своим сыновьям и своей жене! Даже для наполнения собственного желудка должен он точно знать, сколько нужно рисовой каши, из какого количества зерен риса она составится и сколько нужно дров для того, чтобы могло свариться такое количество каши. Затем, когда царь встанет, то успеет ли он или не успеет выполоскать рот, успеет ли он проглотить горсточку каши, он должен успеть выслушать в течение первой получетверти дня целый доклад о приходах и расходах, а пока он слушает этот доклад, его прожженные чиновники уже успевают украсть вдвое, ибо в учебнике Чанакья * указано сорок способов присвоения чужих денег, а своим умом они увеличивают эти способы до тысячи. Во второй получетверти дня жизнь царя становится мукой, его слух оскорбляют угрозы, которыми судящиеся между собою подданные осыпают друг друга. Тут также его чиновники оправдывают и осуждают по собственному произволу. Грех и позор они сваливают на царя, а доход кладут себе в карман. Во время третьей получетверти дня ему наконец дается возможность вымыться и поесть. Но лишь только он поел, боязнь, что его могли отравить, до тех пор не оставит его, пока не совершится его пищеварение. В четвертой получетверти встает он только для того, чтобы протянуть руку за получением денег. В пятой он несет тяжкий труд совещания с министрами. Тут также министры на первый взгляд кажутся вполне беспристрастными, в действительности же, сговорившись между собой, они выдают дурное за хорошее, переделывают донесения послов и шпионов, превратно истолковывают возможность или невозможность задач, уместность, своевременность и степень подготовленности всякого дела, для того чтобы наживаться через своих друзей, которых они имеют в кругу как союзных, так и враждебных государств. Втайне они интригуют, возбуждая зависть как в стране, так и вне ее, затем выступают явно как повелители и тем держат царя в своих руках. В шестой части дня он может согласно положению либо отдыхать, либо совещаться с министрами. Но какой это свободный отдых! Он не может продолжаться более чем три и три четверти получаса! В седьмой части дня он должен утруждать себя инспекцией армии всех четырех родов оружия *. В восьмой его удручает забота о воинской доблести главнокомандующего, с которым он лично очень

дружит. Затем следует вечерняя молитва и сразу вслед за тем — первая часть ночи, когда он принимает тайных агентов, при посредстве которых определяются задачи самого жестокого свойства, осуществляемые через убийц, поджигателей и отравителей. Во вторую часть ночи, после ужина, он, как ученый брамин, повторяет про себя молитвы. В третьей части, по трубному звуку, он ложится спать и мог бы согласно правилам спать в течение четвертой и пятой части ночи. Но где же такому страдальцу действительно думать о сладком сне, когда голова его кружится от бесконечных хлопот и забот? В шестую часть ночи опять начинается забота о делах и забота о соблюдении правил управления. В седьмой — совет министров и отправка посланников. Посланники же эти умеют льстить и нашим и вашим, получают с обеих сторон подарки, провозят их без пошлины и без затруднений через границу, торгуют и обогащаются; поэтому они всегда готовы под малейшим предлогом раздуть несуществующее дело и беспрерывно разъезжать взад и вперед. В восьмую часть ночи, под утро, является придворный жрец с духовенством и говорит: ,,Сегодня приснился дурной сон, положение планет неблагоприятно, предзнаменования зловещи! Следует совершить искупительные служения! Все жертвенные сосуды должны быть отлиты из чистого золота! Только в таком случае священнодействие будет иметь благоприятный исход!'' Эти священнослужители, брамины, равносильны самому творцу Браме. Если они пошепчут молитвы, то все совершится к полному благополучию. Несмотря на все свое могущество, эти жрецы страшно бедны и многосемейны. До сих пор никто не мог удовлетворить их, хотя всякий данный им подарок обеспечивает долгую жизнь, переселение на небо и уничтожение врагов. Такими речами придворное духовенство вынуждает царя давать ему много-много денег.

И вот царь, если он знаток всех правил государственного управления, ни днем, ни ночью не имеет ни минуты спокойствия, вечно трудится и постоянно беспокоится. Где ему тут думать о всемирном господстве, которое ему обещано учителями государственных наук! Даже за своим маленьким княжеством он не в состоянии усмотреть. С другой же стороны, раз царь слывет за знатока политики, то все, что он делает: дает ли подарки, осыпает ли почестями, скажет ли ласковое слово,— всегда предполагается, что все это глубоко обдуманно и поэтому никто ему не верит. Всеобщее недоверие есть начало гибели государства. Люди вообще благоденствуют только постольку, поскольку их жизнь идет естественно, вне теории. Для нее не нужно науки. Ребенок, питающийся грудью матери, умеет применять все нужные для этого средства. Поэтому прочь всякие правила и ограничения! Будем всласть наслаждаться чувственными удовольствиями!

Конечно, найдутся министры, которые будут говорить: ,,Вот так-то нужно обуздывать свои чувства, таким-то образом нужно отделаться от шести * своих внутренних врагов — от любви, нена-

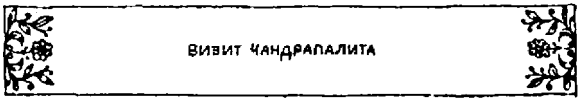
висти, гордости и т. д., постоянно нужно применять к своим и чужим методы примирения * и другие политические средства, ни на одну минуту не нужно забывать соображения в пользу мира и войны, ни одной минуты не нужно отдавать удовольствиям!" Но льстецы министры, которые так говорят, в то же время проживают украденные у тебя деньги в домах услужливых женщин. Что говорить об этих маленьких людях! Разве самые твердые из министров, составители законов, такие, как Шукра, Ангирас, Вишалакш, Бахудантипутр, Парашара и другие *,— разве они сами покорили своих шесть внутренних врагов? Разве они следовали своему собственному учению? Ведь они также начинали всякие дела, видели и удачу и неудачу, и много есть примеров, что неученые люди прекрасно водят за нос самых ученых.

Ведь чего только нет у вашего величества: происхождение от рода, чтимого всем человечеством, лучшая пора молодости, красота и беспредельное богатство! И все это пройдет напрасно, если ты отдашься науке, которая всех от тебя оттолкнет, лишит тебя всяких удовольствий и вовсе тебя не избавит от сомнений во всех твоих делах, когда ты будешь размышлять о множестве всяких возможностей. Ведь у тебя есть десять тысяч слонов, триста тысяч всадников и неисчислимая пехота. Твое казначейство переполнено золотом и драгоценностями, и, если бы весь свет в продолжение тысячи мировых периодов * стал бы жить за счет твоей казны, она все-таки не опустела бы. Что же, разве тебе этого не достаточно? Разве нужно тебе еще протягивать руки к чужому? Что же, в самом деле, человеческая жизнь? Ведь она длится не больше четырех, пяти дней, а та ее часть, когда можно наслаждаться жизнью, самая малюсенькая. Дураки те, которые всю жизнь приобретают и умирают за этим занятием. Они не в состоянии насладиться даже крошкой того, что приобрели. Но стоит ли много об этом говорить! Передай всю тяжесть управления преданным тебе друзьям, которые способны нести ее, а сам наслаждайся обществом своих жен, которые прелестны, как нимфы небесные. Слушай пение и музыку, устраивай попойки, соединенные с веселыми разговорами, смотря по времени года, и вообще устрой так, чтобы имело смысл провладеть своим телом в течение жизни».

С этими словами он приложил молитвенно сложенные руки к своему лбу, распростерся в земном поклоне и лежал долго недвижим. Царские жены улыбались, и глаза их заблистали от удовольствия. Царь же с улыбкой сказал: «Встань, ведь ты мой учитель, дающий полезные наставления! Зачем же ты держишь себя не как учитель, а, напротив, как ученик?» С этими словами он заставил его встать и с тех пор всецело предался удовольствиям.

Но в то же время старик-канцлер снова и снова старался повлиять на него в другом направлении. Царь на словах с ним соглашался, но в сердце стал его презирать и считать за человека, не понимающего чужой психологии. Тогда канцлер стал размышлять

таким образом: «Вот в своей самоуверенности я оказался глупцом! Я ему напоминаю о таких делах, которые ему не нравятся. Я являюсь надоедливым попрошайкой. Он надо мной смеется. Из его поступков ясно, что он ко мне изменился. Он не смотрит на меня приветливо, говорит не улыбаясь, не раскрывает своих тайных помыслов, не подает мне руки, не сочувствует моему горю. Я не получаю очередных наград в праздники. Он перестал посылать мне красивые вещи. Он перестал высоко ценить мои заслуги. Он не спрашивает о моих домашних делах. Не следит за количеством моих сторонников. Не посвящает меня в подробности ближайших событий. Не приглашает меня в семейный круг своих жен. Наоборот. Он поручает мне дела, меня недостойные. Если кто займет мое место, он не возражает; выказывает доверие моим врагам; не отвечает на мои слова; делает выговоры за такие упущения, которые могут быть общими для всех, мои слабости высмеивает; если я развиваю его собственную мысль, то он начинает возражать. Когда я посылаю ему предметы высокой ценности, это нисколько его не радует; всякий раз, когда ученый политик в чем-нибудь ошибается, он позволяет разным глупцам об этом громко кричать. Правду сказал Чанакья: ,,Недостойные люди, подделывающиеся под царя, знающие его наклонности, становятся ему милы. Напротив, люди умные, но не желающие считаться с его настроением, ему неприятны". Что же тут поделать! Хоть царь этот и не воспитан политически; но человек в моем положении, унаследовавший свое положение от отца и деда, не может его бросить. Хотя я его и не покину, я не могу ему помочь, так как он не слушает моих слов. Мне ясно, что это царство уже теперь попало в руки Васантабана, царя ашмаков *, так как он знаток в политике. Быть может, грядущее несчастье вернет ему природный ум. Но, с другой стороны, бывает, что и в несчастье люди продолжают ошибаться и урок, случайно ими полученный, еще не направит их на верный путь. Итак, пусть теперь наступит бедствие! Я не дам волю своему острому языку и так или иначе постараюсь удержаться на своем посту».



ВИЗИТ ЧАНДРАПАЛИТА

В таком настроении пребывал канцлер. Царь же проводил все время в удовольствиях. Тогда сын Индрапалита, министра царя ашмаков, по имени Чандрапалит появился при дворе видарбском и сразу превратил царя в свое послушное орудие. Он представился изгнанным своим отцом за дурное поведение. Его сопровождала целая толпа артистов и много необыкновенно искусных профессии-

ональных женщин, а также целый ряд тайных прислужников и шпионов. Устраивая разные забавы и участвуя в них, он овладел сердцем царя. Посредством одних этих средств он приобрел прочное положение при дворе и стал восхвалять все страстишки, которым был подвержен царь.

Например, он говорит: «Ничто, о царь, не приносит такой пользы, как охота. Она есть самый лучший спорт, делает человека быстроногим, способным переносить далекие переходы, что бывает очень полезно при разных случайностях. Она уменьшает количество слизистых выделений, развивает жар пищеварения, единственный верный источник здоровья, она уменьшает количество жира в членах и увеличивает их стойкость, крепость и подвижность. Она приучает переносить холод и жар, ветер и дождь, голод и жару. Она учит распознавать инстинкт и поступки животных при разных обстоятельствах. Путем уничтожения антилоп, буйволов, гаялов * и других животных она противодействует вредителям посевов. Уничтожая волков, тигров и прочих хищников, она устраняет опасности на путях сообщения. Ознакомление с разными горными и лесными местностями открывает новые способы разнообразной работы. Она внушает доверие живущим в лесах племенам. И так как она развивает энергию, то она косвенно опасна и врагам. Вообще охота имеет массу хороших сторон.

Так же и игра. При ней масса денег бросается на ветер и вырабатывается широкий размах благородного сердца. Так как выигрыш сменяется проигрышем, то человек становится равнодушным к радости и печали. Горячность сердца, источник мужества, увеличивается. От наблюдения за тончайшими шулерскими приемами, касающимися или игральных костей, или игорного поля, или движения рук, создается безграничная изощренность ума. Так как все умственные способности направлены на одну точку, то этим развивается удивительная способность ума к сосредоточению, создается большая наклонность к риску и вместе с тем к решительным действиям. Все время общаясь с людьми самого грубого нрава, человек приучается никого не бояться. Игра, наконец, развивает чувство гордости и приучает человека великодушно жертвовать своей жизнью.

Наслаждение красивыми женщинами есть самый верный путь использования богатств, и этим же путем исполняются супружеские обязанности. Самолюбие мужчины, таким образом, в высокой степени удовлетворено. Достигается искусное различение оттенков чувств. Человек перестает быть мелочным и приобретает большую светскую ловкость. Так как постоянно он придумывает планы о том, как завоевать новую любовь, как сохранить имеющуюся, как использовать длящуюся любовь, как вновь оживить потухшую, как успокоить ревность и тому подобное, то вырабатывается большая ловкость в словах и мыслях. При этом человек сильно заботится о своей внешности, надевает самые лучшие одежды, все к нему

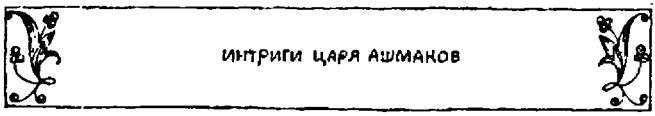
относятся с большим уважением, он пользуется необыкновенной любовью друзей и необыкновенным вниманием своей свиты. Такой человек не говорит иначе, как с улыбкой, он чувствует себя высшим существом, очень со всеми вежлив, а так как он при этом также создает и потомство, то достигает счастья и в этом мире, и в будущем.

Опьяняющие напитки также весьма полезны. Самые крепкие вина являются весьма сильным средством против разных болезней. Их употребление укрепляет молодость, которую мы так ценим, самочувствие сильно подымается, всякое горе забывается, разжигается огонь любви, усиливается способность наслаждения женщинами, забываются все обиды, исчезают все сердечные уколы, растет чувство взаимного доверия, в беззастенчивой болтовне рассказываются непристойные вещи, забывается всякая неприязнь, человеком овладевает одна лишь мысль, как бы повеселиться. Идет непрерывное наслаждение музыкой и всякими чувственными удовольствиями. Расточительная раздача подарков крепко сковывает круг друзей. Несравненная телесная прелесть женщин и самые изощренные забавы заставляют забыть всякие опасения и всякое горе, создается победоносное настроение.

Полезны также, при случае, резкие слова, тяжкие наказания, лишение имущества и прочие действия. Ведь царь не монах. Если б он только заботился о спасении души, то никогда не мог бы преодолеть своих врагов, не мог бы также управлять своим народом».

Этим советам царь следовал с большим рвением, как будто то были наставления его духовного отца. Подданные также воспользовались его примером. Как и он, они безудержно предались разврату. Так как все имели одни и те же грехи, то никто не обращал внимания на пороки других. Очутившись между одинаково порочными царем и подданными, чиновники стали употреблять в свою пользу все результаты своей деятельности по собиранию доходов. Тогда постепенно источники доходов стали исчезать, наоборот, статьи расхода, так как царь всецело находился в руках людей распутных, стали возрастать изо дня в день. Вассальные князья, важнейшие из горожан и сельчан стали вести себя не лучше царя. Между ними установилось панибратство. Вместе со своими женами они приглашались к попойкам и вечеринкам к царю. Все законы добропорядочного поведения были нарушены. Царь находил всякие предлоги, чтобы забавляться с их женами, а они, со своей стороны, безо всякого опасения наслаждались всемерно с женами его терема, которые также совершенно были развращены. И вот оказалось, что все жены из лучших семейств, забыв всякие правила поведения, в упоении от легких остроумных разговоров и ставя мужей своих ни во что, внимали исключительно предложениям разных любовников. Следствием этого явились ревность, раздоры. Сильные убивали слабых. У богачей отнималось имущество ворами и всякими проходимцами. Дороги для убегавших воров были также неудобны.

Украденное отнималось, и воры убивались. Подданные, чье имущество было разграблено, чьи родственники были убиты, кто сам боялся быть убитым или попасть в тюрьму, громко жаловались и рыдали. Противозаконные наказания рождали и страх и злобу. Хищнический инстинкт нашел себе в бедных семействах благодарную почву. Люди независимые подвергались оскорблениям, а их оскорбленная гордость горела мщением.



ИНТРИГИ ЦАРЯ АШМАКОВ

Когда таким образом воцарился полный беспорядок, враги не дремали и стали распространять соблазнительные предложения о переходе на свою сторону. Царь же ашмаков послал своих агентов, убийц и отравителей, для того чтобы уничтожить лучших военачальников и заранее ослабить этим путем войско царя Анантавармана. Эти агенты, переодевшись охотниками, заманивали военачальников рассказами о множестве дичи в непроходимые горные впадины, наполненные сухой травой, тростниками и кустарником; затем они поджигали ветошь у входа, и огонь, распространяясь, губил очутившихся там. Подзадоривая других к охоте на тигров и иных хищников, они при случае бросали их в жертву зверям. Под предлогом поисков освежающего источника они заманивали их весьма далеко, где они и погибали от жажды и голода. Они заставляли их забегать в опасные места, где они падали в обрывы и пропасти, прикрытые травой и кустарником. Намазанными ядом ножами они вытаскивали им из ног занозы колючих растений. Разбредшихся в разные стороны, очутившихся в одиночестве воинов они выслеживали и умерщвляли, как им было угодно. Или они умерщвляли их стрелою, которая якобы направлена была в антилопу и не попала в цель. Или же они бились об заклад о том, что подымутся вместе на недостижимые вершины гор, и, когда там никого другого не оказывалось, бросали их в пропасть. Или переодевались в жителей лесов и, когда небольшой отряд воинов в лесу оказывался отрезанным, нападали на него.

В игорных домах, при петушиных боях, при празднествах, процессиях и других таких случаях, когда собиралась возбужденная толпа, они насильно протискивались вслед за людьми и подстраивали дело так, будто они вредили другим и те с ними расправлялись, или же ашмаки незаметно для других, в толпе наносили им оскорбления, и когда те в ответ громко ругались, то якобы для защиты своей чести они призывали свидетелей, затевали драку и убивали их. Под видом друзей они сводили воинов с чужими женами, а затем убивали или любовников, или мужей, или тех и

других, выдавая потом эти убийства за насильничание солдат. Или они заставляли дурных женщин заманивать воинов на свидание в такие места, где они сами находились в засаде, и затем, внезапно напав, подвергали их бесславной смерти. Разжигая их жадность, они их заманивали в тайные подземные проходы, приглашали откопать зарытые сокровища или приглашали в места, где производились магические действия для получения сокровищ, и там их убивали, объясняя их гибель опасностью таких предприятий. Или же они приглашали воинов показать свою лихость и сесть на взбесившегося слона, а затем мешали им сойти, пока слон их не разбивал о деревья. Иногда, раздразнив злого слона, они во время замешательства окружающих направляли его на группу воинов, из коих многие гибли. Когда же военачальники судились о наследстве, они тайно убивали одного из наследников и пускали молву, что это сделал другой. Когда же кто-либо из вассальных князей, обязанных службой в армии, в городе или в своем поместье дурным обращением наживал много врагов, они тайно убивали его, сами же сваливали вину на его врагов. Или они увлекали воинов посредством подходящих женщин наслаждаться любовью и днем и ночью и таким образом доводили их до чахотки. Иногда они искусно отравляли одежды и украшения, цветы и помаду и под предлогом врачевания усугубляли болезнь.

Когда почва была таким образом подготовлена и войско Анантавармана ослаблено, Васантабану, который на правах вассала управлял страной ашмаков, подговорил своего друга Бануварма́на, царя горцев, живших в лесах Виндья, напасть на него. Когда тот стал опустошать границы царства, то Анантаварман собрал свою армию, чтобы напасть на него. Раньше всех вассалов подоспел к нему на помощь царь ашмаков, поэтому он и сделался самым близким ему человеком. Другие вассалы также подошли. Они стали подвигаться вперед и расположились лагерем на берегу реки Нармады *. На этот случай у одного из старших вассальных князей, Авантидева, царя Кунтала, была взята с собой в поход знаменитая танцовщица, которую называли земной нимфой Урваши *. Чандрапалита и другие страшно расхваливали ее искусство. Царь пригласил ее и увидал ее танцы. Отчаянно влюбившись, он напоил ее и насладился ею.

Тогда царь ашмаков сказал наедине царю Кунтала: «Царь наш с ума сошел! Он бесчестит наших жен! Доколе мы будем терпеть это унижение! У меня сто слонов, у тебя пятьсот. Поэтому соединимся вместе и подговорим еще Вирасена, царя муралов *, Экавира, царя ричиков, Кумарагупта, царя Конканы *, Нагапала, царя Сасикья. Они, наверное, также не в состоянии дальше переносить это бесчинство и будут с нами единомышленны. А царь горцев, лесных жителей — мой близкий друг. Пусть наш беспутник сцепится с ним на фронте, мы же нападем на его тыл. Его казну и перевозочные средства мы захватим и разделим». Царь Кунтала обра-

довался и согласился. Он послал каждому из поименованных царей по двадцать лучших тюрбанов и по двадцать пять вышитых золотом, крашенных в шафран шерстяных одежд. Через доверенное лицо снесся с ними и привлек на свою сторону. На следующий день Анантаварман пал добычей этих самых своих вассалов и царя лесных жителей. То был результат невнимания к наукам политическим!

Васантабану затем собрал расхищенную казну и перевозочные средства и сказал своим союзникам: «Разделите это между собою сообразно сделанным каждым из вас усилиям и сообразно с силой войска каждого из вас! С вашего разрешения я удовольствуюсь той частицей, какую соблаговолите мне дать!» Из хитрого расчета он всем старался угодить, а принесенная им жертва сделалась источником раздоров между вассалами, которых он в конце концов всех уничтожил и все их имущество присвоил. Царь лесных жителей получил в награду небольшую часть добычи. Тогда Васантабану вернулся домой, и все царство Анантавармана перешло к нему.

Между тем старый канцлер Васуракшита с некоторыми верными слугами царского дома взял этого юного мальчика Баскаравармана, его старшую сестру, тринадцатилетнюю Манджувадини, их мать, царицу Васундару, и бежал с ними. Но от сильного горя, связанного с несчастьем, которое он предвидел, но не мог предотвратить, он скончался. Я и некоторые мне подобные преданные люди привели царицу с детьми в город Махишмати * и представили их царю Митраварману, который был братом ее мужа, хотя происходил от другой матери. Благородная женщина эта попалась в руки неблагородному человеку! Он стал ей делать неприемлемые предложения. Она резко ему отказала, сказав: «Я хочу, чтобы мое непорочное поведение сделало моего сына достойным царского престола!» Тогда тот, будучи жестоким по природе, задумал убить младенца. Узнав это, царица мне сказала: «Милый Налиджанг, скройся где бы то ни было с этим мальчиком, спаси ему жизнь! Если я останусь в живых, то и я за вами последую. Если вы будете в безопасности, то дай мне знать о себе». Тогда я посреди шума царского дворца кое-как вывел мальчика и с ним вместе пустился в глубь лесов Виндья. Чтобы дать ему отдохнуть от перехода пешком, я остановился на несколько дней в деревне, но, боясь там наткнуться на царскую стражу, ушел в труднодоступные места. Когда его тут стала мучить страшная жажда, я хотел дать ему воды из этого колодца, но поскользнулся и упал в него, ты же помог мне из него выйти. Поэтому отныне да будешь ты единственным спасителем бесприютного царского сына!» С этими словами он молитвенно сложил руки и поклонился мне.

Я спросил старика о том, из какой семьи происходит мать царевича, на что тот отвечал: «Она дочь Кусумаданвана, царя Косалы *, и Сагарадатты, дочери Вайшравана, паталипутрийского купца».— «Если это так,— сказал я,— то его мать и мой отец

происходят с материнской стороны от того же самого нашего деда!» — и я любовно заключил мальчика в мои объятия. Старик спросил меня: «Который из сыновей Синдудатта твой отец?» Когда же я сказал: «Сушрута», он страшно обрадовался, а я сказал: «Этого, гордящегося своим знанием политики царя ашмаков я свергну посредством такой же политики и возведу этого мальчика на отцовский престол!»

Дав такой обет, я прежде всего подумал, как бы мне утолить его голод. Вдруг пронеслись мимо нас две антилопы, по которым было пущено две-три стрелы, и сзади них показался охотник. Я вырвал у него из рук остальные две стрелы вместе с луком и убил антилоп. Одна упала не вполне пронзенная, а другая — вполне пронзенная стрелой. Одну я дал охотнику, с другой я снял шкуру, вынул легкое, удалил внутренности, отрезал бедро, шею и прочее, проткнул вертелом, сжарил на угольях костра и горячим мясом накормил обоих и наелся сам. Охотник был страшно удивлен проявленной мною в этом деле ловкостью.

Я спросил: «Знаешь ли ты, что происходит в Махишмати?» Он отвечал: «Как же мне не знать, я лишь сегодня вернулся оттуда. Я сегодня продавал там тигровую шкуру и кожи. В городе большой праздник, потому что ожидается прибытие Прачандавармана, сына Чандавармана. Он имеет намерение жениться на Манджувадини, приемной дочери Митравармана».

Тогда я шепнул старику на ухо: «Этот негодяй Митраварман своим хорошим отношением к дочери желает вызвать доверие матери, а затем через нее вновь призвать к себе ее мальчика и убить. Поэтому вернись и тайком извести царицу, что ты встретил меня и что сын ее жив и здоров. Напротив, при других ты громко кричи: ,,Царевича съел тигр!" Глупый царь будет обрадован в душе, но внешне будет выказывать горе. Затем пусть царица через твое посредство передаст царю следующее: ,,Тот мой мальчик, во имя которого я воспротивилась твоему желанию, из-за моих грехов отошел в другой мир. Теперь же я готова исполнить твое желание!" Услышав это, он обрадуется и прибежит к ней. Затем пусть она возьмет венок и окунет его в воду, в которой предварительно будет разведен вот этот сильнейший яд, носящий название ,,телячий мускус", и потом бьет его этим венком по лицу и по груди, приговаривая: ,,Пусть это будет для тебя, негодника, ударом меча в доказательство того, что я сохранила супружескую верность!" Затем пусть она возьмет вот это другое зелье, разведет его в воде, окунет в него тот же венок и передаст своей дочери. Когда же царь умрет, а дочь ее останется невредима, то царица привлечет на свою сторону всех подданных. Прачандаварману же пусть объявит следующее: ,,Нет царя в нашем царстве! Рука этой молодой царевны отдается вместе со всем царством!" Тогда царевич и я наденем одеяния аскетов, носящих на себе человеческие черепа, поселимся около кладбища за городом, и сама царица будет приносить нам

подаяние. Далее, пусть царица соберет тайное совещание, на которое будет созвано большинство купцов, городские старейшины и надежные старые советники, и пусть она им скажет: ,,Сегодня ночью я видела сон. Ко мне милостиво явилась богиня гор Виндья — Дурга * и сообщила мне: ,,Через три дня на четвертый умрет Прачандаварман. На пятый день распорядись, чтобы в храме моем, расположенном на берегу Ревы *, никого не было. Когда все уйдут, вели раскрыть двери; тогда из храма выйдет молодой брамин вместе с твоим сыном. Он будет управлять этим царством во время его малолетства и затем возведет его на престол. Ведь я в образе тигрицы лишь спрятала его, а не съела. Эта моя дорогая Манджувадини предназначена в жены молодому брамину!" Все это строжайшая тайна, и вы ее храните до тех пор, пока все это не совершится!»

Старик Налиджанг был справедливо доволен этим планом, он отправился в путь, и все совершилось так, как было задумано. Во все стороны понеслась молва о великой силе женщин, хранящих супружескую верность. Все думали: «Удар цветочным венком стал для царя равносильным удару мечом. Нельзя предполагать тут обмана, так как царица дала тот же самый венок своей дочери, и для нее он оказался не смертельным, а, напротив, украсил ее грудь. Всякий, кто воспротивится приказанию, должен непременно превратиться в пепел!»

Затем однажды я и царевич в одежде странствующих монахов пришли за милостыней. Как только царица нас увидала, у нее в грудях показалось молоко. Вне себя от радости, она поднялась мне навстречу и сказала: «Владыка! Я кланяюсь тебе! Сделай милость мне, беззащитной! У меня был сон, скажи, оправдается он или нет?» Я отвечал: «Сегодня же увидишь его результат!» — «Если это так,— сказала она,— то велико будет мое счастье, и я буду тебе предана, как рабыня. Ведь этот сон обещает ей, моей дочери, мужа». При этих словах она велела Манджувадини, которая при виде моих страстных взглядов стала волноваться, преклониться передо мной и, кроме того, сказала мне, едва сдерживая выражение радости: «Если все это не оправдается, то я должна буду задержать завтра этого твоего мальчика, аскета». Хотя глубокие, страстные взоры Манджувадини искушали мою стойкость, тем не менее я ответил с улыбкой: «Пусть так и будет!» Получив милостыню, я сделал знак Налиджангу и удалился; он последовал за мной, и я спросил у него потихоньку: «Где же этот Прачандаварман? Ведь все знают, что ему недолго жить?» Тот отвечал: «Он находится в большой зале дворца, он ничего не подозревает и думает, что царство уже перешло к нему; его там окружают артисты».— «Когда так,— сказал я старику,— жди меня здесь, в парке».

У ограды парка в одном месте стояла небольшая постройка; она была пуста. Там я снял с себя все, что на мне было, и поручил молодому царевичу хранить это. Затем переоделся колдуном и направился к царю Прачандаварману и стал его развлекать. К вечеру, когда покраснело заходящее солнце, я стал показывать одно за другим всякие действия, которые способны были привлечь внимание собравшейся толпы: плясал, пел, изображал плач и разные другие выражения чувств, ходил на руках, вытягивал ноги кверху, плясал на одной ноге, вытянув другую, исполнял разные прыжки — круговой прыжок, прыжок скорпионов, прыжок дельфина и тому подобное; высовывал голову, как рыба из воды, затем непринужденно брал у стоявших вблизи людей их кинжалы, втыкал их в свое тело и показывал фокусы столь же удивительные, сколь трудноисполнимы, как, например, полет сокола, полет орла. Прачандаварман стоял от меня в двадцати саженях. Воспользовавшись удобным случаем, я одним из кинжалов сильно ударил его в грудь и громко воскликнул: «Царь Васантабану да здравствует в течение тысячи лет!» Тут какой-то переодетый воин поднял меч, чтобы разрубить меня пополам, но я так сильно толкнул его в толстую шею выше плеч, что он от одного удара потерял сознание. Затем я перепрыгнул через ограду, которая была вышиною в двойной человеческий рост. Глаза ошеломленного народа все направились кверху, следя за удивительным моим прыжком.

Очутившись в парке, я тотчас же сказал Налиджангу: «Вероятно, меня будут преследовать в этом направлении!» Не успел я это сказать, как Налиджанг замел на песке мои следы, и я побежал вдоль стены в обратном направлении на восток, потом по аллее тамал *, на которой, таким образом, не оказалось никаких следов. Тут к югу оказалась куча собранных кирпичей, я скрылся за ними и невидимо добежал до стены. Перепрыгнув через нее, через ров и через насыпь, я очутился перед упомянутой пустой постройкой, быстро в нее вошел, снова надел прежние одежды и направился в город к кладбищу, с большим трудом проникнув через главные ворота, где столпился возбужденный моим поступком народ.

В этом упомянутом храме богини Дурги мной еще ранее был проделан подземный ход, оканчивающийся у самого подножия ее статуи; снаружи он прикрывался большим камнем, который плотно вкладывался в проломанную стену. После полуночи евнух принес нам два шелковых одеяния и драгоценные украшения. Мы оделись, проникли в подземный ход и стояли там молча. Царица же накануне совершила обряд огнесожжения Прачандавармана, царя Малавийского, и объяснила Чандаварману все совершившееся как следствие

коварства царя ашмаков. На следующий день рано утром она вместе с заранее приглашенными старейшими горожанами, министрами и вассалами совершила поклонение богине; на глазах у всех велела осмотреть каждый уголок храма и, удовлетворенная, что там никого больше не было, велела храм закрыть и остановилась со своей свитой перед храмом, направив на него свои взоры, повелев в то же время как можно громче бить в барабаны. Этот барабанный бой, который дошел до меня через маленькие отверстия стены, послужил мне сигналом. Упершись головой прямо в железный пьедестал, на котором стояла статуя, я приподнял его обеими руками, несмотря на то, что он был под силу только могучему человеку, и, отодвинув его в сторону, вышел вон, а затем дал выйти и царевичу. Поставив статую на прежнее место, я помолился ей, открыл двери храма и показался собравшемуся народу. Радостная вера засветилась в глазах у всего народа, каждый содрогнулся всем телом, все были страшно удивлены, подняли кверху сложенные молитвенно руки и поклонились в землю.

Я же сказал: «Богиня Дурга, живущая в горах Виндья, сообщает вам через мое посредство следующее: ,,Из жалости к царевичу я в образе тигрицы похитила его. Сегодня я вам его отдаю. Начиная с сегодняшнего дня будьте к нему привязаны, памятуя, что на его стороне стоит могущественная мать, так как я считаю его своим сыном!» Кроме того, сказал я: «Знайте, что царь ашмаков, ловкий в устройстве множества сложных интриг и жестокий в своем явном вероломстве, встретил во мне врага, которому так же легко с ним справиться, как горшечнику сделать глиняный горшок. Поэтому я буду попечителем царевича. В награду за это обещала мне богиня его прекрасноброву сестру в жены».

Услыхав это, подданные обрадовались и воскликнули: «О, как счастлив царский род Боджа, раз богиня дает им такого предводителя!» Но радость моей будущей тещи достигла такого предела, что никакими словами описать ее нельзя. По ее приказу в тот же самый день Манджувадини отдала мне свою нежную руку, и мы сочетались браком по закону. Когда же наступила ночь, я тщательно вновь заделал подземный ход в храме. Народу я не давал повода сомневаться во мне. При случае я находил утерянное и отгадывал, что они держали в закрытой руке, отгадывал и их мысли. Всяческими способами я достиг того, что они считали меня за частицу божества и никогда не нарушали моих приказаний. Что касается царевича, то о нем распространилась молва, что он — сын богини Дурги, и это возвеличивало его. Выбрав благоприятный день и одев его в красивую одежду, я через духовника совершил обряд посвящения его в ученики, и затем духовник стал преподавать ему политические науки. Я же занимался делами управления.

Тогда у меня явилась мысль: «Царство, говорят, основывается на трех силах: советы, мощь и выдержка. Поддерживая друг друга, они проявляются во всех делах. В советах дела решаются, силой

государственной мощи они проводятся в жизнь, выдержка доводит их до конца. Государственное устройство есть дерево, которое содействует царю в управлении: его корни состоят из пяти разновидностей государственных советов *, ствол его состоит из двоякой мощи — финансовой и военной, его ветви — из четырех видов энергии *, его листья — из семидесяти двух составных элементов государства *, его отпрыски — из шести добродетелей *, его цветы и плоды — из силы и успеха. Так как оно состоит из многих частей, или ведомств, то овладеть ими без помощников трудно. Первый министр царя Митраварма́на, Арьякету, происходит из царства Косала. Он сторонник матери царевича и обладает государственными способностями. Митраварман пал только потому, что пренебрег его советами. Было бы недурно привлечь его на свою сторону!»

Рассудив таким образом, я дал Налиджангу такое тайное поручение: «Дорогой мой, сходи к благородному Арьякету и спроси его наедине: ,,Что это за обманщик, который наслаждается у нас царской властью? Ведь наш милый царевич обвит им, как змеей. Я желал бы знать, проглотит ли его эта змея или выпустит!" Что он тебе на это скажет, ты мне сообщи». Через несколько времени он мне доложил: «Я несколько раз подносил старому министру подарки, рассказывал ему забавные истории, растирал ему руки и ноги, и, когда я вошел к нему в доверие и представился случай, я задал ему те вопросы, о которых ты упомянул. Он же отвечал: ,,Дорогой мой, так говорить не нужно! В нем соединяются вместе достоинства, которые и в отдельности редко можно встретить. В нем видны благородное происхождение, редкая проницательность ума, сверхчеловеческая жизненная сила, безграничное великодушие, весьма удивительное искусство владения оружием и немаловажное знание различных ремесел, любвеобильное сердце и дух геройства, непреодолимый для врагов. Для своих недругов он является ядовитым деревом чирабильва, для своих сторонников — упоительным сандаловым деревом. Знай, что он уничтожил царя ашмаков, который считал себя таким мудрым политиком. Он же возвел на престол нынешнего царевича. Все это вещи несомненные!"»

Услышав это, я несколько раз подвергал его испытанию разными хитростями и наконец сделал его своим сообщником. Вместе с ним я назначал министров правдивых и неподкупных и тайных агентов, которые выступали в самых разнообразных переодеваниях. «Если я через этих агентов узнаю, что в таких-то кругах моих подданных развились богатство и жадность, самомнение и непокорность, то я силой внедрю им бескорыстие и отниму от них имущество под предлогом, что я поддерживаю религиозность, утесняю неверие, очищаю царство от непокорных элементов, разрушаю интриги врагов, поддерживаю четырехкастовое устройство в занятиях, соответствующих законам каждой касты *. Таким образом, я наберу много денег. Ведь всякие начинания правительственной власти основаны на деньгах!» На основании этих соображений я принимал соответственные меры.

Заключение

И мне пришло в голову: «Все мои слуги необыкновенно доблестны и так мне преданы, что жизнь свою считают ни во что. Так как в моем распоряжении вся военная мощь двух государств, то я не уступаю в силе царю ашмаков Васантабану. В политике я также знаток. Поэтому я теперь в состоянии разбить его и возвести на отцовский престол Баскаравармана, сына Анантавармана. Ведь повсюду ходит молва, что наш царевич усыновлен богиней Дургой *. Я же назначен его попечителем.

До сих пор никто не раскусил моей хитрой проделки. Здешнее население, однако, крепко надеется на Баскаравармана как царского сына. Так как он сын царя Анантавармана, то они надеются, что по милости богини Дурги он достигнет царского престола. Но и войско царя ашмаков знает, что богиня Дурга покровительствует царевичу. Оно, по-видимому, если дело дойдет до войны с нами, будет колебаться, зная, что человеческая сила невелика по сравнению с божеской. Здешние наследственные министры уже с самого начала сочувствовали возвышению царевича. Теперь же, после того как я привлек их на свою сторону подарками, почестями и прочим и вызвал в них доверие, они особенно сильно и исключительно преданы царевичу».

С ближайшими слугами царя ашмаков самые доверенные мои агенты заключили тесную дружбу. По моему поручению они стали им втайне нашептывать таким образом: «Вы наши друзья, поэтому мы можем вам дать только один хороший совет. Богиня Дурга назначила попечителем нашему царевичу знаменитого Вишрута. Через него царь ашмаков Васантабану, его сторонники и его воины — все переселятся гостями в дом смерти! Поэтому переходите все на сторону Баскаравармана, сына Анантавармана, пока царь ашмаков не отправил вас на тот свет. Только тот, кто вовремя перейдет, достигнет большего успеха и счастливо будет жить со своей семьей. В противном случае он падет жертвой трезубца богини Дурги. Она мне велела сказать это всем раз и навсегда. Во внимание к дружбе, которая нас с вами соединяет, она через меня всем вам сообщает это известие». Услышав это и зная, что милость богини Дурги находится на стороне царевича, ближайшие советники царя ашмаков с самого начала колебались, когда же они услышали от меня помянутое известие, то уж совсем оказались в моей власти.

Царь ашмаков замечал все эти колебания и подумал: «Коренные

подданные царевича, все без исключения, желают иметь царем только его одного. Все же мои слуги, как здесь, так и за границей, по-видимому, от меня отвернулись. Если я буду придерживаться политики терпения и буду спокойно сидеть дома, то даже свое царство, совращаемое тайными агентами, я не буду в состоянии сохранить. Итак, пока не начались у врага переговоры с моим войском, пока оно, отвернувшись от меня, не выдало моих планов, я пойду на врага войной. Если я так поступлю немедленно, то он не в состоянии будет выдержать ни одну минуту моего натиска!» Таким образом, царь совершил смертный грех незаконного нападения на чужую страну и вместе со своим войском напал на мое войско, как бы направляясь прямо в пасть богу смерти.

Когда царевич узнал об этом нападении, он пошел ему навстречу. Я же сел на коня и выехал вперед навстречу самому царю ашмаков, который двигался со своим войском. Тогда вся без исключения армия подумала, что если я один иду навстречу его несметной армии, то тут есть особая причина, которая не может быть другой, как только покровительство богини Дурги. В этом убеждении армия остановилась и стояла, как нарисованная на картине. Тогда я подъехал к царю Васантабану и вызвал его на бой. Он сошелся со мной и нанес мне сильный удар мечом. Я же парировал его удар благодаря моей особой тренировке. Затем я нанес ему ответный удар, от которого полетела на землю отрубленная голова царя ашмаков. После этого я обратился к армии со следующими словами: «Кто из вас имеет намерение сражаться, пусть выйдет и сразится со мною. Если же таких нет, то преклонитесь перед царевичем и перейдите на его сторону! Тогда каждый из вас может счастливо продолжать жить, ведя избранный им образ жизни и в полной безопасности продолжая исполнять свои обязанности». Услышав это, все бывшие на службе у царя ашмаков сразу спустились со своих колесниц, преклонились перед царевичем и признали его власть. После того я объявил царевича повелителем царства, принадлежавшего раньше царю ашмаков, поручил управление своим наследственным министрам и вместе с армией царя ашмаков, которая перешла на нашу сторону, вступил в пределы страны видарбов, в столице которой я возвел на отцовский престол царевича Баскаравармана и совершил обряд помазания на царство.

Однажды, когда царь находился у своей матери Васумати, я доложил ему: «Я должен сделать еще одно дело; пока я его не сделаю, до тех пор я не могу спокойно сидеть на месте, поэтому пусть моя жена, а твоя сестра Манджувадини пробудет у вас несколько дней. Я же должен некоторое время странствовать, пока не найду моего друга, когда же я его найду, я снова вернусь». Услышав это, царь с соизволения своей матери сказал: «Ты единственный источник моего счастья, состоящего в том, что я вернул себе царский престол. Без тебя мы не могли бы ни одной минуты нести бремя управления. Как же ты говоришь такую вещь, что

хочешь нас покинуть!» Я же отвечал: «Ни малейшего опасения не должно у вас быть на этот счет в сердце. У вас есть такой несравненный министр, как Арьякету. Он в состоянии вести бремя управления несколькими такими царствами, ему я передам управление и потом пойду». Хотя я такими речами и вырвал согласие царя, он все-таки вместе с матерью под всякими предлогами некоторое время мешал моему отъезду. Он даровал мне царство Прачандавармана, царя Уткальского *. Я вступил во владение этим царством, простился с царем Баскараварманом и не успел собраться в путь на твои розыски, как поступило приглашение от царя Бенгальского Синхавармана прийти к нему на помощь. И вот я здесь встретил тебя, моего властелина, очевидно, в силу того, что добрые дела, ранее, в других перерождениях, мною сделанные, привели к этому результату.

Таким образом, там собрались принцы Апахараварман, Упахараварман, Артапал, Прамати, Митрагупт, Мантрагупт и Вишрут. Они послали гонцов к принцу Сомадатту, который жил в Паталипутре в качестве наследника престола, и пригласили его вместе с его прекрасноглазой женой, так как они с ним ранее уговорились, что его позовут, когда все соберутся. Вместе с Раджаваханой они там рассказывали друг другу свои интересные воспоминания, как вдруг пришло от царя Раджахансы из города Пушпапур письмо. Тогда царевичи поклонились Раджавахане и сказали: «Господин, возьми это письмо от твоего отца Раджахансы». Услышав это, он встал и взял письмо с подноса. Затем царь Раджавахана поднял письмо себе на голову, опустил вниз, распечатал и стал читать. Все слушали.

«Да будет благо и счастье! Из столицы Пушпапур царь Раджаханса шлет вместе со своим благословением письмо царевичам, собравшимся вокруг Раджаваханы в городе Чампа. Когда вы, простившись со мною, с моего разрешения отсюда удалились, вы остановились в каком-то лесу возле храма бога Шивы и расположились там лагерем. Раджавахана пошел в храм помолиться Шиве, провел там всю ночь, а наутро его нигде не оказалось. Тогда все остальные царевичи поклялись, что они вернутся на поклон к Раджахансе только вместе с Раджаваханой или умрут. Отправив войско обратно, они разошлись в разные стороны поодиночке, чтобы разыскать пропавшего Раджавахану. Узнав из уст вернувшихся воинов про это ваше происшествие, я и ваша мать погрузились в океан печали и решили пойти в обитель Вамадевы рассказать ему о случившемся и затем умереть. Когда мы пришли в обитель святого и ему поклонились, он уже знал о нашем желании, так как его знание простиралось на все три времени *. Зная о нашем намерении умереть, он сказал: „О царь, в силу моего провидения я еще раньше узнал о ваших намерениях. Эти твои царевичи

перенесут в течение некоторого времени много труда в поисках Раджаваханы, но им улыбнется счастье, благодаря их необыкновенной доблести они покорят мир, приобретут много царств и по истечении шестнадцати лет под предводительством победоносного Раджаваханы вернутся, припадут к стопам твоим и твоей Васумати и будут готовы исполнить твои приказания. Поэтому не совершай из-за них необдуманного шага!" Услышав это и доверяя святому, мы вооружились терпением и продолжаем жить, я и царица, до сегодняшнего дня. Так как назначенный нам срок теперь исполнился, то мы отправились в обитель Вамадева и доложили: „Владыка, назначенный тобой срок почти прошел. Ты и сегодня, наверное, знаешь ход событий". На это святой сказал: „О царь, все царевичи во главе с Раджаваханой победили многих могущественных врагов, победили весь мир, подчинили себе всю землю и теперь собрались вместе в городе Чампа. Посылай как можно скорее гонцов с письмом, чтобы они пришли!" В силу этих слов святого я посылаю это письмо, приглашающее вас явиться. Если вы теперь хоть минуту промедлите, то от меня и от вашей матери Васумати останется только одно воспоминание. Поэтому если вы теперь захотите напиться воды, то это делайте только после отправления в путь».

Тут они с благоговением приложили отцовское письмо к голове и решили пойти. Затем они решили оставить достаточно войска для охраны завоеванных царств, назначить на каждое место самых энергичных и доверенных людей, назначить небольшую силу для охраны пути, покорить по дороге своего старого врага Манасара, царя Малавийского, подчинить себе также и его царство и затем явиться в Пушпапур на поклон царю Раджахансе и царице Васумати. Каждый взял с собой свою жену, и с небольшим войском все отправились в поход против Манасара, царя Малавийского. Хотя тот был и очень могуществен, однако, когда они достигли города Уджаини, Раджавахана, окруженный союзными принцами, моментально его разбил и лишил жизни. Затем царевичи взяли с собой его дочь Авантисундари, освободили царя Пушподбаву вместе с его семейством из темницы, в которой он содержался по приказанию министра Чандавармана, приняли его в свой союз, овладели царством Малавийским, назначили для его управления министров и войско и в сопровождении оставшейся небольшой военной силы достигли Пушпапура и во главе с Раджаваханой поклонились в ноги царю Раджахансе и матери своей, Васумати. Те оба сильно обрадовались свиданию с сыновьями.

Затем святой отшельник Вамадев, зная тайное желание Раджаваханы и других принцев, сказал в присутствии царя и царицы Васумати: «Все вы теперь сразу отправляйтесь каждый в свое царство и управляйте им согласно закону. Впредь всякий раз, когда пожелаете, вы можете прийти на поклонение родителям». Тогда все принцы как бы вложили слова святого себе в голову, поклонились

родителям, и каждый рассказал в присутствии святого отшельника свои приключения, начиная с того, как они расстались и покорили мир, вплоть до момента возвращения. Родители, услышав о труднейших подвигах царевичей, подвигах, которые свидетельствовали об их врожденной доблести, весьма сильно обрадовались. Тогда царь смиренно сказал святому: «Владыка, по твоей милости мы достигли такого счастья, которое превосходит все человеческие пожелания, которое трудно выразить словами и объять умом. После этого мне надлежит поселиться у стоп моего владыки, принять отшельничество и заняться спасением души. Поэтому пусть Раджавахана будет царем над Пушпапуром и над царством Манасара. Остальные царства пусть отданы будут девяти принцам, как о том было сказано. Пусть они исполняют приказания Раджаваханы, пусть будут с ним согласны и пусть управляют всей землею, вплоть до четырех океанов, которые ее окружают, пусть уничтожают все тернии на их пути. Таково мое приказание!»

Святой отшельник, заметив, что принцы употребляют всякие усилия, чтобы воспрепятствовать своему отцу перейти на положение лесного отшельника, сказал: «О царевичи, если ваш отец вступит на путь, который соответствует его возрасту, то он может без всякого неудобства жить в моей обители. Вы ни в каком случае не должны ему мешать сделаться отшельником в лесу. Живя там, он проникнется высшею любовью к Творцу. Вы же, удерживая отца при себе, никакого блага не достигнете».

Усвоив слова святого отшельника, принцы не стали больше препятствовать тому, чтобы отец перешел на положение святого отшельника.

Возведя Раджавахану на престол в Пушпапуре, все его родичи стали управлять каждый своим царством и посещать родителей когда вздумается. И вот таким образом все эти царевичи во главе с Раджаваханой жили, управляя всей землею во имя царя Раджаваханы согласно закону. Во взаимном согласии они наслаждались благами власти, которая столь трудно достигаема даже для бога Индры, разрушителя городов.

ГЛОССАРИЙ *

Аванти — г. Удджайини, или Вишала (см.), а также царство Аванти (Малава).
Агастья — мифический мудрец, упоминавшийся еще в Ригведе.
Агни — в индийской мифологии бог огня.
Айодхья — древнее название Аудха, столица государства Кошала, расположенного по р. Гогра. Рама был сыном царя Айодхьи.
Айравати — очевидно, название города на одноименной реке, которая отождествляется с р. Рави в Пенджабе или с р. Рапти в Аудхе.
Амбика (букв. «благая матерь») — эпитет богини Дурги, или Парвати, супруги бога Шивы.
Амброзия — см. амрита.
Амрита — напиток бессмертия, пища богов.
Ангирас — олицетворяет планету Юпитер и является мудрым наставником богов.
Андхра — древняя страна со столицей в г. Венги.
Арджуна — легендарный царь Арджуна-Картавирья, который, по преданию, пытался похитить у брахманов волшебную корову Камадхену, исполнившую все желания, за что и поплатился смертью.
Ариец — здесь *арья*, представитель одной из трех высших каст (*брахманы, кшатрии, вайшьи*).
«Армия всех четырех родов оружия» — т. е. войско, включающее в себя слонов, конницу, боевые колесницы и пехотинцев.
Артхавриттика — один из разрядов гетер, букв. «существующая за счет богатства».
Атарваведа (Атхарваведа) — название четвертого сборника Вед, древних священных книг индийцев, он содержит различные заговоры и заклинания против природных бедствий и прочих несчастий.
Атри — легендарный мудрец, упоминающийся еще в Ведах.
Ашмаки — древний народ, населявший одноименную страну, расположенную на юге Индии (совр. Траванкор).
Ашоковые деревья — вечнозеленые деревья с красными цветами.
Бавани — одно из имен богини Парвати (см.).
Бакула — вечнозеленое дерево, дающее густую тень.
Бала и Шамбала — в индийской мифологии имена двух демонов-асуров.
Бетель — растение (ползучий кустарник) из семейства перечных (Piper betle), распространенное в тропической Азии. Так же называют смесь для жевания, которую готовят из листьев бетеля, ореха арековой пальмы, плодов катеху, извести и специй.
Бог любви — в индийской мифологии вооружен луком, тетива которого состоит из пчел, и пятью цветочными стрелами.
Бог смерти — Яма (см.).
Богиня власти царской — см. Лакшми.
Богиня красноречия — см. Сарасвати.
Богиня красоты — см. Лакшми.
Брама — см. Брахма.
Брамин — то же, что брахман, жрец, представитель высшей касты древнего индийского общества.
Брахма — бог-созидатель из триады (Брахма — Вишну — Шива) высших богов индийской мифологии.

---

* Составлен В. И. Кальяновым.

«Брахма в образе газели» — согласно одному из мифов, Брахма обратился в антилопу, чтобы соединиться со своей дочерью богиней Сарасвати, пребывавшей в образе антилопы.

Брахманы — *варна* жреческого сословия.

Брихаспати — в индийской мифологии божественный мудрец, сын Ангираса, считался мудрым наставником богов и олицетворял планету Юпитер.

Бхагиратхи — одно из названий р. Ганг (Ганга).

Бхаттарика — богиня-покровительница; также эпитет богини Дурги.

Бхарата (букв. «потомок Бхараты») — один из персонажей «Махабхараты».

Бхишма — один из главных героев «Махабхараты», сын царя Шантану и богини Ганги, дед *пандавов*.

Бхут — в индийской мифологии злой дух; бхуты считаются слугами бога Шивы (см.).

Бхутаваса — букв. «обиталище бхутов» (см.).

Вадава — легендарный подводный огонь, исходящий из пасти божественной кобылицы, в которую обратилась небесная дева Ашвини.

Вайшравана (букв. «прославленный») — эпитет Куберы, бога богатства.

Вайшьи — в древности *варна* земледельцев и купцов.

Валаби (Валлабхи) — древняя столица Саураштры (см.), совр. Бильби на восточном берегу полуострова Катхиявар.

Валакхильи — мифические мудрецы-карлики ростом с большой палец и численностью в 60 тыс. По древним преданиям, они сопровождают колесницу Солнца, питаясь его лучами.

Вангала — совр. Бенгал (древнее название — Ванга).

Варанаси — древнее название Бенареса, священного города, построенного на месте впадения в р. Ганг двух рек — Варна и Аси.

Варна — см. каста.

Васавадатта — прекрасная героиня древних романтических сказаний.

Ватса — страна в среднем течении Ганга, столицей ее был г. Каушамби (совр. Косам).

Веды (букв. «знания») — древние священные книги индийцев, четыре сборника стихотворных гимнов: Ригведа — гимны к различным божествам; Самаведа — «Веда мелодий»; Яджурведа — «Веда жертвенных изречений» и Атхарваведа — «Веда заклинаний».

Вепрь — одно из воплощений бога Вишну (см.). Приняв вид вепря, Вишну разыскал землю в глубинах океана и на своих клыках поднял ее над водой.

Вибхитака — название дерева, ягоды которого употреблялись в качестве игральных костей.

Вигхнавинаяка (букв. «устранитель препятствий») — эпитет Ганеши, бога мудрости.

Видарб — древнее название Берара.

Видеха — название древнего царства северо-восточнее Магадхи, столицей которого была Митхила, отождествляемая с совр. Джанахпуром в Непале.

Видиша — древнее название г. Бхилса в области Малава.

Видьядхары (букв. «носители знаний») — в индийской мифологии сверхъестественные существа, добрые полубоги, живущие в Гималаях. Они сопровождают Шиву (см.) и обладают магической силой.

Викрамадитья (букв. «солнце отваги») — легендарный индийский царь, правивший всей Северной Индией. Викрамадитье приписывается изгнание саков из Индии, он считается основателем нового летосчисления — эры Викрама (с 58 г. до н. э.) — и покровителем литературы.

Виласини — один из разрядов гетер, букв. «игривая», «резвая».

Виндья — горная цепь, отделяющая северную часть Индии от Декана.

Вишала — одно из названий древнего города Удджайини, который был центром области Малава (совр. Мальва).

Вишалакш (букв. «большеглазый») — эпитет бога Шивы.

Вишнагупта — по индийской исторической традиции, отождествляется с Чанакьей (см.), или Каутильей.

Вишну — бог-хранитель из триады (Брахма — Вишну — Шива) высших богов индийской мифологии.

«Владыка вод» — бог Варуна, одно из главных божеств ведической эпохи, олицетворявшее собой небесный свод. Позднее превратился во второстепенное божество вроде русского водяного.

«Воспитатель пятерых» — имеется в виду Дрона (см.).

Врикодара (букв. «с волчьим брюхом») — прозвище Бхимы, одного из пяти братьев-*пандавов* — главных героев «Махабхараты».

«Восточная Сторона» — т. е. восток, олицетворявшийся в образе женщины, супруги Индры (см.).

«Все три времени» — т. е. прошедшее, настоящее и будущее.

Вьягхрамари — букв. «убивающая тигра».

Вьяса — легендарный мудрец, сын Парашары и красавицы Сатьявати, дед *пандавов*.

Гавьюти — мера длины, ок. 8 км.

Ганапати (букв. «повелитель ганов») — эпитет бога мудрости Ганеши (см.).

Ганга — в индийской мифологии р. Ганг олицетворяется в образе прекрасной женщины, богини Ганги. Небесная Ганга — по мифологическим представлениям индийцев, р. Ганг течет на небесах, на земле и под землей.

Гандхарвы — в индийской мифологии добрые полубоги, считающиеся небесными музыкантами.

Ганеша — в индийской мифологии бог мудрости, «устранитель препятствий», к которому обычно взывали в начале всякого важного предприятия. Ганеша изображается с головой слона (символ мудрости), четырьмя руками, толстым животом, сидящим на крысе (олицетворение хитрости).

Ганика — один из разрядов гетер, букв. «купленная за большую сумму».

Гаруда — мифическая гигантская птица, которая считается царем птиц и пожирателем змей.

Гаури (букв. «сверкающая») — эпитет богини Дурги, или Парвати.

Гаутама — имя легендарного мудреца-отшельника.

Гаялы — разновидность быков или буйволов.

Гений — см. *видьядхара*.

«Гении, населяющие Гималай» — имеются в виду якши (см.).

Гитара — имеется в виду *вина* — древний музыкальный инструмент из бамбукового грифа и двух прикрепленных по обоим концам тыкв.

Говинда (букв. «глава пастухов») — один из эпитетов Кришны, воплощения Вишну.

«Готовь дрова для меня» — т. е. готовь мне погребальный костер.

Гунаприя — букв. «любящий добродетель».

Данавы — по индийской мифологии, потомки Дану и мудреца Кашьяпы; они считаются противниками богов, демонами.

Данвантари — в индийской мифологии считается врачевателем, богом и учителем науки врачевания — *аюрведы*.

Дарба (или куша) — разновидность травы, которую употребляют при различных религиозных церемониях.

Дарика — один из разрядов гетер, букв. «разоряющая».

«Дважды рожденная» — т. е. птица, называется так потому, что считается родившейся сначала в виде яйца, а затем вышедшей из яйца.

«Десять стран горизонта» — в индийской космогонии различаются десять стран света: четыре главные (север, юг, восток, запад), четыре промежуточные (юго-восток и т. д.), зенит и надир.

Джайнская секта — здесь *кшапанака* (см.), одна из двух сект джайнизма, религии, возникшей ок. IV в. до н. э. в противовес брахманизму. Ее основатель Джина выступал с отрицанием богов и авторитета Вед.

Джанардана (букв. «возбуждающий людей») — один из эпитетов Кришны, героя древнеиндийского эпоса.

Джанастхана — древнее название местности вокруг совр. города Аурангабад.

Джаянти — вероятно, древнее название г. Джинтия в Ассаме.

Динарий — золотая монета, имевшая хождение в Индии.

Дравиды — древние аборигены юга Индии.

Драмма — серебряная монета весом 4,5 г (греч. драхма).

Дрона — полководец *кауравов* и воспитатель пятерых *пандавов*, главных героев «Махабхараты».

Дурга — одно из имен богини Парвати (см.).

Дурьйодхана — один из главных героев «Махабхараты», старейший из ста сыновей царя Дхритараштры, глава *кауравов*, двоюродный брат и непримиримый враг *пандавов*.

Душтабуддхи — букв. «злонамеренный»; Дхармабуддхи, напротив, «благочестивый», «добродетельный».

Дхритараштра — царь, один из героев «Махабхараты», отец ста сыновей-*кауравов*.

Закон (*дхама*), богатство или польза (*артха*) и любовь (*кама*) — три основные ценности, три ценности человеческой жизни по представлениям древнеиндийских этических учений. Эти ценности должны находиться в некоем равновесии, но ведущей в зависимости от наклонностей каждого человека может быть одна из трех.

Законы Ману — знаменитый древнеиндийский сборник наставлений о правилах жизни.

Знатоки четырех Вед — мудрецы, изучившие четыре Веды, священные книги индуистов.

«Золотая газель» — имеется в виду один из эпизодов «Рамаяны», похищение красавицы Ситы, жены Рамы, демоном Раваной, который, чтобы прельстить Ситу, обратил в золотую газель *ракшаса* Маричи.

Икшвакуиды — род, ведущий начало от Икшваку, который, по индийской мифологии, был сыном Ману Вайвасваты, сына бога солнца Сурьи.

Индра — в ведической мифологии бог бури и грома, а также бог-воитель, часто называемый «владыкой богов» — он один из трех главных богов (Индра, Агни и Сурья). Однако в послеведическую эпоху Индра превратился во второстепенное божество, главными же богами стали Брахма, Шива и Вишну.

Йоджана — мера длины, ок. 15 км.

Кадамба — дерево с яркими душистыми цветами, распускающимися в период дождей.

Кайласа — название горы в Гималаях (примерно в 40 км от оз. Манассаровар). Древние индийцы считали, что на этой горе обитают Шива (Шанкара) и Кубера (см.).

Калакута — смертельный яд, по преданию полученный богами как побочный продукт в процессе изготовления *амриты* — напитка бессмертия.

Калахаприя — букв. «сварливая».

Кали (букв. «черная»)— одно из имен богини Дурги (см.).

Калинга — название древней страны на территории совр. Ориссы.

Камарупа — древнее название Ассама.

Кантипури — здесь, вероятно, город на Ганге близ Аллахабада, упоминаемый в «Вишнупуране».

Канчи — древняя столица дравидов, ныне г. Кондживарам на р. Палар, в 80 км юго-западнее Мадраса.

Канчука — короткая кофточка, которую носят индийские женщины.

Карала (букв. «ужасная») — прозвище богини Дурги, супруги Шивы.

Карахада — вероятно, совр. Кархада в штате Бомбей, в 65 км севернее Кольхапура.

Карна — один из главных героев «Махабхараты», внебрачный сын Кунти, матери *пандавов*, от бога Сурьи (Солнца). Карна был убит Арджуной.

Карнавати — древнее название г. Ахмадабада в Гуджарате (основан царем Карнадевой в XI в.); другое название его — Шринагар.

Каста, или *варна* — сословие древнеиндийского общества; кроме четырех основных *варн* (*брахманы, кшатрии, вайшьи, шудры*) существовали и другие касты (кожевников, гетер и пр.).

Каутилья — см. Чанакья.

Каччха — область Кач, расположенная между полуостровом Катхиявар и дельтой Инда.

Кетак (Кхетака) — древнее название г. Кайра (южнее Ахмадабада, Гуджарат).

«Кирата» — сокращенное название известной санскритской поэмы Бхарави (VII в.) «Кирата-Арджуния», повествующей о борьбе Арджуны, героя «Махабхараты», с Шивой, принявшим облик охотника из племени кирата.

Конкана — область на западном берегу Индостана.

Косала, или Кошала — название страны, расположенной в долине р. Сараю (совр. Гогра), отождествляется с совр. Аудхом. Столицей Кошалы была Айодхья.

Кубера (Кувера) — в индийской мифологии бог богатства и бог-хранитель Севера, считающийся также хранителем сокровищ бога Индры. Столица Куберы — Алака расположена на г. Кайласа (см.).

Кукушка (*кокила*) в Индии служит символом влюбленного наподобие соловья в Европе.

Кумара — в индийской мифологии бог войны, предводитель войск богов.

Кундина (Кундинапура) — название столицы древней Видарбхи, по-видимому совр. Кондавир в Бераре.

Кшапанака — здесь монах *дигамбара*, т. е. последователь крайней секты джайнизма, не носящий одежды.

Кшатрии — *варна* воинов, представлявшая в древности господствующий класс.

Лакшмана — один из героев эпической поэмы «Рамаяна», младший брат Рамы, отправившийся с ним и его супругой Ситой в изгнание.

Лакшми, или Шри — богиня красоты и счастья в индийской мифологии; считается супругой бога Вишну.

Ланка — исконное название острова Цейлон. Согласно «Рамаяне», Ланкой правил десятиголовый демон Равана, похитивший супругу Рамы Ситу.

Магада (Магадха) — древняя страна магадхов в нижнем течении Ганга. В середине I тысячелетия до н. э. Магадха превратилась в центр империи, охватывавшей всю Северную Индию, со столицей сначала в Гириврадже, а затем в Паталипутре.

Мадана (букв. «опьяняющий») — эпитет бога любви, который в индийской мифологии предстает вооруженным луком с тетивой из пчел и с цветочными стрелами.

Мадумати (букв. «богатая медом») — санскритизированное название аттола Хидмати в Мальдивском архипелаге, находившегося под властью арабов.

Мадхура (букв. «медовый», «сладостный») — легендарный лес, где, по преданию, родился Кришна (см.). С этим лесом связано название г. Матхура (или Мутра) близ Агры, которая является местом паломничества.

Майя — божественная иллюзия, творческая сила, якобы созидающая мир, который, согласно религиозным представлениям индийцев, реально не существует.

Малава — древнее название области Мальва в Центральной Индии.

Малая — горы в Малабаре (Южная Индия); так называют и юго-западный муссон, идущий от Малабара. Считается, что этот ароматный ветер, несущий аромат сандала и цветущих деревьев, возбуждает в сердцах любовь.

Маркандея — легендарный мудрец-отшельник, силою аскетических подвигов достигший бессмертия.

Матанги — то же, что и *чандала* (см.).

Маурья — могущественная династия, основанная в конце IV в. до н. э. в Магадхе (совр. Бихар) Чандрагуптой Маурья после свержения династии Нанда (см.).

Махешвара (букв. «великий владыка») — эпитет бога Шивы.

Махишмати — древнее название г. Махешвара, расположенного на правому берегу р. Нарбады, в 65 км южнее Индора.

«Методы примирения и другие...» — т. е. четыре главных средства политики, различавшиеся в древней Индии: 1) методы примирения, или мирные переговоры; 2) подкуп, 3) разжигание раздора, 4) карательные меры или открытое нападение.

Меру (или Сумеру) — название мифической горы в центре земли, за Гималаями, где расположены небо Индры и города богов. Она считается «горой Востока», откуда восходит солнце.

Мурала, муралы — название страны и народа, связанное с древней рекой того же имени (совр. р. Мула-Мутха, штат Керала).

Нагапура, или Хастинапура — развалины города близ старого русла Ганга, ок. 100 км северо-восточнее Дели.

Нанда — имя основателя династии Нанды, которая правила в Магадхе (361—321 гг. до н. э.).

Нандана — букв. «радующий».

Нара — род душистой травы.

Нара-Говинда — одно из имен Кришны (см.).

Нарада — один из мифических божественных мудрецов, который считается сыном Брахмы.

Нармада — древнее название р. Нарбады, протекающей в горах Виндхья и впадающей в Камбейский залив.

Нахуша — легендарный царь, один из персонажей «Махабхараты». Он подвергал унижениям брахманов, заставлял их впрягаться в свою колесницу и тащить ее.

Нирвана (букв. «угасание») — прекращение жизни и, следовательно, перерождений; согласно философии буддизма, означает прекращение страданий и достижение абсолютного покоя.

«Обладающая лебединой походкой» — похвала женщине, так как степенная, важная поступь считалась достоинством.

«Обладающая походкой слона» — такой эпитет применительно к женщине считался похвалой, так как обозначал плавную, величавую походку.

Область подземных существ — преисподняя, подземный мир.

«Обошла кругом него слева направо» — имеется в виду обряд, при котором обходящий всегда повернут к «предмету обхождения» правой рукой, чтобы показать свои добрые намерения.

Огонь-Вадавы — см. Вадава.

Основы здоровья — согласно древнеиндийской медицине их три: 1) вредные для здоровья элементы — ветры, желчь и слизь; 2) жар пищеварения; 3) внутренние секреции тела (числом семь). Здоровье основано на равновесии этих сил.

Падмавати — древнее название г. Виджаянагара, расположенного у слияния рек Синд и Парвати (штат Мадхья-Бхарат).

Пандит — ученый брахман, знаток религиозных книг.

Парашара — легендарный мудрец, пленившийся прекрасной дочерью царя рыбаков — Сатьявати, которая тайно родила от него Вьясу — деда *пандавов*, главных героев «Махабхараты».

Парвати (букв. «дочь владыки гор») — одно из имен богини Дурги, супруги Шивы.

Паталипура — очевидно, искаженное Паталипутра, столица царства Магадхи (совр. Патна).

Парий — см. *чандала*.

«Первородный царь людей» — т. е. Ману, сын Брахмы, в индийской мифологии считающийся родоначальником людей.

«По смерти не вышел окончательно из круговорота жизни и был причислен к богам» — т. е. не достиг нирваны (см.), по представлениям индийцев — окончательного спасения.

Подвесная петля — веревочная петля, на которую вешают груз, например на коромысле.

Праджапати (букв. «владыка созданий») — здесь эпитет Вишну (см.).

Пратиштхана — древнее название г. Пайтхан в верховьях р. Годавари.

Пурохита — домашний жрец-брахман, исполнявший роль духовного наставника семьи и следивший за соблюдением обрядов и обычаев.

Пушпакара — букв. «изобилующий цветами».

Пушпапур (букв. «цветочный город») — другое название г. Паталипутры (совр. Патна).

«Пять разновидностей государственных советов» — по «Артхашастре» Каутильи, это: 1) способ приступить к делу; 2) наличие достаточного числа людей и материалов; 3) определение места и времени; 4) противодействие неудачам; 5) счастливое завершение дела.

Райское дерево — мифическое дерево, исполняющее все желания.

Рама — герой древнеиндийского эпоса, считавшийся воплощением Вишну, высочайшего божества.

Раса — название пастушеской пляски.

Рева — одно из названий р. Нармады (см.).

Рупаджива — один из разрядов гетер, букв. «живущая красотой своего тела».

Сабхрамати — древнее название р. Сабармати в Гуджарате, которая впадает с севера в Камбейский залив.

Сагара — мифический царь, имевший 60 тыс. сыновей и принесший 99 жертв.

Сотая жертва не состоялась, так как бог Индра похитил жертвенного коня. Разыскивая коня, 60 тыс. сыновей Сагары не смогли найти его на земле и принялись копать подземный ход в ад.

Сандал — сандаловое дерево, из ароматной древесины которого делают различные лекарства и благовония, растет главным образом в Южной Индии.

Сарасвати — дочь и супруга Брахмы (см.), считается в индийской мифологии покровительницей наук и искусств, богиней красноречия.

Сарасвати — название древней реки, высохшее русло которой сохранилось в Восточном Пенджабе. По преданию, Сарасвати не исчезла, а протекает под землей и у Аллахабада сливается с Гангой и Джамной.

Сауराштра — область в Западной Индии на полуострове Катхиявар (Гуджарат).

«Семьдесят два составных элемента государства» — согласно «Артхашастре» Каутильи, государственные факторы, к которым относятся государь и государство, министры, сельская местность, укрепленные города, казна и войско и пр.

Сиддхешвари (букв. «преуспевающая владычица») — здесь эпитет богини Бхаттарики (см.).

Ситавастра — джайнский монах секты *шветамбара* (см.). Джайны считают религиозным преступлением убить какое-либо живое существо, а тем более есть мясо.

Сомарашми — имя гандхарвы (см.).

Страна пундраков — Паундра, или Пундрадеша, которая отождествляется с Пандуа в районе Мальда в Бенгале.

Суварнадвипа (букв. «золотой остров») — древнее название о-ва Суматра.

Сурасенское царство (Шурасена) было расположено близ Матхуры на р. Ямуне (Джамна).

Сухма — совр. Восточный Бенгал.

Тамала — дерево с черной корой.

Тиза — сезам.

Тилоттама — прекрасная небесная дева, созданная Вишвакарманом, зодчим богов, и подосланная богами к двум братьям-асурам (демонам), чтобы они убили друг друга. Тилоттама была столь прекрасна, что перед ней не устояли и сами боги.

«Три главные цели человека» — см. закон.

Три мира — по индийской мифологии, небо, земля и подземный мир.

Тригарта (букв. «страна трех крепостей») — древнее название областей Джаландхара и Лудхианы в Пенджабе.

Трипура — древнее название г. Теора, расположенного на р. Нарбада, западнее Джаббальпура.

Турья — музыкальный инструмент.

«Тысяча мировых периодов» — по мифологическим представлениям индийцев, различаются четыре мировых периода (*юги*): Сатьяюга, или Деваюга — Золотой век; 2) Третаюга — Серебряный век; 3) Двапараюга — Медный век и 4) Калиюга — Железный (т. е. нынешний) век. Все вместе они образуют великую югу, Махаюгу, длительностью 4 320 000 лет. Тысяча мировых периодов составит, следовательно, астрономическую величину и должна пониматься как образное выражение.

Уджаини (Удджайини) — древнее название г. Удджайна; см. также Вишала.

Урваши — в индийской мифологии прекрасная небесная дева (*апсара*), упоминаемая еще в Ригведе. Из-за проклятия богов Урваши вынуждена была сойти на землю, где стала женой царя Пururaваса.

Уткала — область, расположенная южнее Дамалипты, отождествляется с совр. Орисой.

Хара (букв. «разрушитель») — одно из наименований бога Шивы, одного из трех главных божеств индуизма. В божественную триаду входят Брахма (бог-создатель), Вишну (бог-хранитель) и Шива (бог-разрушитель).

Хара — эпитет Шивы (см.).

Хари (букв. «уносящий грехи поклоняющихся») — эпитет Вишну-Нараяны, высочайшего божества индуистского пантеона.

Чаматкарапура — одно из древних названий г. Баданагара в Северном Гуджарате.

Чампа — древний город в столице царства Анга (Бенгал), на месте совр. Бхагальпура.

Чампака — дерево, цветущее желтыми благоухающими цветами.

Чанакья — по индийской исторической традиции, мудрец, выдающийся государственный деятель древней Индии, советник и министр Чандрагупты Маурья, известный также под именем Каутилья и Вишнагупта. Ему приписывается авторство знаменитого политико-экономического трактата «Артхашастра» («Наука политики»).

Чандала, или *чандал* — представитель самых низших, презираемых слоев общества. Чандалы не входили ни в одну из главных каст (*варн*) и были лишены элементарных прав. Общение с чандалами считалось оскверняющим для членов четырех *варн* (*брахманов, кшатриев, вайшьев и шудр*).

Чандика (букв. «неистовая») — эпитет богини Дурги, или Парвати.

Чандравати — сказочный город, возможно на месте современного г. Джхальрапаттан в Раджпутане.

Чандрапура — древнее название г. Чанда в штате Мадхья Прадеш.

Чандрапури — то же, что Чандрапура (см.); по другим данным, г. Чандрикапури, больше известный как Шравасти, совр. Сахет-Махет в округе Гонда (штат Уттар Прадеш).

Чарманвати — древнее название р. Чамбал, берущей начало в горах Виндхья. По легенде, р. Чарманвати (букв. «стекающая со шкур») образовалась из крови, обильно стекавшей со шкур коров, убитых царем Рантидевой, который ежедневно убивал 2 тыс. голов скота для своей кухни и раздавал мясо нищим.

«Черепаха, несущая на спине землю» — один из индийских мифов.

«Четыре вида энергии» — т. е. четыре главных средства политики (см.).

Четыре касты (*варны*), или сословия: *брахманы* (см.), *кшатрии* (см.), *вайшьи* (см.) и *шудры* (см.).

«Четыре ступени жизни» — по индуистским воззрениям, четыре стадии в религиозной жизни человека (преимущественно брахмана): 1) период ученичества и воздержания; 2) жизнь домохозяина-семьянина; 3) жизнь удалившегося в лес отшельника; 4) жизнь странствующего нищего аскета.

Шамбху (букв. «дающий счастье») — здесь эпитет Шивы (см.).

Шакатала — по преданию, мудрый царский министр времен династии Нанды (см.).

Шанкара — см. Кайласа.

Шарада — одно из имен богини красноречия Сарасвати, считавшейся покровительницей наук и искусств.

Шастра, шастры — древние священные книги, излагавшие заповеди и нравственные обязанности индийцев. Позднее под шастрами понимали книги по различным отраслям знания, основанные на Ведах.

Шачи — имя супруги бога Индры (см.).

Шветамбара (букв. «облаченный в белое») — монах, следующий более «мягкой» из двух сект джайнизма, который признает необходимость ношения белой одежды. Другая, более строгая секта требует от своих последователей отказываться от всякого имущества, включая одежду.

«Шесть добродетелей» — т. е. шесть методов внешней политики (см.).

«Шесть методов политики» (внешней) подробно изложены в «Артхашастре» Каутильи, это: 1) мир; 2) война; 3) выступление в поход; 4) выжидательное положение; 5) двойственная политика; 6) обращение к помощи более сильного государя.

«Шесть своих внутренних врагов» — т. е. шесть чувств, которые необходимо обуздать: 1) любовь, или страсть; 2) гнев, или ненависть; 3) жадность; 4) гордость; 5) безумство; 6) высокомерие. По традиционным представлениям индийцев, победа над чувствами — необходимое условие достижения какой-либо цели.

«Шестьдесят четыре искусства» — необходимые для образованного, светского человека того времени познания в пении, игре на музыкальных инструментах, танцах, театральном искусстве, красноречии, литературе, искусстве одеваться, кулинарии и пр.

Шеша — мифический царь змей, которого считают повелителем Паталы — подземного мира. По преданию, Шеша поддерживает на себе землю.

Шиби — название древней страны по южному берегу р. Кавери на юге Индии. Так же называют обитателей этой страны.

Шива — бог-разрушитель из триады высших богов индийской мифологии (Брахма — Вишну — Шива).

Шравасти — город в Северной Кошале (совр. г. Сахет-Махет на р. Рапти).

Шудры — *варна* низших, бесправных слоев общества, религиозной обязанностью которых было услужение трем высшим варнам.

Шукра — в индийской мифологии Шукра олицетворяет собой планету Венеру и является наставником демонов-асуров.

Юдхиштхира — старший из пятерых братьев-*пандавов*, главных героев «Махабхараты», сын бога справедливости Дхармы; Юдхиштхира проиграл в кости своему кузену Дурьйодхане своих братьев и общую супругу *пандавов* — красавицу Драупади.

Якша — в индийской мифологии добрые полубоги, которые составляют свиту бога богатства Куберы и считаются хранителями его сокровищ.

Яма — в индийской мифологии бог смерти и правосудия.

СОДЕРЖАНИЕ

От издательства . . . 5

СЕМЬДЕСЯТ РАССКАЗОВ ПОПУГАЯ. *Перевод М. А. Ширяева* . . . 7

Рассказ первый . . . 9
Рассказ второй . . . 12
Рассказ третий . . . 13
Рассказ четвертый . . . 14
Рассказ пятый . . . 16
Рассказ шестой . . . 19
Рассказ седьмой . . . 22
Рассказ восьмой . . . 23
Рассказ девятый . . . 24
Рассказ десятый . . . 26
Рассказ одиннадцатый . . . 27
Рассказ двенадцатый . . . 28
Рассказ тринадцатый . . . 29
Рассказ четырнадцатый . . . 30
Рассказ пятнадцатый . . . 31
Рассказ шестнадцатый . . . 32
Рассказ семнадцатый . . . 33
Рассказ восемнадцатый . . . 34
Рассказ девятнадцатый . . . 34
Рассказ двадцатый . . . 35
Рассказ двадцать первый . . . 36
Рассказ двадцать второй . . . 38
Рассказ двадцать третий . . . 38
Рассказ двадцать четвертый . . . 43
Рассказ двадцать пятый . . . 44
Рассказ двадцать шестой . . . 44
Рассказ двадцать седьмой . . . 45
Рассказ двадцать восьмой . . . 46
Рассказ двадцать девятый . . . 46
Рассказ тридцатый . . . 47
Рассказ тридцать первый . . . 47
Рассказ тридцать второй . . . 48
Рассказ тридцать третий . . . 49
Рассказ тридцать четвертый . . . 50
Рассказ тридцать пятый . . . 50
Рассказ тридцать шестой . . . 51
Рассказ тридцать седьмой . . . 52
Рассказ тридцать восьмой . . . 53
Рассказ тридцать девятый . . . 54
Рассказ сороковой . . . 55
Рассказ сорок первый . . . 55
Рассказ сорок второй . . . 57
Рассказ сорок третий . . . 57
Рассказ сорок четвертый . . . 58

Рассказ сорок пятый 59
Рассказ сорок шестой 60
Рассказ сорок седьмой 61
Рассказ сорок восьмой 62
Рассказ сорок девятый 64
Рассказ пятидесятый 64
Рассказ пятьдесят первый 65
Рассказ пятьдесят второй 66
Рассказ пятьдесят третий 68
Рассказ пятьдесят четвертый 69
Рассказ пятьдесят пятый 70
Рассказ пятьдесят шестой 70
Рассказ пятьдесят седьмой 71
Рассказ пятьдесят восьмой 73
Рассказ пятьдесят девятый 74
Рассказ шестидесятый 76
Рассказ шестьдесят первый 77
Рассказ шестьдесят второй 78
Рассказ шестьдесят третий 79
Рассказ шестьдесят четвертый 80
Рассказ шестьдесят пятый 81
Рассказ шестьдесят шестой 81
Рассказ шестьдесят седьмой 82
Рассказ шестьдесят восьмой 83
Рассказ шестьдесят девятый 84
Рассказ семидесятый 85

ДАНДИН. ПРИКЛЮЧЕНИЯ ДЕСЯТИ ПРИНЦЕВ. *Перевод Ф. И. Щербатского* 89

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Приключения царевича Раджаваханы 91
Поход против царя Бенгальского 93
Рассказ нимфы 94
Заключение 96

ГЛАВА ВТОРАЯ

Рассказ Апахаравармана 98
Рассказ Маричи 98
Рассказ матери гетеры 99
Продолжение рассказа отшельника Маричи 101
Встреча с Вирупаком 104
Знакомство с Данамитром 106
Волшебный кошелек 110
Женитьба на Рагаманьджари 112
Тюрьма 117
Заключение 123

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Приключения царевича Упахаравармана 125
Рассказ монахини 125
План Упахаравармана 127
Свидание 131
Заключение 138

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Приключения Артапала 139
Рассказ Пурнабадра 139
Рассказ министра Камапала о своей жизни 141
Рассказ феи Таравали 142

Продолжение рассказа министра Камапала 143
Продолжение рассказа Пурнабадра 143
Продолжение рассказа Артапала 145

ГЛАВА ПЯТАЯ

Приключения Прамати 151
Рассказ феи 154
Продолжение рассказа Прамати 156

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Приключения Митрагупта 161
Танец с мячом 162
Продолжение рассказа Митрагупта 165
Жестокосердная жена 167
Образцовая хозяйка 169
Каприз любви 173
Пройдоха 175
Заключение 178

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Приключения Мантрагупта 180

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Приключения Вишрута 189
Советы канцлера 190
Речь царедворца 191
Визит Чандрапалита 195
Интриги царя ашмаков 198
Развязка 203
Заключение 206
Глоссарий 211

С30 Индийский «Декамерон»: Семьдесят рассказов попугая. Пер. с санскр. М. А. Ширяева. Дандин. Приключения десяти принцев. Пер. с санскр. акад. Ф. И. Щербатского.— М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1993.— 223 с.: ил.
ISBN 5-02-017618-4

Два знаменитых произведения классической индийской литературы посвящены историям о любви и ее перипетиях — это своего рода индийский «Декамерон» с множеством комических и трагикомических ситуаций.

И $\frac{4703020100-079}{013(02)-92}$ 113-93 ББК 84.5 Ид